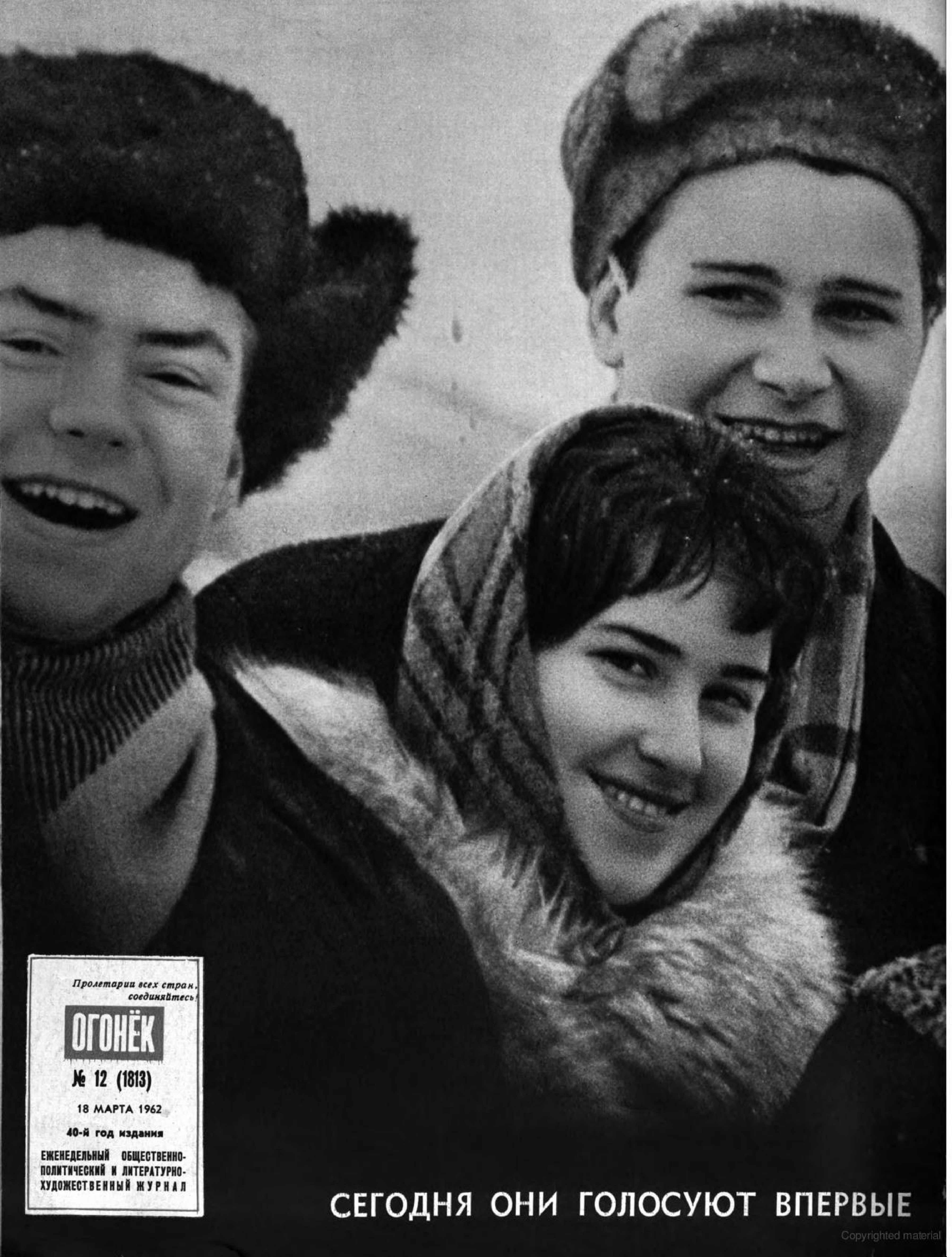

НАШИ ГОЛОСА — ЛУЧШИМ, ДОСТОЙНЕЙШИМ СЫНАМ И ДОЧЕРЯМ РОДИНЫ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1813)

18 МАРТА 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕГОДНЯ ОНИ ГОЛОСУЮТ ВПЕРВЫЕ

Студенты Борис Аросьев, Оксана Бурдакова, Алексей Жуков, Лариса Логинова, Ася Вознесенская.

Фото И. Тункеля и Д. Ухтомского.

БОЛЬШ

Надо в каждом колхозе и совхозе научить людей выращивать высокие урожаи кукурузы с початками, сахарной свеклы на корм, гороха, кормовых бобов. Борьба за высокие урожаи этих культур — это борьба за обилие мяса, за обилие молока.

Из постановления Пленума ЦК КПСС по докладу Н. С. Хрущева.

Сильные всходы

В колхозе имени Карла Маркса, в Вахшской долине Таджикской ССР, начался сев. Чем отличаются нынешние весенние работы, что делает колхоз для того, чтобы уже в этом году добиться резкого повышения урожайности? Главный агроном колхоза Абдусалом Хаитов рассказал нам:

— Никита Сергеевич Хрущев говорил на Пленуме: если весной курицу на яйца не посадишь, то нечего будет и осенью считать. Это ведь прямо к севу относится. И еще он сказал: будут корма — будет скот, будут мясо и молоко. Эту истину мы крепко усвоили и к севу подготовились неплохо.

Сев в этом году ведем в три этапа. Первый — сахарная свекла на корм и горох — уже закончен. Горох сеяли впервые, эта культура для нас новая. Но, видимо, пойдет хорошо: всходы дал сильные, сочные. Сейчас сеем кукурузу, площадь под нее увеличили в полтора раза. Кукуруза — дело уже проверенное, на наших землях дает за лето два урожая, вызревает полностью. Третий этап — хлопчатник. В этом году мы применим широкорядный посев: узкорядный себя не оправдал. Ведь что получалось? Тракторную обработку было трудно вести. Кусты стояли тесно, нижним ярусам не хватало солнца, и они сбрасывали плоды, урожай получался невысокий. А теперь кусты будут прогреваться ровно, растения станут мощней, ни одна коробочка не пропадет. Хоть кустов-то и меньше, а хлопка выйдет больше и стоить он будет дешевле.

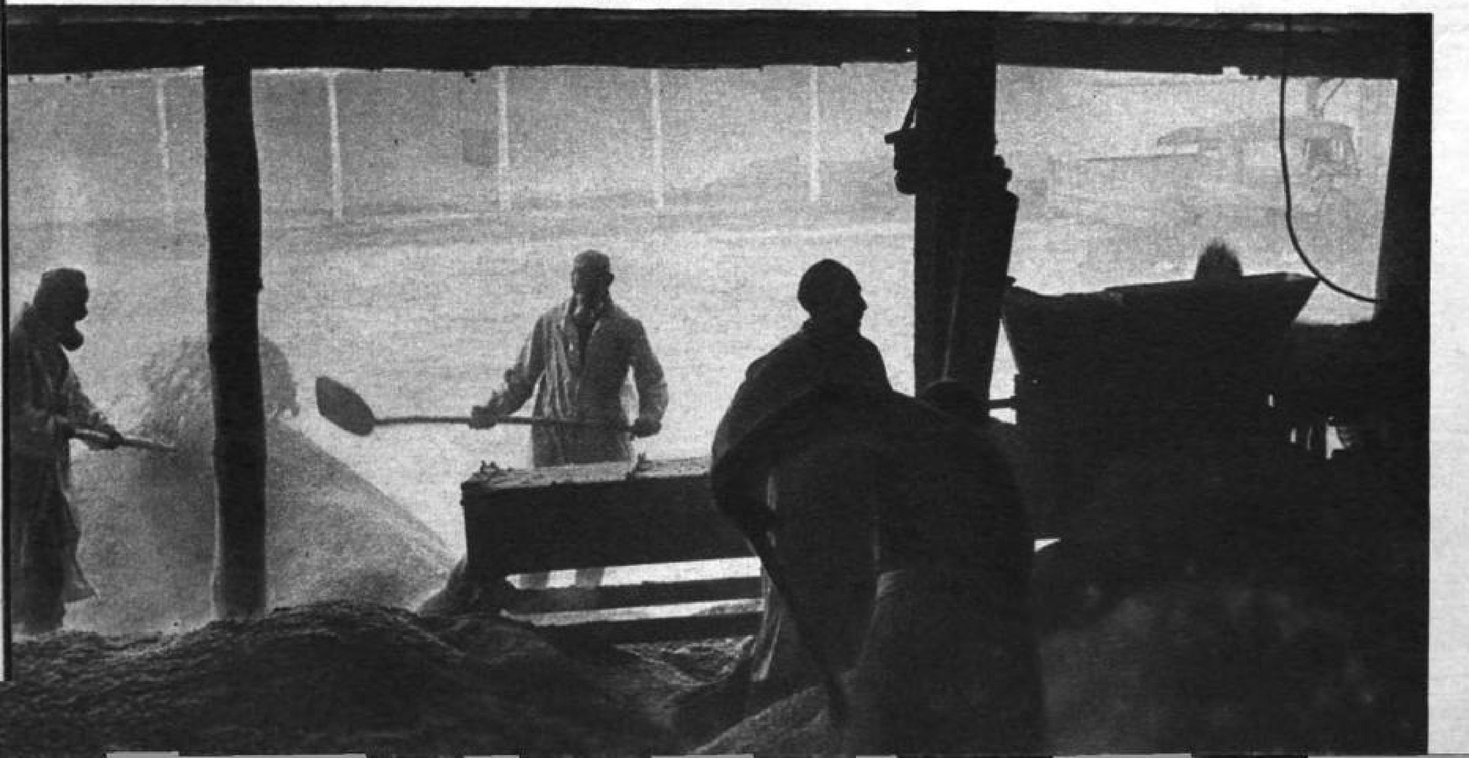
К весне мы получили новую технику — квадратно-гнездовые сеялки точного высева. Сейчас они у нас кукурузу сеют: через строгий промежуток делают лунки и в каждую кидают по два зернышка. Хорошая машина.

И еще одно новшество ввели: перед посевной полили как следует землю, полили про запас, теперь не нужно будет в самый разгар работ отвлекать людей для дополнительного полива. Земли у нас в колхозе много, поля тянутся, видите, вон до тех дальних гор. Трудно со всем управляться. А если на каждой работе высвободим время и людей зря гонять не будем, знаете, какая экономия получится! И продуктов больше дадим народу и доход колхозный повысим.

Ю. КРИВОНОСОВ

Идет сев кукурузы.

На зерноскладе. Подготовка семян хлопчатника.

...АЯ ВЕСНА ЗЕМЛИ СОВЕТОВ

Большая весна идет по советской земле, первая весна практического претворения в жизнь великой Программы коммунистического строительства в СССР, принятой XXII съездом КПСС. Недавно закончившийся Пленум ЦК КПСС принял Постановление, в котором наметил неотложные и важные меры по осуществлению исторических решений XXII съезда партии и новой Программы КПСС в области дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства. Центральный Комитет КПСС призывает весь советский народ:

За боевую работу, товарищи!
Вперед, к победе коммунизма!

Инженеры Борис Добряков и Юрий Целиков рассчитывают прочность тормоза.

Одна из последних моделей «Кировца».
Фото Г. Копосова.

МОЩНЫЙ, СКОРОСТНОЙ

В летописи Кировского завода выпуск первых отечественных тракторов — знаменательное событие. То было соревнование со всемогущим капиталистом Фордом. Путиловцы четыре десятилетия назад удивили мир: изготовили «Фордзоны» во многом совершенней фордовских.

На заводе и сейчас не без юмора рассказывают о единоборстве двух тракторов — русского и американского. В 1924 году Форд отправил свой «Фордзон» на Нижегородскую ярмарку, он и не предполагал встретить там соперника. И вдруг гул мотора — новый трактор! Откуда?

— Чей трактор? — спросил американский механик.

— Краснопутиловский! — ответил наш механик Анатолий Горшков.

— Не слыхал такой фирмы! Хотите мерить силы? — предложил фордовец.— Покупатель должен видеть товар!

Стальными тросами сцепили оба трактора. Механики нажали на педали, тросы натянулись струнами. Люди с любопытством следили: чей трактор перетянет? Иностранец хватался за переключатели скоростей, дергал рычаги, но путиловский «Фордзон» не двигался с места. В какое-то мгновение фордовская машина вздрогнула и под веселый гул толпы подалась назад...

Высокое мастерство пионеров советского тракторостроения никогда не угасало в цехах старейшего завода. Никита Сергеевич Хрущев заявил с трибуны XXII съезда КПСС о необходимости организовать производство новых, мощных скоростных тракторов, и на Кировском началась интересная работа. За чертежные столы сели конструкторы. Возглавил их Виталий Александрович Поляченко.

И вот кировцы вновь прокладывают неизведанный путь в отечественном тракторостроении, создают самый мощный в мире трактор. На этот раз они спорят не с Фордом, а с владельцами другой американской фирмы — «Джон-Дир», выпускающей трактор с двигателем в 200 лошадиных сил. Чтобы выиграть это мирное сражение, инженерам приходится решать подчас сложные технические проблемы.

Леонид Маркович Мадорский, опытнейший инженер, конструирует сложный узел — коробку передач. В одиннадцатитонной машине переключение передач должно осуществляться легко, плавно, без остановки трактора. Для этого предусмотрен широкий диапазон скоростей — шестнадцать, это от 2,8 до 30 километров в час! Все четыре колеса ведущие, каждое — в рост человека.

В спорах и размышлениях рождались один, другой, третий варианты... Но только пятый признается новым словом в технике.

У каждого инженера, естественно, свои заботы, свои хлопоты. Конструктор Владимир Юрьевич Маргулис-Якушев вместе с научным сотрудником Константином Евгеньевичем Розеном еще и еще раз возвращается к проблеме, связанной с радиатором. На его изготовление идут медь и олово. Нельзя ли делать радиатор из стали? Можно, отвечают кировцы! Но конструкторы вскоре предлагают новый вариант: оказывается, радиатор может быть и из алюминия.

Где, на каких узлах и деталях заменить высокодефицитные материалы? Рама из обычной стали? Кабина из пластмассы? Эти вопросы волнуют и проектировщиков и производственников.

Напряженно работают в вычислительном центре. Все варианты, сколько бы их ни было, на каждую деталь и каждый узел, подтверждаются точными расчетами. Этим занят инженерный отдел, возглавляемый молодым специалистом Борисом Добряковым.

— Если бы не электронная машина,— говорит инженер Лидия Ионова,— то расчеты замедлились бы раз в восемь — десять!

Новый скоростной мощный трактор обретает все более ясные формы и очертания. Дважды кировцы выносили соперника фирмы «Джон-Дир» на авторитетный суд специалистов. Технический проект утвержден. Рабочие чертежи сдаются в производство.

— В сравнении с нынешними «ДТ-54А»,— рассказывает В. А. Поляченко,— «Кировец» в четыре раза производительнее. Но ему крайне необходим мотор в 250—300 лошадиных сил. Имея такой двигатель, «Кировец» с восьмикорпусным плугом смог бы увеличить скорость на пахоте с 6—8, как это предусмотрено в техническом проекте, до 8—10 километров в час. К «Кировцу» придаются различные навесные машины. На вывозке зерна он потащит прицепы со скоростью тридцать километров в час.

На некоторых полевых работах «Кировец» может заменить три трактора «ДТ-54А». Таким образом, один тракторист будет заменять троих.

К. ЧЕРЕВКОВ

ЕДЕМ, ДРУЗЬЯ...

Володю Матыгина, слесаря Московского завода имени Владимира Ильича, мы встретили в цехе во время обеденного перерыва.

— Почему собираюсь в деревню? — повторяет он наш вопрос.— Думаю, что буду там полезнее. Я сейчас учусь на третьем курсе вечернего электромеханического техникума, теперь перейду на заочное отделение, когда окончу, стану механизатором. А главное вот что.— Володя достает газету с Обращением Центрального Комитета КПСС и читает: — «Центральный Комитет призывает юношей и девушек городов и рабочих поселков поехать на работу в колхозы и совхозы. Труд на полях и фермах — это благородный и почетный труд». Считаю, что это прямо ко мне относится.

Решения Пленума и Обращение ЦК КПСС нашли горячий отклик на заводе. К Володе подходят юноши и девушки, которые так же, как и он, подали заявления с просьбой отправить их на работу в деревню.

— Ты не знаешь, когда нам в дорогу собираться? — спрашивает Люся Дмитриева.

Люся Дмитриева, Нина Назарова, Оля Федорова, Люда Миндич и Светлана Бородзич в прошлом году окончили десятилетку, работают на заводе укладчицами.

— Мы хотим трудиться в целинных районах потому,— говорит Люся Дмитриева,— что именно там не хватает пока рабочей силы.

— Особенно квалифицированной,— вступает в разговор наладчица Галя Соколова (у нее за плечами десятилетка и два курса вечернего института).— А мы надеемся стать хорошими механизаторами.

— Иначе и ехать не стоит,— улыбается токарь Вячеслав Яшкин.— Нельзя же быть такими механизаторами, как те, о которых говорили на Пленуме, помните: техника ржавеет, а кукурузу топором рубят.

Молодежь прощается с нами и идет в комитет комсомола узнать, когда же наконец в дорогу.

А. ГОЛИКОВ

Скоро в путь. Они поедут работать в колхозы и совхозы целинных районов.
Фото Г. Санько.

ГОСУДАРСТ

В. ПОНОМАРЕВ Фото А. УЗЛЯНА.

Государство — это мы. Такова сущность нашей жизни. Какая бы область государственной работы ни привлекала нашего внимания, всюду встретимся мы с общественной инициативой и контролем. Не по служебному долгу, а по велению сердца вникает советский человек во все сферы государственной деятельности. Так в большом и малом. Так всюду. И пример Минска — типичный пример.

2

3

1 Инженер-конструктор кузнечного цеха Минского завода запасных частей Анатолий Павлович Кожемяченко — молодой специалист. Ему хорошо памятны школьные и студенческие годы. Еще в школе зажгли в его душе первый огонек любви к труду. На всю жизнь благодарен он своим учителям. Теперь он депутат Минского горсовета, член комиссии по народному образованию. Анатолий Павлович часто бывает в школах. Сейчас он в 62-й школе на уроке труда, который ведет педагог В. С. Бойкачев (слева).

2 Минскими Черемушками зовут примыкающий к Волгоградской улице район жилого строительства. У самого Е. М. Полосина, актера Русского драматического театра, квартира есть, но депутатские хлопоты за тех, кто еще ждет новоселья, привели его на строительную площадку. «Лишний взгляд хозяйского глаза не помеха»,— говорит артист.

3 Это экспериментальная лаборатория Минского завода электрохолодильников. Завод еще не приступил к их выпуску. Но уже теперь ясно, что минские холодильники особенно удобны для тех домохозяек, у которых малогабаритные квартиры, потому что это сразу и стол с пластмассовой крышкой, которая не боится горячего, и шкаф для хранения посуды и нескоропортящихся продуктов, и холодильник. Достоинства и недостатки опытного образца обсуждают главный инженер нового предприятия Г. И. Сысоев, начальник экспериментальной лаборатории А. Д. Малярчиков и В. А. Рожков, директор моторного завода. При чем здесь директор моторного завода? Да при том, что он входит в комиссию местной промышленности. Значит, ему есть дело и до нового холодильника.

4 Седьмой год работает в торговой комиссии Минского горсовета слесарь-сборщик автозавода А. И. Нехай (справа). За это время он так изучил торговое дело, что его можно считать специалистом. Напрасно директор продуктового магазина «Осень» С. Е. Шершун надеялся, что «придраться» А. И. Нехаю будет не к чему. Заметив, что продавщица разливает молоко вручную, А. И. Нехай справился, почему не работают разливочные машины.

— Вышли из строя, заводской дефект,— объяснил директор.

В этом надо разобраться. И слесарь стал искать причину неисправности.

5 В. И. Ильина — директор библиотеки. В то же время она заведующая внештатным отделом культуры Советского района Минска.

— Что меня привело в аппаратную кинотеатра «Мир»? — переспросила Варвара Ильинична.— У киномеханика Г. И. Новаковского больше двадцати рационализаторских предложений. Придумал он и автоматическое устройство, которое по телефону сообщает названия картин и сеансы в «Мире». Вот это и привело меня в аппаратную кинотеатра. Надо будет рассказать о новинке другим кинотеатрам.

1

ВО — ЭТО МЫ

4

5

6

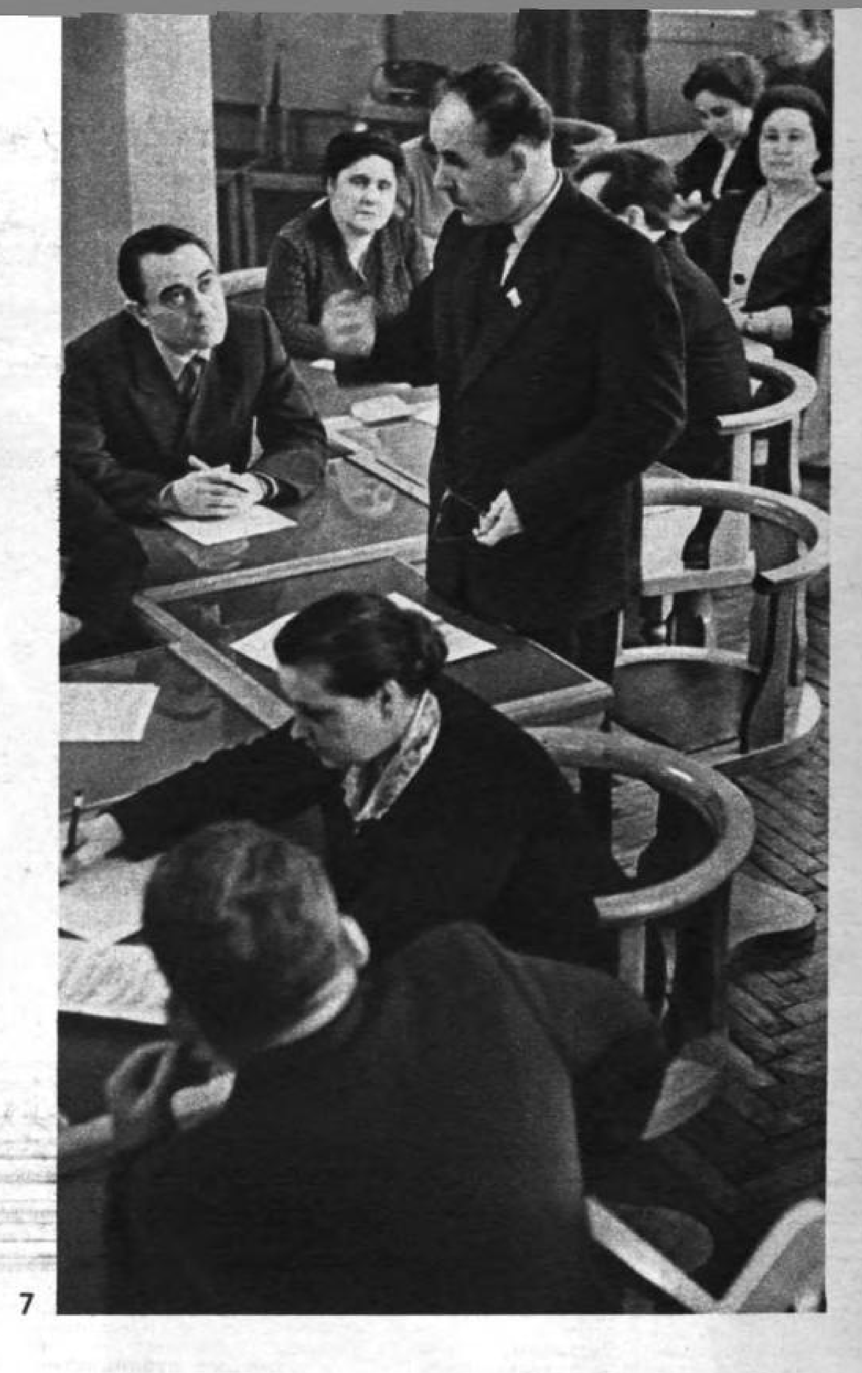
6

Столовая № 4 расположена в районе тракторного завода. Ее клиенты — рабочий народ. Им некогда. Им главное — поскорее, но и повкуснее. Насчет «поскорее» многое зависит от самих клиентов: тут самообслуживание. Что же касается «повкуснее», то об этом взял на себя заботу от имени горсовета провизор Сергей Григорьевич Шамрук. Он наблюдает за работой столовой.

Открытие через четверть часа. Раннее утро. Сергей Григорьевич выбрал время, чтобы проверить меню и выкладку. Для С. Г. Шамрука — беседа, а для нового директора столовой Н. Т. Жданова — экзамен.

7

Вот один из залов Верховного Совета Белоруссии. Идет совместное заседание депутатских комиссий по здравоохранению. Обсуждаются проблемы санитарной культуры села и организации летнего отдыха в окрестностях крупных промышленных центров республики. Тут главный врач Гродненской больницы В. Ю. Мирончик, профессор Т. В. Бирич, врач Слуцкой больницы А. А. Бокач, вместе с ними начальник цеха Л. М. Качинская, партийный работник В. Р. Романов, пенсионерка Е. Е. Серкова. Присутствовавший на заседании председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов поблагодарил товарищей, высказавших много ценных идей, которыми Президиум обязательно воспользуется.

7

8

— Как хотите, Прокофий Ефимович, но жалобы пассажиров во многом объясняются непродуманностью графика движения троллейбусов. Это ваша диспетчерская забота,— упрекает Василий Николаевич Толкач диспетчера троллейбусно-трамвайного парка П. Е. Горькавого.— Сейчас наступит час пик, а три машины остались в парке. Разве это порядок?

Можно предположить, что В. Н. Толкач — один из руководителей минского троллейбусно-трамвайного хозяйства. Нет. Он слесарь и работает совсем на другом предприятии. Его привела в депо иная забота: он член комиссии горсовета по транспорту.

9

Вечер. Город озаряется светом фонарей, витрин и реклам. На улицах становится многолюдней. Вечерами всегда празднично, потому что это пора отдыха и развлечений. И для такой поры всегда нужен порядок. Его поддерживают люди с красными повязками на рукавах — народные дружинники. Вышли на свой участок Анатолий Бардиян и Иван Пивоваров. Днем они были у станков: Иван — шлифовщик, Анатолий— фрезеровщик завода имени Кирова. Оба ударники коммунистического труда. А вечерами они гроза для тех, кто нарушает порядок.

Все обыкновенно. Мы привыкли к тому, что наш соотечественник чувствует себя хозяином своего города, своей области, своего государства.

8

9

ТРУПНЫЙ ГЛАС

Г. ГУРКОВ

«Старую армию из олова и цинка, со знаменами, штандартами и музыкальной игрой, с ротой знаменосцев, несущих 50 батальонных знамен гвардейского корпуса, продает полностью или по частям Курт Петерс, Бонн-Венусберг, Хаагервег, 13»...

Это объявление появилось в одном из номеров западногерманского реваншистского листка «Штальхельм» («Стальной шлем»). Безобидное объявление, чего не скажешь о материалах, публикуемых по соседству. Курт Петерс занят тем, чтобы сбыть кому-нибудь своих оловянных солдатиков. Руководители милитаристского союза «Стальной шлем», органом которого является газета, напротив, хотят приобрести армию. Притом не оловянную, а живую. Оснащенную новым оружием и старыми принципами. Теми же, что и коричневый вермахт.

На них делают ставку оберлендеры и штраусы. Реваншистский митинг в Западном Берлине.

Отравленное оружие боннских неофашистов.

Из номера в номер «Штальхельм» исступленно призывает к войне, к реваншу. Здесь не заботятся о маскировке, как в некоторых других западногерманских изданиях. Откровенная, ничем не прикрытая пропаганда ненависти к Советскому Союзу и социалистическим странам, злобная клевета на коммунизм, средневековое мракобесие в политических воззрениях — вот что характерно для статей, комментариев и крикливых деклараций, появляющихся на страницах «Штальхельма».

И разве удивительно, что именно в этой милитаристской газетенке, щеголяющей совершенно непристойным тоном, появилась обширная статья, подписанная «Проф. д-р, д-р Оберлендер, федеральный министр в отставке»?

После прокатившейся по всему миру волны негодования, в результате которой к титулу Оберлендера прибавилось определение бывший, после процесса в ГДР, на котором каратель и палач был заочно приговорен к пожизненному тюремному заключению, он на время затих. И вот теперь военный преступник снова лезет на боннскую политическую арену.

Теодор Оберлендер возвращается к тому, с чего он когда-то начинал в гитлеровском «Союзе немцев Востока»: он натягивает тогу «теоретика».

Изыскания герра бывшего министра посвящены вопросам холодной, или психологической, войны. Ставя, как всегда, факты с ног на голову, он связывает ее возникновение с политикой... Советского Союза. Набившая оскомину болтовня о стремлении коммунистов «захватить мир» сменяется сетованиями по поводу пассивности Запада. «Можно сказать,— уныло констатирует Оберлендер,— что сорок четыре года мы переживали перманентную капитуляцию».

Горе-теоретик не в силах понять, что победное шествие коммунистических идей по нашей планете — это не следствие каких-то мифических «советских козней», а закономерный результат исторического развития, помешать которому бессильны кайзеры и фюреры, доллары и авианосцы. Охваченный паникой перед лицом грандиозных успехов социализма, Оберлендер пытается изобрести средства, чтобы спасти капиталистический строй от гибели. Старый провокатор, опираясь на опыт, почерпнутый в ведомствах Розенберга и Гиммлера, выдает рецепты «свободному миру». Суть их — звериный антикоммунизм, тотальная психологическая война против стран социализма.

«Это война без видимого начала,— поучает Оберлендер.— Ее не объявляют как открытую войну, и она не начинается выступлением войск. Ее начинают почти незаметно с помощью публицистической деятельности, проникновения, шпионажа. Она тем успешнее, чем меньше бросается в глаза, чем меньше оборонительных сил противника приводит в действие».

Оберлендер считает, что холодную войну Запад ведет «недостаточными силами». Понося тех, кто стоит в стороне от антикоммунистических походов и кампаний, ретивый Теодор требует все и вся подчинить борьбе против коммунизма: «всю государственную систему, общую линию правительства, программы партий». Программа западногерманских социал-демократов Оберлендера не удовлетворяет. «Другие партии также должны основательно пересмотреть свои программы под этим углом зрения»,— в директивном порядке требует экс-министр.

Итак, мобилизация всех средств на борьбу против коммунистических идей — это главное. А дальше? «Никаких компромиссов», «Никакого сосуществования» — таковы подзаголовки оберлендеровского произведения.

Распоясавшийся погромщик не стесняется в формулировках. Политических деятелей Запада, проявляющих трезвость, выступающих за переговоры, он на жаргоне геббельсовских времен именует «троянскими ослами». Промышленникам и коммерсантам, торгующим с социалистическими странами, Оберлендер бросает: «Могильщики свободы».

Обругав соотечественников за «абсентеизм», «нейтрализм» и «безответственность», Оберлендер переходит к практической части своих изысканий. «Не бойтесь слова «война»,— внушает он.— Только наступление приносит успех, и Берлин тоже можно защитить лишь наступлением».

Заплечных дел мастер в бешенстве: стена, отгородившая столицу Германской Демократической Республики от логова шпионов и диверсантов — Западного Берлина,— положила конец разгулу империалистических агентур. Оберлендер по этому поводу обвиняет. Кого? Всех. Даже американцев. «Что было бы,— патетически вопрошает он,— если бы американский комендант в Берлине 13 августа вечером сообщил своему советскому коллеге, что протянутая через Берлин колючая проволока будет сорвана его саперами, если Советы в течение ближайших часов не сделают это сами?»

Недобитый гитлеровец, очевидно, забыл, чем кончаются попытки разговаривать с Советским Союзом языком ультиматумов. А об этом не мешало бы помнить! И не только отставным министрам...

Сила и правда — на стороне великого содружества социалистических государств, на стороне миллионов, идущих вперед под знаменем передовых идей. Коммунизм утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов. Что может противопоставить этому капитализм? Застенки Салазара? Резиновые дубинки «фараонов»? Пластические бомбы оасовцев? Или хриплый голос политического покойника, раздающийся со страниц «Штальхельма»?

Когда вода спала...

QUICK

Почему произошла катастрофа

«Более чем в ста местах дамбы прорваны! Свыше четырехсот человек погибли в домах, которые за несколько секунд были затоплены и стали могилой для своих обитателей! Более сорока тысяч мужчин, женщин, детей, лишенных крова, спасшихся в одном белье! Ущерб в результате разрушения жилых домов, железнодорожных и автомобильных магистралей, фабрик и общественных учреждений составляет многие миллиарды марок!..» Таков мрачный баланс, подведенный западногерманским журналом «Квик» после неслыханной катастрофы, разразившейся на побережье Северного моря.

Кое-кто в Бонне поспешил снять с себя всякую ответственность за происшедшее, заявив, что человек бессилен против подобного стихийного бедствия. Так ли это? «Квик» отвечает: «Нет!»

Журнал показывает, что дамбы, защищающие побережье ФРГ, «безнадежно устарели». После наводнения в Голландии в 1953 году правительственными инстанциями Западной Германии был составлен специальный план, предусматривающий укрепление и расширение дамб. «Превосходный план,— пишет «Квик».— Но к моменту, когда на Северную Германию обрушилась катастрофа, он был выполнен едва ли наполовину. И произошло то, что должно было произойти: модернизированные дамбы выстояли. Повсюду же, где были старые дамбы, волна прорвалась — более чем в ста местах. Нет сомнения: если бы наши власти не затягивали выполнение плана укрепления побережья, не произошло бы катастрофы, самой страшной из сохранившихся в памяти людей...»

Масштабы катастрофы. На карте, опубликованной в журнале «Квик», крестиками отмечены места прорыва дамб, заштрихованы районы, подвергшиеся затоплению.

Как у взрослых

В шумный спектакль превращены избирательные кампании в метрополии капитализма — Соединенных Штатах Америки. И действующие лица в этом спектакле не только партийные боссы республиканцев и демократов, не только рекламные агентства, но и полиция. Блюстители порядка разгоняют митинги и собрания прогрессивных организаций, приходят на помощь погромщикам из черносотенного «Общества Джона Бэрча», организующего дикую травлю честных американцев. Фигура полицейского с резиновой дубинкой в руках стала своеобразным символом буржуазной «демократии» и «законности». И не случайно эти нью-йоркские мальчишки, играющие в выборы, поставили возле урны «полицейского».

МИР ЖДЕТ, МИР НАДЕЕТСЯ

Внимание человечества приковано к Женеве. С открывшимся здесь совещанием по разоружению связаны надежды миллионов людей во всех уголках земного шара.

Есть ли в мире более животрепещущая проблема, чем освобождение народов от ужасов войны, от тяжкого бремени вооружений? Каждое правительство ответственно за скорейшее решение этой проблемы. Ответственно перед людьми, перед историей.

Советский Союз терпеливо и настойчиво добивается претворения в жизнь благородной идеи всеобщего и полного разоружения. Наша страна подтвердила и подтверждает свое горячее стремление к миру словами ленинского декрета и героизмом солдат, поднявших над рейхстагом знамя Победы, великими трудовыми свершениями народа и неутомимой работой во имя мира, которую последовательно ведет Советское правительство. Мирная инициатива прочно находится в руках СССР. И разве случайно резиденцию советской делегации в Женеве называют «виллой мира»?

Кое-кто на Западе заранее предрекает провал женевских переговоров. «Перспективы малоотрадны, если вы оптимист, безнадежны, если вы пессимист»,— каркает «Нью-Йорк геральд трибюн». Да, рыцари «холодной войны» еще не выбросили на свалку свои заржавленные копья. Но с каждым днем труднее приходится тем кругам, для которых военный психоз и антикоммунистическая истерия привлекательнее всеобщей безопасности и разоружения. По всей планете прокатилась волна гневного протеста против решения президента Кеннеди возобновить ядерные испытания в атмосфере. Не новые смертоносные взрывы, а мир и спокойствие нужны простым американцам — мужчинам, женщинам, детям, которых вы видите на снимке. Они вышли на нью-йоркскую площадь Таймс-сквер, чтобы осудить милитаристский акт правительства США.

Человечество устало от напряженности и угрозы войны. Оно хочет мира. Оно требует мира. И к этому обязаны прислушаться участники женевских переговоров.

Прекратить игру с огнем!

«Там, где горячая война становится все горячее»—под таким заголовком американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал корреспонденцию из Сайгона. «Снова американцы сражаются в необъявленной войне в Азии,— пишет журнал.— Ее главная арена находится в настоящее время в Южном Вьетнаме».

Журнал признает, что в карательных операциях против патриотических сил Вьет Конга участвуют от четырех до пяти тысяч военнослужащих США. Американские инструкторы обучают войска клики Нго Динь Дьема, американские летчики бомбардируют мирные селения Южного Вьетнама.

Но ни бомбы, ни пули, изготовленные в Америке, ни зверства нгодиньдьемовских бандитов, вымуштрованных заокеанскими специалистами по войне в джунглях, не могут подавить героическую борьбу народа Южного Вьетнама за свободу. В эту борьбу все активнее включаются новые и новые патриоты.

Миролюбивая общественность Азии и всего мира клеймит позором действия провокаторов войны из Пентагона и требует: прекратить опасную игру с огнем!

«Офицер США на передовой обучает южновьетнамцев обращению с американским пулеметом»,— пишет под этим снимком журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

ВСТРЕЧА ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Близится съезд Ленинского комсомола. Во вторник, 13 марта, в конференц-зале редакции журнала «Огонек» собрались комсомольцы четырех поколений. О легендарных днях гражданской войны, о кипучих делах пятилеток, о боевых подвигах комсомольцев в Великой Отечественной войне, о трудовых буднях бригад коммунистического труда, о страде на целинных землях шел взволнованный разговор.

Большой отчет об этой встрече мы поместим в одном из ближайших номеров нашего журнала.

КАПИТАН СУЭТР ГУЛЯЕТ...

Эта история произошла на юге Франции, в небольшом лагере, построенном когда-то молодыми французами для того, чтобы отдыхать на берегу быстрой Роны. Сейчас лагерь переоборудован под место отдыха на полном казенном содержании для тех французских «ультра», которые имели неосторожность слишком мозолить глаза властям. Захваченные на месте преступления, они были осуждены на весьма скромные сроки и водворены по месту заключения.

В Сен-Морис-л'Ардуаз (так оно называется) внешне все выглядит, как положено. Есть даже три ряда колючей проволоки и 350 жандармов с ружьями. Внутри — иное дело. Тут, если хотите, настоящий санаторий. Молодчикам Салана создали режим, отвечающий их высоким запросам. К господам приставлены денщики, обеды готовятся по специальному меню, столы сервируются по первому разряду. Заключенных навещают друзья, родные. Срочные дела они быстро решают с помощью телефона. Короче, делается все, чтобы оставить у оасовцев от лагеря самые лучшие впечатления.

На убеждения поднадзорных не оказывается никакого давления. Здесь живут так, как заведено у Салана. Утром вместо молитвы — традиционный концерт на ложках: выбивание в такт песни «Алжир французский». После кофе — обстоятельное изучение последних сообщений с театра действий секретной вооруженной организации. Вечером — телевизор, на экране которого можно видеть жертв ОАС и результаты бесчисленных взрывов «пластик». А после ужина, обильно сдобренного виски, за бриджем можно поболтать о разных делах.

Но вот однажды безмятежный ход жизни оасовского санатория был нарушен шумным событием. Один из заключенных решил венчаться.

Он был молод и горяч, этот капитан Суэтр. Он не любил ничего откладывать в долгий ящик. Капитан был видным «ультра» и ходил в специалистах по организации отрядов фашистских головорезов.

Свадьбу устроили на славу. Гостей было не много, ни мало—почти восемьдесят человек, в том числе все заключенные. Столы ломились от яств, вино лилось рекой, жених и невеста, пройдя к своим местам под лесом символических шпаг (из кусков колючей проволоки), поцеловались, гости аплодировали.

Среди участников веселья был мужчина в штатском. Взгляните, он на верхнем снимке, справа от жениха и невесты. Это генерал Клеман, заместитель командующего девятым военным округом Франции. Он прибыл в лагерь, чтобы стать свидетелем со стороны жениха. Так что свадьба была с генералом. Почти по Чехову. Но это был не какой-нибудь старенький, заштатный офицер, а видный бригадный генерал при орденах и солдатах.

Генерал на свадьбе не безобразничал не в пример чеховскому Ревунову-Караулову. Слова незнакомые не выкрикивал, вел себя пристойно. Хотя и не получил за это четвертной. Речи произносил он складные и весьма ласкающие ухо оасовских каталажников. Генерала эта публика не шокировала. Они были свои ребята.

— Суэтр—мой друг,—сказал генерал.— Я давно его знаю. Мы еще в Западной Сахаре вместе сражались.

Мсье Клеман явился на свадьбу, говорят, имея в кармане благословение высшего начальства. Ел, пил и речи произносил с их высочайшего разрешения. Как видно, симпатии к убийцам из ОАС у кое-каких влиятельных деятелей зашли весьма далеко.

Но все-таки свадьба с генералом в Сен-Морис-л'Ардуаз кончилась совсем по-чеховски — скандалом. Общественность, которой стало известно об оасовском торжестве, потребовала объяснений. После полумесячного молчания военное министерство вынуждено было, чтобы замять дело, наказать генерала. Охраняющим лагерь жандармам подослали подкрепления.

Однако это мало помогло. Слишком сильно было у жениха желание провести медовый месяц вдали от жандармского общества. И вот однажды ночью, некоторое время спустя после свадьбы, оасовский капитан Суэтр удрал из лагеря с семнадцатью из своих ближайших друзей. На дороге их ждала машина.

Итак, побег произошел при поддержке извне и, надо полагать, не без помощи охраны, которая, как заявил один из полицейских корреспонденту газеты «Пари-пресс», «старается как можно меньше видеть»...

Справедливости ради надо отметить, что коллеги лагерных блюстителей порядка задержали нескольких беглецов. Но капитан Суэтр и остальные ускользнули от погони. Утверждают, что вскоре им удалось перебраться в Италию. С известной оасовской базы Трапани на Сицилии экипированных беглецов без труда могли перебросить в Алжир. Ведь Салану сейчас очень нужны «кадры»: в Алжире полным ходом идет подготовка к «варфоломеевской ночи». Сигналом для новой резни должно послужить подписание франко-алжирского соглашения о прекращении огня. «Ультра» хотят любыми средствами не допустить этого.

В Алжире каждый день взрываются бомбы. Десятки, сотни людей становятся жертвами вооруженных фашистов. Вероятно, среди поджигателей и убийц из-за угла находятся капитан Суэтр и его приятели.

Л. КОРОЛЕВ

Н. Веселова.

ПОРТРЕТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОЛХОЗА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

И. Кудинова (Москва). НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

М. Козловская (Ленинград). СЕВЕР.

В АДРЕС МОСКВА ОГОНЕК

В НАШИ ДНИ

Из шести фотографий И. Тункеля, опубликованных во втором номере «Огонька» (фотоочерк «Труд и мысль»), мне больше всех понравилась первая.

Я назвала бы ее «алхимик XX века».

Раньше алхимиков изображали в виде длиннобородых старцев, в тяжком раздумье сидящих у реторт, колб, котлов. Жизнь подходила к концу, а природа так и не открыла им своих тайн, смеясь над их трудом, терпением, верой в победу.

А сейчас мы становимся «алхимиками» уже в школе. Сколько чудес мы своими руками создаем в школьных кружках, на занятиях, дома!..

Природа только удивленно следит за безбородыми, которые не верят в ее таинственность.

Все объяснимо, нет непознаваемого, есть только еще не познанное — вот формула наших дней.

Этой девушке не больше двадцати, а она уже знает, что камни можно превращать в легкие сказочные ткани, зерно — в жидкость, руду — в космические корабли, а любую самую дерзкую мечту — в быль.

И она готова к этому.

С. КРАСНОВИДОВА

Ленинград.

ДОБРОЕ ДЕЛО

Я часто бываю в командировках во многих городах и хочу рассказать о том, что узнал в городе Горьком. Хорошее дело затеяли там работники торговли: они заботятся о престарелых, о ветеранах труда. Если старый человек одинок, ему трудно ходить по магазинам. Вот продавщицы магазинов в автозаводском районе и решили помочь пенсионерам. Они взяли над ними шефство, берут у них заказы и доставляют продукты на дом. Мне захотелось сказать доброе слово о торговых работниках автозаводского района.

А. НИКИТИН

Ульяновск.

ЧУВСТВО ДОЛГА

На фронте Эрика Николаевна Семиногина была медсестрой, выносила раненых с поля боя, ухаживала за ними. После войны вернулась в родную Буковину, стала врачом. Но и сегодня, как на фронте, она отдает все свои силы спасению людей.

В поздний час к Семиногиной постучали:

— Доктор, сын умирает!

Через минуту она уже шла по улице. Случай и в самом деле оказался серьезным. Нужно было редкое лекарство. Выписав рецепт, Семиногина отправилась вместе с отцом мальчика в аптеку. Там лекарства не оказалось. Эрика Николаевна обошла все аптеки, побывала на фармацевтических складах и нашла то, что нужно.

Этот случай взволновал не только родителей ребенка, но и сотрудников больницы, где работает Эрика Николаевна.

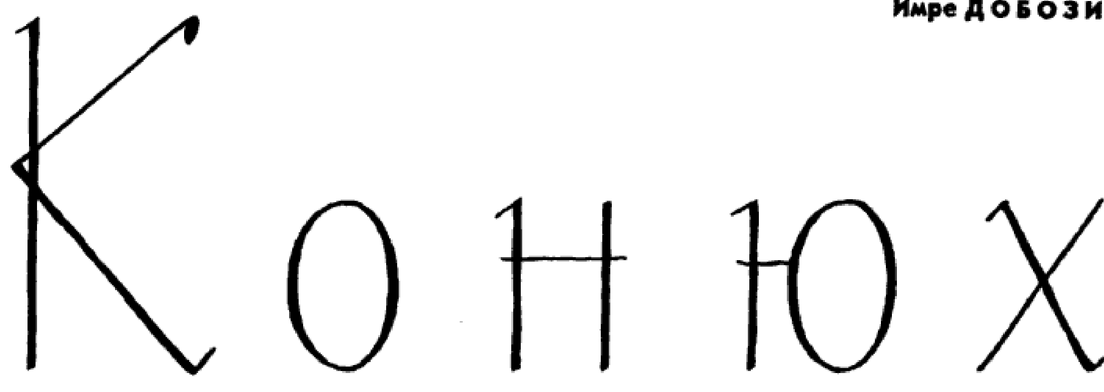
Когда на профсоюзном собрании ее похвалили, она сказала:

— Я сделала то, что должна была сделать, не больше.

А. ШКИРКО

Новоселица, Черновицкой области.

Имре ДОБОЗИ

Конюх

Рассказ

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

Иштван Берта только раз видел инженера дорожно-строительного треста, да и то ночью — тьма была хоть глаза выколи. Они и вообще-то едва различали друг друга, куда уж тут лица разглядывать. Председатель где-то замешкался и торопился теперь к дому на желтой кооперативной бричке; по дороге он едва не наехал на злобно бранившегося человека, который брел вдоль редко растущих тополей, ощупью пробираясь от одного дерева к другому.

— Стойте, черт побери! Отвезите меня к строителям, черт побери!

Так кричал сердитый человек, который вдобавок еще был простужен и непрерывно чихал, словно засорившийся насос. Берта посадил его в бричку.

— У, проклятые! — бесновался спутник, который даже не назвал своего имени, а только сообщил, что он инженер из треста. — Позвонили по телефону: беда, мол, река мост смывает. А на станцию за мной никого не догадались послать, на это у них ума не хватило! Черт бы побрал весь белый свет!

Берта улыбался, слушая брань незнакомого попутчика. Впрочем, он и сам ему не представился, не сказал даже, что он председатель кооператива. Инженера он вез охотно: шоссе строили для них, оно свяжет хутор с прочим миром. До чего все же здорово: ради их дороги инженер поздним вечером пустился в путь пешком! Тогда Иштвану и в голову не пришло то, над чем он задумался лишь позднее: приехавший издалека человек один-одинешенек в незнакомой местности нашел дорогу на хутор в кромешной тьме.

— Может, они и не знали, что вы приедете? — сказал он своему пассажиру.

— Как так не знали! Раз надо — значит, приеду, уж это им хорошо известно!

Он гневно чихал, и Берта почувствовал, что его сосед дрожит от холода.

— Весенняя погода обманчива, — сказал он. — Вы тепло оделись?

— Черта с два! В одном костюме приехал. Было солнце, я думал, пальто не понадобится.

Берта показал на заднее сиденье.

— Возьмите мое пальто. Потом пришлете в контору кооператива.

Бричка выбралась на едва различимое во тьме серовато-белое шоссе. Справа, шагах в ста пятидесяти, горели фонари и усердно пыхтел насос. Берта остановил лошадей.

— Отсюда рукой подать, — сказал он. — Если пожелаете заночевать, в комнате для приезжих есть место.

Инженер что-то пробурчал. Он не поблагодарил ни за то, что Берта подвез его, ни за пальто. Легко соскочив с брички, он направился к фонарям, в желтом свете которых двигались тени людей.

«Вот грубиян, — подумал председатель, — бранится, ругается... Видать, такой же, как я, мужик».

Утром пальто Иштвана висело на вешалке в конторе. Посыльный передал его ночному сторожу, сказав, что инженер уехал поездом на рассвете. Ему и не пригодилось пальто: всю ночь в резиновом плаще и сапогах, грязный, как черт, он руководил работой. Когда мост удалось укрепить, он кинулся на станцию — только его и видели.

Берта снова вспомнил об инженере, когда строители закончили дорогу. Такое событие полагается отметить, строители по праву заслужили хороший ужин, да и повеселиться не грех; ну, а сердитого инженера никак нельзя обойти. Пригласили и его. Правда, рабочие не очень-то верили, что он приедет.

«Не нравится ему голая, унылая равнина, — говорили они. — Когда его назначали строить дорогу, он целый день ругался».

И все-таки он явился. Председателю, который из-за множества неотложных дел прибыл с опозданием, доложили об этом. Берта обрадовался: по крайней мере они познакомятся как следует. На столе уже стояли большие миски с супом; гости и по-праздничному одетые крестьяне с удовольствием вдыхали аппетитный запах. Председатель не торопился произносить речь: успеется и после супа. Усевшись на стул, он склонился над белой тарелкой. Однако собравшиеся громко потребовали речи, им хотелось сначала покончить с торжественной частью, а потом уж спокойно поесть и выпить.

Берта рассмеялся.

— Вы ведь знаете мои речи, — сказал он. — Вам лучше сначала поесть. Уж если я начну митинговать...

Но все же он сказал несколько теплых слов, похвалил строителей, поблагодарил каждого за безупречную работу и хотел было сесть на место, да не тут-то было. К нему подошел бухгалтер с здоровенной корзиной: есть еще одно дело — подарки. Члены кооператива хотят преподнести строителям кое-какие мелочи: по бутылке вина да по нескольку пачек сигарет на брата. Сверху в корзинке лежала обтянутая кожей фляга — кулач, наполненная вином. Это инженеру за мост. Впрочем, на каждом свертке лежала записка, кому какой подарок.

— А теперь, — громко сказал председатель,— примите от нас скромные дары!

Прежде всего он вынул из корзины флягу. Грянуло такое «ура», что стены зала чуть не рухнули. Берта весело поглядывал на своих людей. Радуются, как дети малые, что могут людям делать подарки. Было время, когда они за пачку табаку трижды сорвали бы с себя шляпу, а теперь даже на подарки хватает.

— Кулач товарищу инженеру! — сказал Берта.

Инженер вышел из-за длинного стола с противоположного конца зала. Он шел, а люди в такт его шагам били в ладоши. Председатель, улыбаясь, взглянул на инженера и чуть не обмер; наполненную вином флягу он выставил перед собой, словно щит. На мгновение он почувствовал себя беспомощным и беззащитным, будто у него из-под ног вдруг поплыла земля, словно не было этих двадцати лет, словно чья-то безжалостная рука толкнула его в прошлое, прямо к воротам варьяшского замка... Сомнений нет: этот инженер — Силашши. Владелец шестисот хольдов земли, его высокоблагородие Эрне Силашши, у которого он, Иштван Берта, служил конюхом, пока его не

выгнали. Да, да... Его высокоблагородие постарел, отощал, но это, несомненно, он. Так вот почему инженер нашел в темноте дорогу к хутору! Вот почему не любит эту голую, унылую равнину! Не хотел сюда ехать, не осмеливался! Но как же все-таки он решился приехать?

Аплодисменты гремели, в голове Берта лихорадочно проносились мысли. Он слышал рукоплескания, но не видел людей. Белые стены ярко освещенного зала раздвинулись перед ним, и в то же мгновение ему показалось, будто он очутился на террасе с колоннами в варьяшском замке. В руке он держит почтительно снятую шляпу, а на лестнице в белых брюках и белой рубашке стоит загорелый Силашши и ругается. Чтобы отчетливее представить себе картину, председатель прикрыл глаза. К одному из деревьев парка была привязана свидетельница его проступка — дрожащая, взмыленная серая верховая лошадь, которую он загнал в порыве юношеского задора. Силашши спускался с лестницы. Он кричал: «Я говорил тебе, негодяй! Отправляйся в контору за расчетом! Вот, получай!..» Берта и сейчас, двадцать лет спустя, ощутил жар от оплеухи. «Подойдет инженер сюда, — думал он, кипя от гнева, — развернусь и ударю!»

Когда он поднял глаза, инженер находился в пяти шагах от него. Он тоже узнал Берта, бывшего своего конюха. Инженер остановился, побледнел. Редкие волосы его на висках взмокли от пота. Протянутая для пожатия рука бессильно упала, словно по ней ударили палкой.

«Три шага, — думал Берта. — Ну, подойди, подойди ближе...»

«Ну чего ты кипятишься, зачем показываешь ему свой гнев? Ведь ты дал ему, а не он тебе. Колесо истории повернулось. Правда, оплеуху, проклятую оплеуху, все же следует вернуть, но не грубо, по-кабацки, не рукой, а как-нибудь дипломатично». Он посматривал на инженера. Тот сидел далеко, его лицо выделялось белым пятном среди множества загорелых, красноватых лиц, и можно было видеть, как он часто вытирает лоб носовым платком.

«Волнуется, — думал Берта. — Что ж, на его месте и я бы вспотел».

Инженер тоже следил за ним. Он все еще не мог понять, почему Берта не бросился на него, не переломал ему костей. Откуда этот мужик черпает спокойствие? Он ведь и глазом не моргнул, ни одна черта на лице не дрогнула, стоял с непринужденным видом, словно давал прием, и флягу-то протянул ему, будто орден. «Как настоящий барин», — думал инженер, сравнивая Берта с самим собой в прошлом, с другими важными господами, но пришлось признаться, что эти сравнения не в их пользу.

Силашши уже не боялся, что оплеуху ему вернут, так сказать, натурой, но все же нервно вздрогнул, когда после ужина Берта остановился у его стола и спокойно произнес: «Добрый вечер!» Напрасно он ругал себя: вот, мол, этот Берта и в таком положении прекрасно знает, как себя вести, а ты не знаешь. Он был не в состоянии принять высокомерно-равнодушный вид, в замешательстве сметал со скатерти крошки, а затем поднялся, будто школьник перед учителем.

— Присядьте, — сказал Берта. — Поговорим.

Он налил инженеру вина. Тот спросил:

Инженер не двигался. Он молча проклинал себя за то, что приехал: этот нынешний хозяин хутора, этот мужик, разодетый, как барин, способен броситься на него, надавать ему оплеух, унизить его, превратить в ничто.

В зале грохотали аплодисменты. Кто-то крикнул:

— Это вам за мост, товарищ инженер!

«Мост, — ударило в голову председателя, — мост, дорога...» Он, председатель, бывший конюх, сейчас должен отдать флягу инженеру... Огромным напряжением воли он взял себя в руки. С трудом разжал руку, судорожно сжимавшую горлышко фляги, а затем сунул ее инженеру обеими руками, чтобы не пришлось обменяться с ним рукопожатием.

Во время ужина он постепенно успокоился. Сам себя уговаривал:

— Что вы от меня хотите? — И так как председатель ничего не ответил, он суетливо продолжал: — Я мог бы уехать, я дважды имел возможность эмигрировать из страны... Я остался здесь. Так что вы теперь хотите? Несколько лет я жил, проклиная все на свете, затем вытащил свой диплом — к счастью, он у меня имелся — и поступил на работу.

— Это хорошо, — кивнул председатель, — иметь диплом всегда хорошо. У меня тоже диплом.

— У вас?!

— Я окончил сельскохозяйственную академию. У вас было имение, вы понимаете, таким хозяйством нельзя руководить без образования.

— Да... Очень интересно... Правда, теперь я приехал днем, не так, как прошлый раз, и, признаюсь, как следует осмотрел все. Действительно, стало лучше... Но вы? Где вы научились, от кого... такой выдержке?

Инженер запнулся, он не мог найти слов. Он выпил глоток вина. Берта закурил сигарету и улыбнулся.

— Это оттого, что мы не чужой хлеб едим, не по чужим спинам вверх карабкаемся.

— Знаю, знаю! Пришло освобождение, конец эксплуатации, это мне тоже известно!

— Не сердитесь. Но я это знаю по-другому, не так, как вы.

Инженер замолчал. Он смотрел на правую руку Берта, лежавшую на белой скатерти. У Берта была сильная, загорелая, мозолистая рука. Но инженер заметил на натруженных пальцах аккуратно подстриженные ногти. Он не мог отвести глаз от руки председателя.

— А пощечина? — быстро и неожиданно спросил он.

Берта наклонился вперед, долго глядел в глаза инженеру, затем откинулся на стуле и выпустил кольцо дыма.

— Мы закатили оплеуху всему вашему классу, — спокойно и бесстрастно ответил он. — Да так, что он и на ногах не устоял. А впрочем... Вы-то на нас работаете. Мы даем вам работу, средства к существованию.

— Да, я работаю на вас, и можете спросить у любого, я честно работаю, я...

Инженер с облегчением вздохнул. Теперь уже наверняка не надо бояться никаких эксцессов. Он все еще продолжал разглядывать руку председателя. А Берта, заметив это, тихо засмеялся.

— Я тоже часто смотрел на ваши руки, — сказал он. — Когда вы держали уздечку, или брали ружье, или ставили свою подпись. У вас были красивые руки... Мои, конечно, не такие.

— Мир был иным.

— Да... Словом, я часто смотрел на вашу руку, удивлялся и размышлял над тем, какая у вас рука, что она выражает. Но понял это я позднее, гораздо позднее.

Он хотел было сказать, но не сказал, а лишь подумал про себя, что́ именно он понял. В таких выхоленных, красивых, как у Силашши, руках была власть. А руки с потрескавшейся кожей, с черными ногтями могли только работать. И самое главное заключается в том, что сейчас в одних руках объединилось и то и другое: и власть и труд. Можно сказать и так: единство справедливости и силы.

— Но мост, — громко заговорил он, — мост, который вы построили, — славная работа!

— Правда? Я рад... И если мы уж начинаем понимать друг друга... — Он потянулся к стакану и поднял его. — Чокнемся!

Они чокнулись.

— В это и я верю, — сказал председатель, подчеркивая слова, — что мы начинаем понимать друг друга. А раз вы хотите нас понять, то и мы вас поймем.

В его голосе не было ни резкости, ни насмешки. Только спокойствие, спокойствие человека, которого время подняло на гребень, но от высоты у него не кружится голова.

— До свидания, — тихо сказал инженер.

Берта простился с ним вежливым кивком головы и пересел к крестьянам. Там, среди своих, словно освободившись от тяжелой обязанности, он, обняв соседа, тихонько затянул песню, а потом вместе со всеми запел в полный голос.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ—НА ПАШНЮ

Потолки здесь высокие. И вдоль всех стен в этих больших помещениях снизу доверху — ящички. В них хранятся драгоценные зерна пшеницы, доставленные сюда с разных концов земли. Хранится пшеница, выведенная в незапамятные времена. Есть и «свеженькая», отобранная селекционерами в последние годы.

Больше двадцати тысяч образцов различных сортов пшеницы насчитывается в мировой коллекции Всесоюзного института растениеводства в Ленинграде. Лучшие из образцов отбираются для разведения в разных районах страны. Идет проверка всей коллекции. Да, да, всех двадцати тысяч образцов. Создан своеобразный мукомольный комбинат, пекарня, установлены точные приборы. Правда, все это в миниатюре: разместилось в трех комнатах лаборатории оценки сельскохозяйственных культур. Качества того или иного образца тут определяют, выпекая хлебец, на который идет всего-навсего пять граммов муки. Сидит каравай в печи полторы минуты, а величиной он куда меньше, чем коробок для спичек.

Институт позаботился и о полеводах, которым приходится иногда определять качество зерна прямо на полевых станах, и о селекционерах, которым зачастую нужно половину колоса проверить, а половину оставить про запас. Для проверки создан простой способ.

Дело вот в чем. Если горстку пшеничной муки взболтать в уксусной кислоте определенной концентрации, то мука вскоре начнет набухать и даст характерный осадок, по которому можно судить о мукомольных и хлебопекарных качествах пшеницы. Вот и весь надежный, но немудреный способ.

В. ШЕВЧУК

→ Вот какие хлебцы для оценки зерен пшеницы выпекает техник Светлана Нестеренко.
Фото автора.

ВСЕГДА В ПУТИ

Мы договорились с бортфельдшером Валей Семиной встретиться на станции санитарной авиации. Я знал, что на Чукотке она восьмой год: приехала сюда после окончания Троицкого медицинского училища, провела больше полумиллиона часов в воздухе и спасла многих людей.

Когда я пришел в небольшой деревянный домик станции, Валя укладывала в санитарную сумку медикаменты. Едва мы успели обменяться приветствиями, как в репродукторе, стоящем на столе, что-то щелкнуло, и густой бас объявил:

— Бортфельдшера Семину — к командиру отряда. Повторяю...

И вот мы в воздухе. Кругом однообразная, точно уходящая в бесконечность, снежная равнина.

— Да, приехали вы к нам в плохое время,— стараясь перекрыть гул мотора, говорит Валя.— Вот весной — другое дело. Дни стоят прозрачные, ясные. Солнце греет так мягко, и кажется, видишь, как растет трава. А закаты! Нигде не видала таких закатов.

Мы садимся у фактории — несколько домиков и небольшая метеостанция. Это как бы передовой пост колхоза имени XXII съезда КПСС. Здесь ночуют оленеводы и охотники, возвращаясь из тундры. Минувшей ночью сюда пришли двое — заместитель председателя колхоза Василий Этлену и техник-оленевод Василий Элильгин. Пришли из самой дальней бригады, чтобы помочь товарищу: с молодым пастухом Уревтегином приключилась беда.

Проводники занимают места в вертолете. Василий Этлену стоит на ступеньках лестницы, которая ведет из пассажирского салона в кабину летчиков, и указывает путь. В тундре даже по карте очень трудно ориентироваться. Но чукчам знаком здесь каждый ручеек, каждая кочка.

Валя рассказывает мне, что вчера (который уже раз!) начальство предложило ей перейти на работу в стационар.

— Да разве смогу я оставить полеты? — призналась она.— Трудно мне усидеть на одном месте. Только вот сынишку, Валерку, мало вижу...

Через час пути внизу показалось несколько яранг.

Приземляемся. Винт вертолета еще вращался, а Валя уже бежала к одной из яранг. Там на оленьих шкурах лежал молодой пастух Уревтегин. Перегоняя стадо, он поскользнулся и вывихнул ногу. Пока Валя сноровисто осматривала больного и перевязывала его, парень, сжав зубы, тихо стонал. Мужчины помогли Уревтегину подняться и повели его к вертолету. Мы снова поднялись в воздух...

Наконец мы у цели. Больничный вездеход наготове. Через несколько минут Уревтегин будет в больнице. Задание выполнено. Но еще в воздухе по радио передали:

— Бортфельдшера Семину — к командиру отряда.

Примерно через полчаса после того, как мы приземлились, я встретил Валю.

— Еще один вылет,— сказала она.

Мы распрощались, и она побежала к вертолету.

А. ОСИПОВ

→ Валентина Семина.
Фото автора.

АЛЫЕ ПАРУСА

Мечта родилась внезапно, на комсомольском собрании студентов Николаевского кораблестроительного института.

— Давайте сами в свободное время сконструируем, сделаем рабочие чертежи и построим парусно-моторную яхту,— предложил кто-то из студентов.

И всем сразу понравилась эта идея.

— Да такую, чтобы можно было ходить в дальние морские походы,— добавил другой.

— И чтобы вести на ней научно - исследовательскую работу. Одним словом, после окончания института быть не только судостроителями, но и капитанами малого плавания,— сказал третий.

Решение приняли единодушно. Объявили конкурс на название яхты.

Вскоре на стапеле завода имени Носенко, рядом со стальной громадой крупнейшей в мире китобазы «Советская Россия», была заложена студенческая яхта «Антарктика». В проекте значилось: водоизмещение — 47 тонн, экипаж — 25 человек.

Делали все сами — от сборки корпуса до малярных и такелажных работ.

Когда отплывала в первый рейс китобаза, в первый морской поход на «Антарктике» вышли и студенты.

...И вот не так давно тысячи николаевцев собрались на берегу городского яхтклуба, чтобы встретить возвращающихся из похода молодых энтузиастов. Яхта входила в лиман в лучах заката. И казалось, что она идет под алыми парусами.

Б. АРОВ

→ «Антарктика» возвращается из первого похода.
Фото К. Дудченко.

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ СТАРОГО ДРУГА

Человек в черных очках неторопливо идет по улице. В правой руке он держит трость, в левой — конец широкого поводка. У ноги хозяина выступает собака. Они подходят к остановке, поднимаются в автобус.

— Развели собак! — звучит иной раз недружелюбный голос.— Куда только кондуктор смотрит?

А он смотрит как раз на своих необычных пассажиров и с улыбкой приветствует их:

— Доброе утро! Как поживает Карон?

На остановке Карон тянет хозяина к выходу.

У дверей учреждения они расстаются, собака остается во дворе. Здесь для нее приготовлены еда и питье. Можно и вволю выспаться в теплой будке.

Хозяин Карона И. С. Мышляев — инвалид войны. Теперь он не должен обращаться за посторонней помощью: в сопровождении Карона без опаски можно ходить по многолюдным улицам.

Не только в Серпухове, где живет И. С. Мышляев, но и во многих других городах и селах можно встретить сейчас людей, которых сопровождает собака.

С давних времен собаки служили поводырями. Но можно ли доверить им жизнь человека в наши дни, в густонаселенных городах с множеством машин, которые заставляют быть настороже даже отлично видящих людей?

Под Москвой в питомнике служебных собак опытные дрессировщики обучают своих подопечных сложным профессиям. Отсюда в годы войны выходили собаки-саперы, и санитары, и бдительные сторожа. Питомник гордится своими четвероногими учениками, несущими пограничную службу. Но собак-поводырей стали готовить не так давно.

Прежде чем приступить к этому ответственному делу, работники питомника тщательно изучали работы И. П. Павлова, зарубежных дрессировщиков, перечитывали множество книг.

И вот первая группа будущих поводырей дружно лает на учебной площадке. Сначала они проходят азбуку собачьей службы — общий курс дрессировки. И только, когда выполнение команд: «Лежать!», «Сидеть!», «Стоять!» — и множество других премудростей было усвоено накрепко, животных начали обучать их «профессии».

Настал день, когда в питомник приехали будущие владельцы собак. Люди разного возраста и непохожих характеров.

Подружить человека с его проводником, научить их понимать друг друга — такова была последняя задача, на это ушло несколько недель.

За границей собака-поводырь стоит больших денег, купить ее может только очень состоятельный человек. У нас собак отдают бесплатно, хозяину ставится лишь одно условие: он должен хорошо обращаться с животным.

Дрессировщики были уверены в своих питомцах и все же с нетерпением ждали отзывов об их самостоятельной работе. И отзывы пришли.

Собаки работают превосходно. Они быстро изучили нужные маршруты. Бережно ведут своих хозяев по правой стороне тротуара, далеко обходя ямы, лужи и подвальные решетки. Соблюдая все правила движения, переводят людей через самые оживленные улицы и площади.

«Я очень счастлив, что имею такую собаку, как Джульбарс,— пишет в питомник инвалид войны первой группы И. Н. Тимофеев из города Загорска.— Теперь я чувствую себя свободным, могу идти и ехать, куда хочу, никого не затрудняя. Дрессировка собак для слепых — огромное дело! Я от души благодарю всех, кто занимается им».

В. ЖИРМУНСКАЯ

Фото О. Кнорринга.

ВОКРУГ НАС

ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛЕДО

Дмитрий ЖУКОВ

Еще несколько месяцев тому назад в одном из кабинетов Института математики Сибирского отделения Академии наук СССР можно было видеть трех молодых ученых, склонившихся над огромным столом, заваленным десятками рукописей, сотнями рисунков и фотографий, грудами исторических трудов.

Ученые писали отчет о раскрытии тайны. Сто двадцать лет она вызывала жгучий интерес у исследователей различных стран мира. Над разгадкой ее долгими бессонными ночами бились историки, археологи, этнографы и просто любители-дилетанты, радуясь каждой находке и приходя в отчаяние оттого, что, несмотря на обилие материалов, им не удавалось главное.

Но почему исторические труды и пачки непонятных рисунков попали в Институт математики?

...История и математика. Казалось бы, что общего?

Тайна полуострова Юкатан

Далеко от Новосибирска до Юкатана — полуострова, лежащего между массивами Северной и Южной Америки.

В 1839 году американский путешественник Стефенс обнаружил тут развалины городов, множество храмов, пирамид, стадионов и обелисков, сплошь покрытых резными украшениями и непонятными письменами. Никто из местных жителей не мог ответить на вопрос ученого о том, кто построил эти прекрасные города.

Было ясно, что когда-то на Юкатане существовала цивилизация, не уступавшая культуре Древнего Египта. Впоследствии наука установила, что создал эту цивилизацию древний народ майя. Это он построил великолепные храмы, это он подарил миру томаты, какао, ваниль, табак и кукурузу. Майя превосходно знали астрономию и математику, умели рассчитывать наступление солнечных затмений, периоды обращения Луны, Венеры и других планет, производили сложные математические расчеты с очень большими величинами. Продолжительность года у майя была вычислена так точно, что их календарь был более верным, чем современный. Этот народ разработал и свою систему письменности.

Но испанские колонизаторы предали огню и мечу древнее государство. Разрушили памятники культуры, сожгли книги и рукописи, обратили жителей в рабство...

Сохранились лишь три рукописи майя, которые находятся сейчас в библиотеках Парижа, Мадрида и Дрездена. Учеными разных стран был собран богатейший фактический материал, который мог бы послужить основой для чтения этих рукописей.

Были найдены словарь языка майя «Мотуль», составленный монахом-миссионером уже в колониальный период, и книга пророчеств «Чилам Балам», написанная, как и словарь, на языке майя, но латинскими буквами. Однако и эти находки не помогли ученым прочитать таинственные рукописи, написанные иероглифами.

Неверны были сами принципы чтения. И в 1945 году немецкий ученый Шелльхас, отдавший пятьдесят лет жизни изучению письмен майя, заявил в своей статье, что рукописи не читаются и никогда не будут прочтены.

Последняя попытка расшифровать письмена майя «вручную» относится к 1952 году, когда талантливому советскому исследователю Ю. В. Кнорозову после многих лет работы удалось определить эту систему письменности как иероглифическую и понять несколько фраз.

Почему же никто не мог прочесть древние рукописи? Надо было знать, какие аллегории заключены в рисунках, систему ассоциаций, на которой основывалась письменность майя, обычаи древнего народа. Иными словами, необходимо было привлечь массу вспомогательного материала, который очень трудно охватить и систематизировать одному человеку.

И вот проблемой письменности майя заинтересовались специалисты из Института математики Сибирского отделения АН СССР. Новосибирские ученые Эдуард Владимирович Евреинов и Юрий Гаврилович Косарев решили доказать эффективность применения математических методов в других науках и, в частности, при исторических и лингвистических исследованиях.

Директор Института математики академик С. Л. Соболев, руководивший работами по расшифровке древних письмен при помощи электронной машины, предложил молодому историку Валентину Алексеевичу Устинову принять участие в необычных исследованиях.

Устинов сразу согласился, ибо такого помощника, как электронная машина, не было еще ни у одного историка в мире.

Как-то я спросил у Эдуарда Владимировича Евреинова: сколько бы времени потребовалось, по его мнению, людям, если бы они захотели прочесть письмена без помощи машины?

— Трудно сказать,— ответил Эдуард Владимирович.— За сто лет не прочли почти ничего и с таким же успехом читали бы еще сотни лет. Конечно, мог найтись какой-нибудь гений-одиночка, который интуитивно прочел бы еще несколько фраз, и все. Нужно было применить новые математические методы, прибегнуть к очень сложным сопоставлениям и расчетам, чтобы добиться ощутимых результатов.

— Учтите еще одно обстоятельство,— добавил Юрий Гаврилович Косарев.— Уцелевшие рукописи майя — это своеобразный конспект для жрецов, согласуясь с которым они выполняли различные ритуалы. Текст их не всегда связан. Фразы коротки и обрывочны. Многие знаки стерлись, много ошибок делали и сами писцы при переписке. Местами идут сплошные намеки на обычаи народа, которые плохо изучены наукой. Прочесть такие места так же сложно, как догадаться, по какому случаю завязан узелок на чужом платке. Поди догадайся, что он означает, если вы не знаете его владельца.

Электронный мозг

В чем же заключалась работа ученых? В машину нельзя ввести прямо буквы или рисунки. Машина понимает только язык цифр. Но и цифры должны быть особенные, состоять из нулей и единиц, которые передаются посредством электрических импульсов: есть ток — единица, нет тока — нуль. А при помощи нулей и единиц можно записать любую букву или слово. Даже рисунки, которых много в рукописях майя, ученые передали в виде чисел. Для этого рисунки разложили на составные части. Так, изображения каждого бога получили определенные числа.

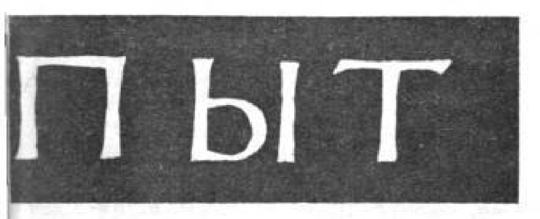
Электронная машина может сравнивать цифры и находить их в своей памяти. А разве это не напоминает вам работу со словарем, когда вы что-нибудь переводите? Ведь вам приходится отыскивать и узнавать нужное слово в словаре, который является вашей дополнительной памятью. А теперь представьте себе, что при расшифровке текста майя вам попалось слово, в котором известны некоторые знаки, и вы решите проверить, нет ли у вас в словаре слов, в которые входят такие же знаки. Вам потребуется много дней, чтобы отыскать это слово, так как вы даже не знаете его первой буквы. А быстродействующая машина отыщет слово в одну секунду.

У американского писателя Эдгара По есть известный рассказ «Золотой жук». Герой его, Легран, нашел пергамент с непонятными цифрами и значками. Это было зашифрованное письмо пирата Кидда о спрятанных сокровищах. Пират заменил каждую букву какой-нибудь цифрой и думал, что никто не прочтет письма. Что сделал Легран? Он знал, что чаще всего в английском языке употребляется буква «е». Подсчитав, какая цифра чаще других стоит в письме, он всюду подставил вместо нее «е». Потом подставил еще некоторые буквы и, как при решении кроссворда, по отдельным слогам догадался о значении нескольких слов. Эти слова позволили ему узнать новые буквы, и он снова подставил их вместо цифр. И так буква за буквой он разгадал весь текст.

Нечто подобное делали и наши трое ученых. Только задача их была гораздо сложнее. Для Леграна язык письма — английский — был родным. А язык майя известен ученым только по словарям и хроникам колониального периода. В английском алфавите всего 26 букв. В письме майя—340 букв, символов, иероглифов.

Но все же, обработав на электронной машине 64 тысячи слов книги «Чилам Балам» и 35 тысяч слов «Мотуля», ученые установили, что четыре слова, которые звучат приблизительно как «У», «Ти», «Ка», «Ту», составляют 20 процентов всех слов. Значит, и в иероглифических текстах майя наиболее часто встречающиеся знаки и их сочетания могут быть этими

←
Так выглядит страница древнего текста, который прочли молодые новосибирские ученые.

словами. Кроме того, имелась некоторая часть слов, расшифрованная другими учеными. Все найденные слова были подставлены против соответствующих знаков во всем тексте, а делалось это при помощи машины, которая в одно мгновение отыскивала нужные знаки. Как и в «Золотом жуке», здесь известное помогало догадаться о неизвестном. Вручную такие подстановки были бы немыслимы, так как тексты очень велики, а подстановок великое множество.

Какие же новые методы применили молодые ученые при чтении рукописей?

Например, статистический метод позволил точно и наглядно определить, что система письменности майя не может быть ни чисто алфавитной, ни чисто идеографической (то есть состоять из знаков, обозначающих целые понятия). Как это было доказано? Никакой алфавит не может состоять из 340 знаков. Это слишком много. Если письменность идеографическая, то в языке не может быть всего 340 понятий: это слишком мало. Не может быть система письма майя и чисто слоговой, так как машина подсчитала, что различных слогов в языке майя 1 400, то есть в четыре раза больше количества знаков. Следовательно, система майя смешанная: знаки могут быть алфавитными, идеографическими и слоговыми.

Всего было применено семь методов, самый сложный из которых ребусный.

В назначенный день машина в последний раз обработала нужные материалы. Поползла перфорированная лента, завертелись магнитные барабаны, замигали лампочки на пульте управления...

И вот Устинов взволнованным голосом читает первую расшифрованную фразу:

— Кавиль — бог кукурузы обжигает горшки из белой глины...

Мечты и планы

Я прилетел в Новосибирск в субботу вечером и не застал ученых дома. Они были в институте. Работали они и в воскресенье. Рабочий день их начинался в восемь утра и кончался в одиннадцать вечера. А потом, когда работа над письменами была закончена, я встретил в воскресенье Евреинова, который прогуливался с дочуркой. Он жаловался мне, что не находит себе места. «Скучно как-то без работы». И я знаю, что это не поза. Работа была необыкновенно интересной.

Наконец тщательно сверена и вновь прочитана последняя страница рукописи. На столе высоченная пачка листов. Полторы тысячи страниц трехтомного труда, где изложены методы изучения рукописей майя и даны словари и переводы прочитанных текстов. Позади год работы. Иероглифы, цифры, цифры, иероглифы... Ученые немного ошеломленно смотрят на пухлый результат своих трудов, как бы не веря, что дело уже сделано, что можно распрямить спину и приняться за новые дела, по которым они уже втайне тоскуют. Как жаль, что у человека не хватает сил на все сразу и так быстро течет время, с которым не справляется даже такой расторопный помощник, как электронная машина.

Впрочем, это понятно. Времена другие, и время не ждет. Исторические эпохи сжимаются до десятилетий. За год свершается столько событий, что средним векам хватило бы на тысячелетие. Мечта требует, чтобы ее воплотили в жизнь немедленно.

Сегодня мечты принято излагать в форме планов. Что будет делать историк Валентин Алексеевич Устинов? В отчете о проделанной работе сказано коротко: «В области исторической науки и ее вспомогательных дисциплин целесообразно применять электронные математические машины в археологических, нумизматических, палеографических и других исследованиях, а также для решения таких наиболее трудных проблем, как этногенез, неизвестная письменность и т. п.».

В планы Устинова входит расшифровка письменностей тангутов и острова Пасхи. Уже подходит к концу предварительный сбор материала, вновь заполнены шкафы сотнями книг и фотографий с загадочными, пока еще молчащими письменами.

В 1908 году русский географ П. К. Козлов совершил путешествие в пустыню Гоби и побывал на месте засыпанных песками развалин Хара-Хото—«Мертвого города». Здесь, в замурованной гробнице, Козлов обнаружил целую библиотеку рукописей. Написаны они на тангутском языке и могут многое рассказать о народе, упоминаемом еще Марко Поло. Как и Хорезм, Хара-Хото буквально исчез с лица земли, пески засыпали город.

У тангутов была своя письменность, немного похожая на китайскую, ибо она, как японская и корейская, создавалась под влиянием китайской.

Если сохранившиеся рукописи майя носят в основном религиозный характер, то среди многочисленных рукописей тангутов, хранящихся на стеллажах книгохранилища Ленинградского отделения Института народов Азии, есть сочинения не только религиозные, но и исторические, есть переводы с других языков и художественные произведения. Но язык тангутов восстановить очень трудно. Нет, как говорят ученые, живого носителя языка.

И опять, как и в истории с письменностью майя, найдены части тангутско-китайских словарей, описаны иероглифы. Советским ученым Н. А. Невским определено около пяти тысяч знаков.

Но рукописи все же не прочитаны.

Вождь майя и пленные. Фрагмент настенной живописи.

Чтобы прочитать рукописи, надо знать китайский и тибетский языки того времени, когда создавались рукописи, историческую фонетику и диалектологию, язык санскрит и пали, а также языки соседей тангутов, буддийскую и китайскую классическую литературу, надо знать... В общем, на свете нет еще такого человека, который бы все это знал.

Но память электронной машины способна запомнить всю эту информацию, а арифметические устройства могут выбирать сведения, сравнивать, опознавать. Подготавливать материалы для ввода в машину и анализировать полученные результаты будет отдел прикладной кибернетики Института математики, в котором трудится сейчас историк Устинов.

Многие из тех, кто читал книгу Тура Хейердала «Аку-Аку», помнят о «говорящих деревяшках», на которых вырезаны письмена жителей острова Пасхи, утративших свою письменную культуру под влиянием «просветительской» деятельности католических миссионеров. Как были сожжены книги майя, так в 1868 году католическим миссионером Эженом Эйро были сожжены и письменные памятники острова Пасхи. Сохранилось всего около 20 дощечек, но, быть может, они расскажут нам что-нибудь о народе, строившем превосходные дороги и воздвигшем величественные статуи на далеком тихоокеанском островке?

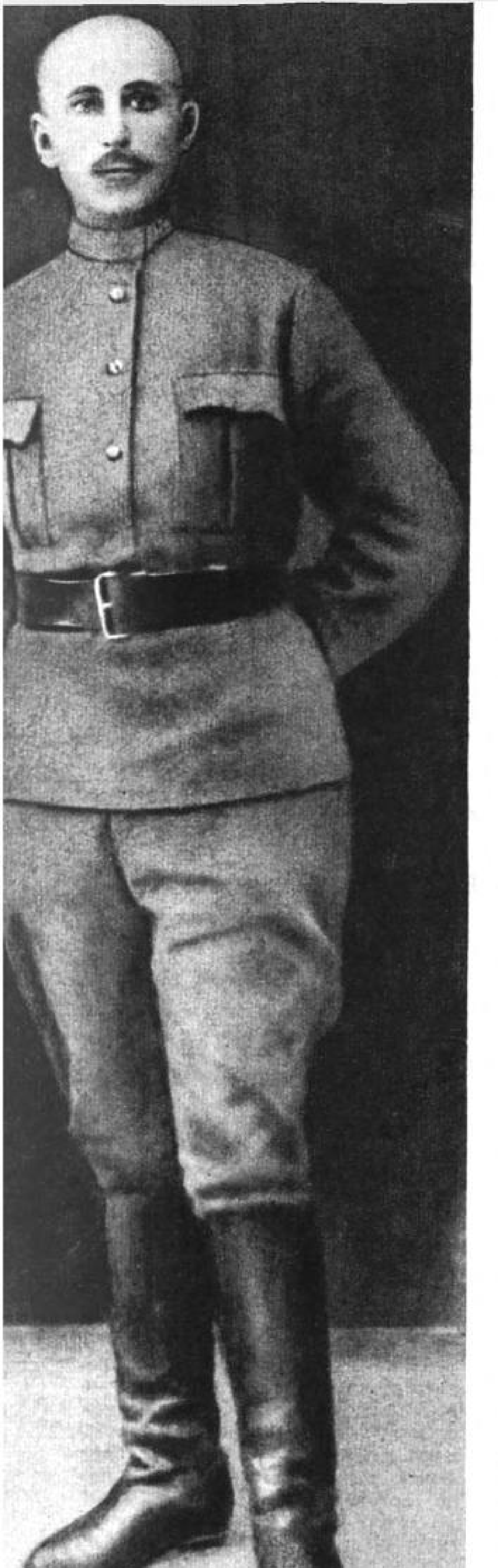
И эта работа тоже входит в планы новосибирских ученых. При помощи электронных машин теперь можно приступить к выяснению происхождения народов, собрав воедино и обработав все сведения, которые дают нам история, антропология, палеография, нумизматика и другие науки. Разве не интересно выяснить, например, как происходило заселение Америки, и перейти от гипотез к созданию теорий?

Я видел каталоги древних монет, найденных в Северном Причерноморье. Там были записаны места их находок, места и годы чеканки, металл, из которого они изготовлены, курс хождения и другие сведения. Оказывается, обработка и сопоставление всех этих данных на электронной машине может дать богатейший материал по торговым и культурным связям древнего мира, по его политической экономии и истории.

Недалек тот час, когда электронные машины будут переводить научные труды, давать сведения по любым вопросам. С помощью машин можно построить модель русского языка, улучшить систему преподавания, корректировать печатные тексты. Машина может прийти на помощь любой гуманитарной науке.

Скажут, а целесообразно ли применять машины для таких целей? Да, конечно. Вспомните, что над одной письменностью майя в мире работали сотни ученых, расшифровывали в среднем в десять лет один знак, а с помощью машины на чтение всех текстов потребовалось менее года.

ИСТОРИИ

Василий Константинович Блюхер. Снимок 1918 года.

Далекое — близкое

ПОД КОМАНД

К. Ф. ТЕЛЕГИН,
генерал-лейтенант запаса

У каждого человека в юности, в молодости наступает такой момент, когда он выбирает себе пример для подражания. И бывает так, что этот выбор определяет всю его жизнь, все его помыслы и каждый шаг.

Сорок три года назад, в июле 1919-го, в городе Вятке я и мои товарищи по полковой школе впервые лицом к лицу встретились с тем, кто уже давно был героем наших молодых сердец,— Василием Константиновичем Блюхером.

Те, кому сегодня двадцать и даже тридцать лет, увы, ничего или почти ничего не знают об этом человеке. Гнусно оклеветанный маршал Блюхер, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной Армией, погиб в ноябре 1938 года, и с тех пор на целые десятилетия имя его было предано забвению. Но страна наша, весь народ наш должны хранить светлую память о людях, подобных Блюхеру.

Летом 1918 года южноуральские рабочие отряды, составлявшие целую армию, под командованием Блюхера совершили ставший потом легендарным партизанский рейд по тылам врага. С непрерывными боями шли они в постоянном окружении прекрасно вооруженных белогвардейских войск, полторы тысячи километров отшагали бойцы, преодолевая горные кручи и бесчисленные реки.

В приказе Реввоенсовета Республики говорилось: «Ваши геройские подвиги не будут забыты свободной Родиной. Высший Военно-Революционный Совет Республики приносит вам, славные солдаты отряда Блюхера, и вашему бесстрашному командиру тов. Блюхеру горячую благодарность и выражает надежду, что скоро увидит вновь вас, оправившихся от тяжелых боев, в рядах своих революционных войск и вновь услышит о ваших великих подвигах».

Это было в сентябре 1918 года, когда Блюхер вывел свою армию под Кунгур и соединился с войсками Красной Армии.

Слава о личной храбрости Блюхера, о его полководческом таланте моментально облетела всю Республику. Отныне заветной мечтой моих товарищей стало одно: попасть под команду Блюхера. А тут еще произошло знаменательное событие: ВЦИК учредил орден боевого Красного Знамени, и первый, кого удостоили этой высшей награды, был Блюхер.

Мы понемногу узнавали биографию нашего любимого героя. Узнали, что родом он из крестьян Ярославской губернии и лет ему двадцать девять; что еще в 1910 году, работая на вагоностроительном заводе в Мытищах, под Москвой, пытался организовать забастовку, был арестован и приговорен к двум годам и восьми месяцам тюрьмы; что, когда его в империалистическую войну призвали в армию, он сражался храбро и был награжден двумя георгиевскими крестами, а в бою под Тернополем, в 1915 году, его ранило — восемь тяжелых ранений получил отчаянный унтер-офицер, и остался жить только чудом, и служить в армии уже не мог; что в партию большевиков вступил он в 1916 году, а революцию встретил в Самаре и с первых же дней воюет за Республику, командуя разными отрядами и соединениями...

Весной 1919 года наш 1-й чрезвычайный продовольственный полк был переформирован во 2-й крепостной полк Вятской крепостной бригады, входившей в только что созданный Вятско-Слободской укрепленный район. А начальником укрепрайона назначили Блюхера. Кажется, наша мечта начинала понемножку сбываться!

Меня зачислили в полковую школу курсантом, и надо признаться, что все мы, горячие головы, вначале не очень-то хорошо понимали значение укрепрайона, не понимали, что это форпост, выдвинутый на пути Колчака.

Под Вяткой спешно создавались оборонительные рубежи. Всеми работами руководил Блюхер, и этот факт был для нас самым убедительным доводом. Если уж такого боевого командира, как он, партия сочла нужным держать здесь, в тылу, значит, укрепрайон действительно нужен и важен!

По приказу Блюхера занятия полковой школы проводились на тех местах, которые в плане обороны города были обозначены как передовые рубежи.

Утром 12 июля командир полка приказал начальнику нашей школы вывести курсантов в район села Хлыновского и велел сообщить нам, что лично Блюхер хочет произвести школе смотр...

По возможности наведя блеск на своем обмундировании, курсанты выстроились в поле за селом и замерли в ожидании.

Послышалось фырчание мотора, к строю юрко подкатил автомобиль.

Высокий, стройный человек в кожаной тужурке, перетянутой ремнями портупеи, стал перед нами, окинул строй веселым взглядом синих глаз из-под густых темных бровей и сказал громко:

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

Мы ответили истинно громовым «ура». Блюхер коротко поговорил с начальником школы, и тот отдал приказ начать учения. Мы показывали различные перестроения на ходу и на месте, приемы штыкового боя, а затем решали тактические задачи, командуя взводами. Часа через два нас построили в каре, и Блюхер сказал небольшую речь. Всю ее я не помню, но некоторые слова, самые для нас тогда главные, запомнились отчетливо. Поблагодарив курсантов за отличную подготовку, Блюхер дальше сказал так:

— По вашим глазам вижу, надоело уже быть в тылу. И осо-

Расул РЗА

МОРЕ И ПОЭЗИЯ

Без особых забот —
будто нету
задания проще —
мягко сел вертолет
на железную площадь.
(Вдалеке от земли
над каспийской
колеблемой бездной
неподвижно стоит
этот
остров железный.)
Поразило меня
то,
что в царстве конструкций и
стали
нас цветами живыми —
живыми цветами! —
встречали.

Я видал не однажды
цветы
на коврах и диванах
и на клумбах —
цветы
и поляны весенних тюльпанов.
Почему же тогда
немудреные ваши букеты
осенили меня,
как открытие
новой планеты?
Как негаданно
тут,
на расчетливо сжатой площадке,
вы растете,
цветы,
словно бы в колыбели нешаткой!

Надо думать,
тогда,
в те прошедшие годы, наверно,
не стояла вода
в этих влажных
огромных
цистернах.
Здесь нефтяник,
в тот срок
без воды задыхавшийся тяжко,
получал, как паек,
может, даже
неполную чашку.
Этой нормой дневной
привозной родниковой водицы,
обделяя себя,
успевал он
с цветами делиться.

ОЙ БЛЮХЕРА

бенно сейчас. Товарищ Ленин и Центральный Комитет зовут на разгром Колчака, и уже доблестные части Красной Армии нанесли первые мощные удары по Колчаку, начали освобождение Урала. Вы все это знаете, и мне понятно ваше нетерпение. Что ж, могу обрадовать: видимо, в самое ближайшее время мы тоже пойдем в бой.

...Это было 12 июля 1919 года, а 27 июля Блюхера назначили начальником новой, формируемой 51-й дивизии 3-й армии. В состав этой дивизии вошла и наша Вятская крепостная бригада. Путь дивизии лежал на восток — на Колчака!

Расчет плюс дерзость

В первые дни Великой Отечественной войны, в июне — июле 1941 года, много лишних, обидных потерь понесла наша армия из-за того, что по тем или иным причинам оставался втуне бесценный опыт старых ее командиров, опыт, добытый кровью героев гражданской войны и сражений против войск оккупантов всех мастей. Многого могло и не быть, если бы перед глазами бойцов и командиров в 1941 году живым образцом стояли действия лучших полководцев гражданской войны. Я имею в виду бои в условиях окружения. Обидно потому, что еще за двадцать два года до нападения гитлеровской Германии тот же Василий Константинович Блюхер показал, как можно с малой силой драться в полном окружении против подавляющих сил врага и не только не сдаваться, но побеждать...

Это произошло в конце сентября — начале октября 1919 года в Западной Сибири.

Чтобы ориентироваться в пространстве, представьте себе громадную букву П. Верхняя перекладина буквы — река Иртыш, текущая на этом своем отрезке почти строго с востока на запад. Левая палочка — река Тобол, впадающая в Иртыш, а правая — река Ишим, также приток Иртыша. В левом верхнем углу, в точке скрещения линий, расположен город Тобольск. Внизу, на конце левой палочки, город Ялуторовск, а чуть западнее его — Тюмень. Справа вверху — Усть-Ишим, а на нижнем конце правой палочки — просто Ишим. Эта буква стоит, как на линейке, на железнодорожной магистрали на участке Тюмень — Омск.

Ко времени описываемых событий наступление Красной Армии немного приостановилось, а Колчак, собрав все свои резервы, начал контрнаступление. Над Тюменью и над Тобольском, занятыми нами, нависла угроза. План Колчака был прост: обойти с флангов 3-ю армию, окружить ее и одновременным ударом с фронта и тыла решить сражение в свою пользу.

3-я бригада 51-й дивизии была тогда раздроблена и побатальонно, поротно придана другим частям, а две другие бригады под командованием Блюхера действовали как раз там, откуда Колчак намеревался нанести свой сильный удар во фланг и тыл нашей армии с севера, в междуречье Ишима и Тобола, внутри этого мешка — буквы П. Я к началу похода на Тобольск служил в 3-й бригаде, в ее 459-м полку и был товарищем председателя полкового коллектива РКП(б) — имелась такая должность в ту пору, по-нынешнему она называлась бы заместитель секретаря партийного бюро полка.

А теперь представьте, в какой обстановке велись боевые действия.

Наступили холода. Междуречье — край болот и заболоченной тайги. Шли почти непрерывно дожди вперемежку с мокрым снегом. Те малочисленные дороги и дорожки, которые связывали разбросанные друг от друга на десятки километров села и хутора, раскваcились, утонули, исчезли. Ни о каком налаженном продовольственном снабжении не могло быть и речи — есть бойцам просто было нечего. С патронами — тоже на голодном пайке, их добывали у противника.

А противник обут, одет и, как говорилось, сыт, пьян и нос в табаке. У противника орудия, броневые пароходы с артиллерией и десантными частями, а в воздухе больше десятка гидропланов, вооруженных по последнему слову военной техники. Иной молодой человек может заметить на сей счет: ну, тоже, мол, воздушная армада — десяток стрекоз типа этажерки. Да, но с этих этажерок сыпались на бойцов вполне полновесные бомбы и били пулеметы, а зениток тогда еще не существовало.

Колчаковские войска, неожиданным комбинированным ударом с реки и с суши отбив у нас Тобольск, окружили растянувшиеся части блюхеровской дивизии. Выход оставался один — по тракту на Тюмень. Это был кратчайший путь для соединения с основными силами, и колчаковцы рассчитывали, что Блюхер начнет отступать, и именно этим путем. Тогда его группа попала бы под массированный огонь артиллерии, броневой флотилии и авиации, ее легко можно было уничтожить по частям. А самое главное — таким образом оголялся бы северный фланг 3-й армии, и колчаковцы без труда решили бы свою задачу выхода на Тюмень, в тыл главным силам армии.

Блюхер понимал, как, может быть, никто другой, замыслы противника. И он принял дерзкое решение: остаться в окружении, связать рвущиеся на запад соединения Колчака. Но для того, чтобы связать, надо не просто отсиживаться в туго затянутом мешке наподобие обреченной жертвы, надо бить врага по самому чувствительному его месту.

В решении этом было много дерзости, но был и трезвый расчет. Расчет на то, что горстка вооруженных солдат революционной армии, преданных революции и верящих в своего командира, сумеет противостоять и втрое и вчетверо превосходящим силам ненавистной контрреволюции.

Быстро стянув разрозненные части в северо-западном углу мешка, 30 сентября начдив Василий Константинович Блюхер в деревне Малая Березовская собственноручно написал приказ по дивизии за № 0108. В нем он объяснил бойцам задачу: ударом на Тобольск положить конец контрнаступлению Колчака на Тюмень. И дерзкий поход начался.

Колчаковское командование, обнаружив, что Блюхер не стал отступать на Тюмень, а, наоборот, как будто намеревается отбить Тобольск, вынуждено было срочно принимать меры, чтобы как можно быстрее разделаться с этим неожиданным осложнением. Маневр Блюхера путал Колчаку все карты.

С направления главного удара для операции против Блюхера снимаются отборные колчаковские части. Для непосредственного руководства операцией в Тобольск прибыл сам Колчак.

Двухтысячный отряд Блюхера оказался в огневом кольце. Двинувшись в сторону Тобольска, Василий Константинович сразу увидел, что его план оттянуть на себя значительные силы противника удался полностью.

Когда Блюхер подошел почти вплотную к Тобольску — это было 5 октября,— ему стало известно, что колчаковцы, встревоженные его наступлением, усилили оборону города. Тогда Василий Константинович решает ударить с тыла по частям Колчака, ведущим наступление на юг вдоль тракта Тобольск — Тюмень. Он сворачивает от Тобольска вниз и перерезает тракт. В ударной группе Колчака, наступающей на Тюмень, возникает замешательство. Она поворачивает штыки и следует на север, чтобы дать бой Блюхеру в деревне Щукино. И, идя навстречу пожеланиям врага, Блюхер наступает на Щукино.

Вероятно, не один раз колчаковским штабистам действия Блюхера казались шагами самоубийцы: он сам лез в заготавливаемые для него ловушки. Ведь он, не раздумывая, ввязывался в бой иногда с девятью полками противника, имея меньше двух тысяч солдат. Да какие там две тысячи! Из них уже добрая половина была ранена, а все остальные до последней степени терпения вымотаны боями, переходами по болотам, голодом.

Но и Щукино взято. Лишь тогда, когда в атаку на деревню была брошена целая дивизия, Блюхер отошел. На Куймово.

Кольцо сжалось. Километр в

Он отсчитывал их,
осторожно,
с улыбкою хмурой,
капли этой воды,
словно
капли
целебной микстуры.
И, наверно, потом
те ростки,
что пробились наружу,
он своим же платком
заслонял от жары
и от стужи.
Пожилой человек,
удивленно,
как будто парнишка,
я отсюда гляжу
на сквозные
окружные вышки.
Над моей головой —
там, где облачко белое
тает,
высоко-далеко
непоспешно орлы пролетают.
У меня
на груди
(аромат ваш нестроен, не тонок)
вы уснули,
цветы,
как доверчивый, тихий ягненок.
Я с цветами стою,
попирая подножье стальное.
...Пушкин как-то сказал
величаво:
«Кавказ подо мною».
Мне случалось не раз
(вроде не к чему тут запираться),
многоглавый Кавказ,
на вершины твои
забираться.
Мне случалось видать,
как,
пространство тревогой наполнив,
не вверху,
а внизу
трепетало
сверкание молний.
И о том еще речь —
это тоже
со мною
бывало! —
что и радуга с плеч
широко, как халат, ниспадала.
Но какой же поэт
(расскажите мне все остальные!)
строфы песни слагал,
попирая
опоры стальные?

Вдалеке от земли,
до отказа
меня переполнив,
эти строки пошли,
догоняя друг друга,
как волны.
Словно в творческом сне,
подчинившийся
силе рабочей,
это Каспий
во мне
усмиренно, но сильно клокочет.

Перевел с азербайджанского Ярослав СМЕЛЯКОВ

ширину, два в длину — вот на каком «пятачке» вынужден маневрировать Блюхер. С реки бронепароходы засыпали бойцов снарядами тяжелых орудий, гидропланы висели над головой, полевая артиллерия колчаковцев не жалела снарядов.

И все же бойцы Блюхера нашли в себе силы выстоять — может быть, последние силы! 10 октября они соединились в деревне Долгоярской с шедшими на выручку частями.

Контрнаступление Колчака не состоялось. Отныне он был обречен на неудержимое отступление.

То, что сделал Блюхер в окружении под Тобольском, было во всех отношениях блестящим проявлением полководческого таланта. Бывший управляющий делами адмирала Колчака, некто Г. Гинс, впоследствии удрав в Китай и занявшись писанием мемуаров, так отзывался обо всем происшедшем: «Советский «генерал» Блюхер тоже из рабочих. О нем мы много раз слышали в пути. Крестьяне рассказывали, что всегда при трудных обстоятельствах красные говорили о Блюхере: «Он выручит», «Он нас не выдаст». И действительно выручил».

Враги высокомерно называли Василия Константиновича Блюхера генералом в кавычках. Однако бил он их и разбивал без всяких кавычек.

В декабре 1919-го 51-я дивизия была уже в Ново-Николаевске, нынешнем Новосибирске.

Каховка и Перекоп

26 июня 1920 года застало наш 459-й полк 3-й бригады 51-й дивизии на марше. Мы шли к Байкалу на трудовой фронт: восстанавливать дороги и мосты, заготавливать лес. В ту пору я уже был помощником военкома полка.

В обед полк облетела весть: приказано прервать марш, вернуться и погрузиться в эшелоны.

Честно говоря, мы давно ждали, что так будет. И радовались. Мы знали: в эшелоны — следовательно, на запад, на помощь Юго-Западному фронту.

Весной 1920 года белополяки двинулись на Украину. А в Крыму сидел, как паук, выжидая момента, черный барон Врангель, спрятавшись за неприступными укреплениями Турецкого вала и Чонгарского перешейка.

1 июля дивизия уже грузилась.

Долго ехали мы, так долго, что не хватало песен, и каждую бойцы спели, наверное, по десять раз. В Пензе был объявлен новый приказ: наша 51-я дивизия отправляется не на белополяков, а против Врангеля, потому что он начал активные действия.

Мы понимали: если дивизию В. К. Блюхера двигают на Врангеля, значит, он сейчас основной враг революции. Командование Красной Армии считало 51-ю дивизию одной из лучших боевых единиц Республики.

Войска Врангеля выползли из Крыма. Отлично экипированные и вооруженные, усиленные танками, самолетами и броневиками, состоящие в значительной своей части из самых убежденных врагов революции, эти войска являли собой серьезнейшую угрозу.

В районе Каховки был создан плацдарм, который прикрывал Юго-Западный фронт и мешал Врангелю бросить все силы на Донбасс. Удержать плацдарм значило сорвать наступление Врангеля. Именно поэтому в августе В. К. Блюхер назначается начальником Каховского укрепленного района и под его командование, кроме родной 51-й, поступают 52-я и Латышская дивизии.

Врангелевцы непрерывно штурмовали позиции защитников плацдарма. Штурмовали с танками и авиацией и с так называемой бронированной кавалерией.

Бои с Врангелем приняли такой серьезный характер, что этот участок был выделен в самостоятельный Южный фронт и командующим фронтом назначен Михаил Васильевич Фрунзе.

Когда Московский Совет и Московский комитет РКП(б) решили взять шефство над самой героической дивизией Южного фронта и попросили командование фронта определить такую дивизию, Михаил Васильевич Фрунзе без колебаний назвал 51-ю, блюхеровскую. Моссовет наградил дивизию почетным красным знаменем с надписью: «Уничтожь Врангеля!». (Знамя это можно теперь увидеть в Музее Советской Армии.) И дивизия стала называться Московской.

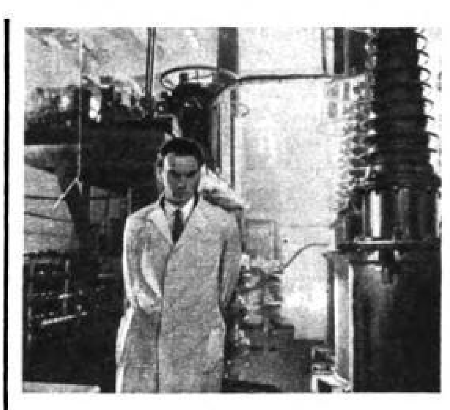
После Каховки был Перекоп. О Перекопе сложены песни, написаны рассказы и романы, целые книги воспоминаний. И нет нужды пересказывать здесь ставшие легендарными бои Перекопа. Напомню только, что считавшийся неприступным Турецкий вал брали войска под непосредственным руководством Блюхера, что затем опрокинули врага на столь же неприступных Юшуньских укреплениях блюхеровцы, а еще позже все они же, бойцы Блюхера, добивали остатки врангелевцев в чистом поле Крыма. Наш полк в 15 часов 30 минут 15 ноября 1920 года полностью освободил от белогвардейцев и интервентов славный город Севастополь... 51-ю Московскую наградили орденом Красного Знамени, и ей присвоили почетное имя Перекопской. Ее командира наградили вторым орденом Красного Знамени.

Последняя гидра контрреволюции по эту сторону Уральского хребта была задушена. 51-я дивизия простилась со своим командиром: Василий Константинович Блюхер по заданию партии отправлялся на Дальний Восток, где его ждали «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни», ждал большой труд по созданию Дальневосточной Красной Армии.

...Много раз видели бойцы нашей дивизии своего командира на марше — верхом, иногда в автомобиле, иногда пешим. Видели его и в передовых цепях с винтовкой, подхваченной из рук павшего в атаке солдата,— так случалось в самые трудные минуты боя. Я всегда видел его таким, каким запомнился он со дня первого знакомства на смотру в селе Хлыновском, под Вяткой: высокий, стройный, в кожаной тужурке, перетянутой ремнями портупеи. Синие глаза смотрят спокойно и весело из-под темных бровей.

Рассказывать о нем другие подробности — все равно, что педантично описывать складки на боевом знамени и нитки, которыми оно подрублено. Блюхер был для нас боевым знаменем. Таким он и остается...

Литературная запись
О. ШМЕЛЕВА.

Гусев — артист А. Баталов.

Куликов — артист И. Смоктуновский. Леля — артистка Т. Лаврова.

БАЛЛАДА О НАШЕМ СОВРЕМЕННИКЕ

Новый фильм Михаила Ромма и Даниила Храбровицкого «Девять дней одного года»[1] рассказывает о наших ученых-физиках. Но события, происходящие в одном из научных институтов,— только фон, на котором развертывается действие. Тема фильма значительней и важнее — раскрытие характера современного советского человека, беззаветно увлеченного своим делом, преданного ему без остатка, с отдачей всех душевных сил. Это может быть и ученый-физик, и врач, и педагог, и рабочий-новатор.

В фильме речь идет не только о выполнении долга, но и о той бесконечной любви к своему труду, которая делает его вдохновенным подвигом. Ученый Синцов подвергся высокой радиации. Он неминуемо должен погибнуть и знает об этом. Но, занятый мыслью о своей работе, он говорит: «Вот удача, так удача... Мы получили полностью ионизованную плазму — вот что я натворил... Пять лет я ждал этой минуты, пять лет».

Синцов раскаивается, сожалеет о своей погубленной жизни, проявляет слабость? Нет, вы твердо знаете, что Синцов снова пошел бы на риск. И, говоря Гусеву: «Лови рыбу, собирай грибы», — сам-то он и рыбу не ловил и грибов не собирал, а все свои силы и волю отдавал любимой науке.

Да и Гусев не принимает этого всерьез, он идет тем же путем — он так же страстно влюблен в свою науку, он так же готов пожертвовать собой для дела, которое — он это твердо знает — нужно не только ему, но и всему человечеству. Вот тут-то и происходит рождение подвига, когда личное, мое «я» растворяется в огромном, безграничном понятии «мы», когда свое становится общим, а общее становится своим, личным, обогащающим жизнь и делающим ее возвышенной, благородной и чистой. В этом — тема фильма и его воспитательная сила.

Гусев и его товарищи — наши современники. Но они несут в себе не только черты настоящего, но и признаки будущего. Поэтому особенно важно вглядеться в их характеры, ибо они дают нам возможность поставить вопрос: каков же будет он, человек ближайшего будущего, призванный жить и работать при коммунизме?

Гусев и его товарищи — прежде всего хорошие люди. Хорошие не только потому, что они люди увлеченные, самозабвенно работающие, но и просто потому, что они невольно внушают к себе симпатию всем своим человеческим обликом. Их и жалеешь, и радуешься вместе с ними, и огорчаешься.

Явится ли человек будущего общественно показательным эталоном всяческих добродетелей, будут ли люди плакать, негодовать, ревновать, страдать и томиться, искать и не находить? Будут! Нельзя представить себе человека будущего в виде елейно-благостного существа. Нельзя также представить себе будущего человека, дозирующего свои чувства, не оставляющего в своем сердце места для страсти, для большой и тревожной любви.

Гусев и его товарищи, хорошие, честные, славные люди, как-то странно и непонятно обращаются со своими чувствами. Леля любит Гусева, но вместе с тем любит и Куликова. Она, впрочем, в какой-то момент раздраженно замечает, что они ей оба надоели. Став после некоторых колебаний женой Гусева, она тут же начинает сомневаться в необходимости этого шага. Гусев и Куликов без терзаний и тревог приходят к соглашению, кому любить, а кому не любить Лелю.

Могут возразить: чему же удивляться? Их истинная, настоящая, подлинная страсть отдана науке. Любовь в их жизни играет роль второстепенную. Да так ли это? Увлеченность — это не маниакальность. Страсть к науке, к раскрытию ее тайн свидетельствует о страстности всей натуры. И страстность эта неизбежно проявится во всем, и в первую очередь в личных чувствах.

Но откинем в сторону любовную линию в фильме. Она, видимо, призвана лишь связывать поступки героев, а не разъяснять их. Хуже, если авторы фильма всерьез полагают, что замороженность, законсервированность чувств и есть черта нашего современника.

За последнее время в звуковом кино наметилась странная тенденция — герои очень мало говорят. Обмениваясь репликами по ходу происходящих событий, они не торопятся предъявить себя в речевом материале кинофильма. И если для зарубежной кинематографии это может быть объяснимо требованиями проката, то в наших условиях подобное нарочитое обеднение фильмов неправомерно. Авторы кинокартины «Девять дней одного года» пошли по другому пути и поступили совершенно правильно. События, происходящие в фильме, даны не во внешнем изображении. Они пропущены сквозь призму человеческих переживаний. Вы узнаете о них по тому, какой отзвук они находят в сердцах людей, являющихся непосредственными участниками и свидетелями событий.

Фильм «Девять дней одного года» тревожит, заставляет думать, спорить, переживать. Это не та кинокартина, которую смотрят для того, чтобы развлечься и провести время.

Ник. **КРУЖКОВ**

[1] «Девять дней одного года». Производство киностудии «Мосфильм». Сценарий М. Ромма и Д. Храбровицкого. Постановка Михаила Ромма. Оператор Г. Лавров. В роли Дмитрия Гусева — А. Баталов, Ильи Куликова — И. Смоктуновский, Лели — Т. Лаврова.

В одном из уголков Подмосковья...
Фото Л. Бородулина.

Возвращение с прогулки.

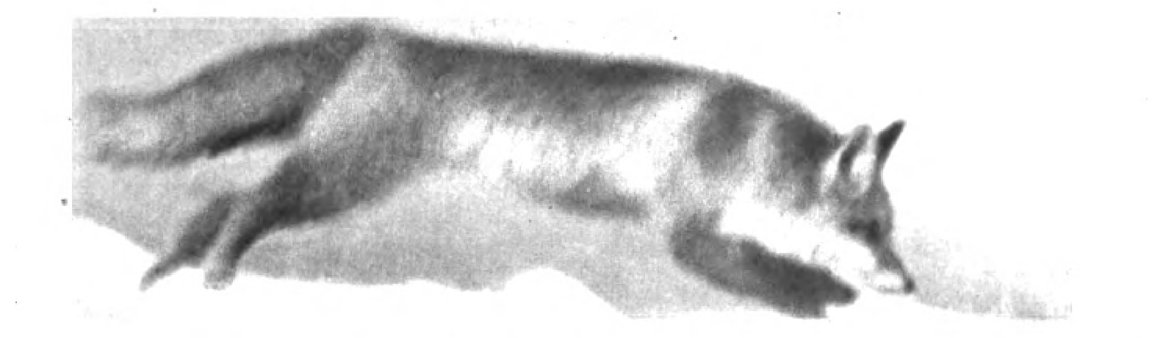

ЗИМНИМ ДНЕМ...

Сибирь, совхоз Гутовский.

Фото М. Наčникина.

Лиса вышла на промысел.
Фото Н. Немнонова.

ЛЕСНЫЕ

Всякий ли слышал шум тетеревиного взлета? Черными шапками повисли на ветках птицы. И вдруг, испугавшись чего-то, рванулись кверху. Слышно, как скрипят на морозе упругие перья, падают комочки снега. Фр-р! Фр-р! Фр-р-р... Человек успел щелкнуть затвором и тут же заметил: еще одна пара глаз провожает встревоженных птиц. Человек опять вскинул свое фоторужье.

Тетерева мирно паслись на березе, глотали морозные почки. Но птицы были слишком беспечны: ветки березы почти ровнялись с верхушкой обрывистой горки. Птичью оплошность заметила рыжая бестия. Надо было видеть, как крадется она к добыче! Тетерева будто совсем не волнуют ее, даже глаз не поднимет, только след, похожий на борозду, остается в снегу. Но сторож на верхушке березы не дремал. И вот остались лисице только сладкие звуки тетеревиных крыльев. Придется рыжей плутовке идти мышковать — работа трудоемкая и не очень добычливая... Хвала охотнику, его зоркому глазу, его фоторужью, которое крови не проливает и приносит в наш дом аромат леса, свет белых сугробов, радостный шум птичьих крыльев!

Нелегко и непросто добыть лесные картинки — стрелять куда проще. Стрелку не столь уж важна поза животного, неважно, с какой стороны солнце, ему и ветки не помешают. Лесному фотографу удача улыбается реже. Он должен быть терпелив и настойчив, ему солнце должно быть союзником, зеленые лапы леса не должны прятать зверя и птицу. Одним словом, горы руды — граммы добычи. И вот эту дорогую добычу показывает сегодня в «Огоньке» опытный следопыт-фотограф Николай Николаевич Немнонов.

В. ПЕСКОВ

1 Мирно паслись тетерева на березе...

2 Рысь. Большая кошка с кисточками на ушах. Одинаково хорошо чувствует себя и на земле и на дереве. Она смертельный враг лесных обитателей. Однако к этой рыське можно подойти близко и безбоязненно. Рыська ручная. Она позировала фотографу около домика метеостанции в знаменитых Красноярских Столбах.

3 Ястребиная совка. Она попала на прицел фотоаппарата в березняке у Амура.

4 Сплетницы.

5 Лось. В подмосковном лесу он привык к человеку и особой тревоги не проявляет.

6 Почему ее называют белкой? Зимой она пепельно-серая, летом — рыжая...

ВСТРЕЧИ

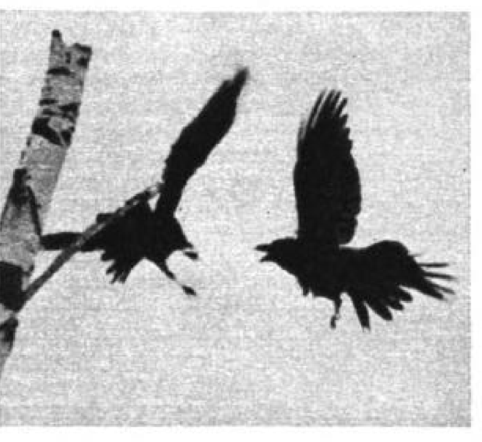
1

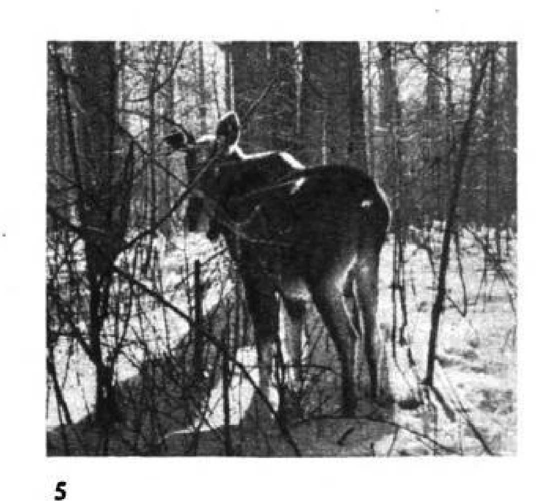
2

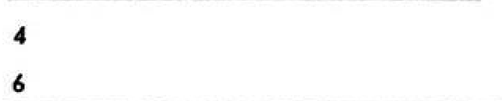
3

4

5

6

Запретная зона

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. Пинкисевича.

Роман

Теперь для Грекова одним из новых, еще не испытанных им удовольствий стало прийти вечером позже всех домой, бесшумно открыть с террасы дверь и незамеченным постоять на пороге, радуясь тому, что всегда открывалось его взору.

Ярко горит свет, все двери в доме открыты настежь, и обитатели дома заняты в это время своим обычным времяпрепровождением: Валентина Ивановна сидит на диване, положив на колени новое вышивание, а Таня и Алеша попеременно убегают из столовой в комнаты направо и налево и появляются оттуда наряженные в одежды взрослых — платья, кофты, юбки, брюки и галифе, в дамские туфли и в большие кирзовые сапоги, в которых Греков обычно вышагивал в непогоду по строительным районам. Таня, утонув в брюках и в сапогах, перепоясав отцовскую гимнастерку ремнем и выпустив из-под козырька отцовской военной фуражки золотистый клок волос, чаще всего изображает казака с огромными черными усами, нарисованными жженой пробкой, а Алеша появляется «из-за кулис» в образе цыганки из табора со щеками и губами, красными, как кровь, от губной помады, и со жгучими широкими бровями. А глаза у него и так цыганские, и Валентина Ивановна хохочет до слез, когда он, вращая ими и доставая из-под доброй полдюжины юбок колоду карт, нараспев предлагает ей предсказать ее судьбу в обмен на то, что она посеребрит бедной гадалке ручку.

— А трефовый король,— певуче говорит гадалка,— и рад бы, милая, отдать тебе свое сердце, но промеж вами встала одна бубновая дама и стращает его казенным домом. Однако ты, милая, надейся, потому как по картам тебе назначена дорога, а в конце ее и заветная встреча. Только ты не скупись, посеребри мне ручку.

Валентине Ивановне совсем не много нужно, чтобы вызвать у нее приступ смеха. Смеясь, она откидывалась на спинку дивана и заливалась своим «а-ах-ха-ха» минуты на три, которых актерам было совершенно достаточно, чтобы исчезнуть за кулисы и появиться оттуда уже в совсем ином репертуаре. Теперь уже на голове у Алеши не цветастый платок, а соломенная шляпа с черной лентой, две щеточки фатовских усиков торчат у него на верхней губе, а брюки волнами ниспадают на штиблеты, и он виляет задом, совсем как Чаплин, спасаясь от погони невозможно пузатого полицейского в коричневом мундире, в котором Греков лишь при ближайшем рассмотрении узнавал свой старый френч. На мундире болтается огромная черная кобура, и полицейский-Таня, гоняясь за Чаплином-Алешей по всем комнатам, свирепо хватается за кобуру рукой. С громом падают у них на пути стулья, дребезжат тарелки, ножи и вилки в буфете и на столе под полотенцем, которым прикрыт в ожидании прихода отца ужин. Пыль столбом стоит. Улепетывающий от своего преследователя Чарли виляет задом ничуть не хуже знаменитого оригинала, но это ему мало помогает. И вот уже его совсем настигает полицейский. Но в этот момент Чарли оборачивается и укалывает его своей тросточкой. Пузатый полицейский испускает дух, делаясь на глазах у зрителей совсем тощим,— это Таня незаметно выпускала воздух из двух футбольных камер, спрятанных у нее на животе и на спине под отцовским френчем.

И снова благодарный зрительный зал минуты на три, а то и на все пять минут разражается своим «а-ах-ха-ха». Этому зрительному залу вообще достаточно показать палец, чтобы он оказался во власти неудержимого смеха. И не мудрено, что ни зрительный зал, ни актеры в это время совсем не замечают того, кто давно уже стоит в дверях, прислонившись к притолоке, и тоже смеется, заражаясь их весельем. И еще долго он будет так стоять, не заявляя о своем присутствии, пока его наконец не заметят.

— Вот и отец! — вставая с дивана и вытирая мокрые глаза, говорит Валентина Ивановна.— Теперь — ужинать.

Но и за ужином то и дело из конца в конец стола перепархивает смех. Теперь со стороны да еще в присутствии такого слушателя, как отец, детям все их забавы кажутся еще более смешными, и они наперебой смакуют их во всех подробностях. Валентина Ивановна прикрикивает на них за то, что они невыносимо шумят и, совсем не пережевывая, глотают жареную картошку и куски мяса, но потом она тоже начинает вставлять в их воспоминания свои поправки, припоминая такие детали, от которых хохот за столом переходит в стон. При этом кто-нибудь из детей обязательно или опрокинет на скатерть стакан с молоком, или уронит тарелку на пол. Крича и размахивая руками, Таня и Алеша входят в такой раж, что уже не прочь повторить все сначала. С ними невозможно сладить, и Валентина Ивановна, спохватываясь, зовет на помощь Грекова. С большим трудом ему удается навести порядок и разогнать их по постелям, но и после этого они еще долго перекрикиваются из комнаты в комнату. Звонко звучат их голоса в доме, и то и дело они опять взрываются фейерверками смеха. И хотя они мешают уставшему за день Грекову уснуть, он, по правде говоря, сердиться на них совсем не в силах. Может ли он сердиться, если он только теперь и начинает понимать, что это такое — быть вполне счастливым человеком? Впервые за многие годы никакая подспудная боль не ворочается в сердце и постоянное сознание собственной вины не подтачивает совесть. Она спокойна.

Все его тревоги рассеялись, как туман. Он оказался таким непроницательным, таким плохим знатоком человеческого сердца. И тени настороженности, с которой Алеша приехал из дома, нельзя теперь заметить в его отношении к Валентине Ивановне. Лед очень быстро растаял под лучами того естественного дружелюбия, на которое так отзывчивы бывают дети. Даже нечто напоминающее чувство зависти испытывал Греков, узнавая иногда от Валентины Ивановны об Алеше то, что отцу положено было бы первому узнавать о своем сыне. Но на такую зависть Греков был согласен. Это, пожалуй, была та редчайшая разновидность ревности, которая не растравляла, а, наоборот, врачевала сердечные раны.

И так продолжалось до того самого дня, пока в их дом не пришла открытка на имя Алеши.

Приехав однажды домой к обеду и увидев на Алешином столике открытку, Греков прочитал ее, не считая зазорным знать, о чем пишут его тринадцатилетнему сыну. Он сразу узнал самоуверенный, решительный почерк. И первым же чувством его, когда он пробежал глазами написанные этим почерком строчки, был страх, что Алеша уже успел прочитать открытку. Вот когда Греков пожалел, что письма в их доме всегда доходили до того, кому они адресованы. Самый чужой и злонамеренный человек не смог бы причинить Алеше большего вреда, чем родная мать этой своей открыткой, пересыпанной уверениями в любви и уменьшительными, ласковыми именами. Отвечая на Алешино письмо, она писала ему своим мужским почерком, что, конечно, она очень рада, что он так весело проводит в доме у отца свое время, ходит на рыбалку и катается на лодке. Она только надеется, что ее черноглазый сынаша будет поосторожнее. Папа, конечно, его любит, но есть еще на свете злые и двуличные люди, хотя иногда они кажутся и хорошими. Они будут рады, если бы ее мальчик, скажем, утонул или же простудился и умер. Пусть Алеша им не доверяет. Мама знает, что ее сыночек — умница и вернется домой целым и невредимым.

...Вот, оказывается, почему она позволила Алеше на этот раз провести у отца лето! И через одиннадцать лет в ее сердце еще не угасла жажда неудовлетворенной мести, и теперь слепым орудием ее должен был стать мальчик. Она, разумеется, не сомневалась, что открытку ее прочтет и хозяйка дома. Понимала она или нет, что если кто и может больше всего пострадать от этого, то только сам Алеша? Но успел ли он прочитать открытку?

За обедом у Грекова уже не осталось никаких сомнений. Ему понадобилось всего лишь один раз перехватить за столом взгляд сына, брошенный на Валентину Ивановну. Спугнутый взглядом отца, он тут же опустил глаза к тарелке и покраснел, и это стремительное движение только укрепило Грекова в его невеселых догадках. Он уже достаточно успел узнать своего сына. Точно такой взгляд был у Алеши, когда он только что приехал от матери, и только время понемногу сделало свое дело. А потом, когда лед растаял и отношения между Алешей и Валентиной Ивановной становились все более похожими на дружбу, все чаще замечал Греков во взглядах, которыми обме-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—11.

нивались они друг с другом, и лукавые смешинки. Они все охотнее подшучивали друг над другом. Кажется, Алеше нравилось вызывать у нее смех, и, должно быть, потому, что она умела смеяться, совсем как Таня.

И вот опять этот пристальный, отчужденный взгляд. Но к отчужденности прибавилось в нем и что-то новое. Как будто он с сожалением старался рассмотреть на лице Валентины Ивановны то, что до сих пор так искусно от него скрывали.

Не показалось ли Грекову, что и Валентина Ивановна тоже чувствует на себе этот взгляд? И, должно быть, поэтому она избегала встречаться с Алешей своим взглядом.

В том, что она не читала этой открытки, адресованной Алеше, Греков был уверен. Как и всегда, получив открытку, она, конечно, не читая, отдала ее Алеше или же положила на его столик. Но почему же тогда Грекову чудится, что ее лицо и глаза спрятались за какой-то невидимой сеткой?..

Не слышно было на этот раз за обеденным столом и привычных разговоров, веселых шуток. Если бы не голосок Танюши, обед бы прошел в полном молчании. Только Таня ничего не замечала.

После обеда Валентина Ивановна убрала посуду и ушла к себе в комнату. Греков подождал в столовой, надеясь, что она выйдет и между ними начнется тот разговор, без которого у них не обходился ни один вечер. Но она не вышла. Тогда он встал из-за стола, сам вошел к ней в комнату и спросил:

— Валя, ты прочла эту открытку?

Стоя у окна и глядя на улицу, она ответила:
— В этом не было надобности. Достаточно того, что письма в наш дом читают соседи.

Так вот оно что. Когда Грековых не было дома, поселковый письмоносец Митрич обычно отдавал их почту Гамзиным, и любопытная соседка никогда не упускала случая поинтересоваться содержанием писем. И, может быть, самое замечательное заключалось в том, что, узнав таким способом о вещах, которые касались чужой жизни, Гамзина обычно сопровождала все это своими комментариями и советами. Только от нее Валентина Ивановна и могла узнать о содержании открытки. Само собой разумеется, она, как всегда, не должна будет придавать всему этому никакого значения. Над этим только можно было посмеяться, как над одним из образцов человеческой глупости, а Валентина Ивановна всегда не прочь была посмеяться. И Греков, подходя к ней, уверенно дотронулся до ее плеча.

— Валя!

Его удивило не столько то, что она ему ответила, сколько то, каким она ответила тоном:
— Лучше, Василий, нам не говорить об этом.

Еще никогда он не слышал у нее такого ровного тона. И если когда-нибудь она называла его Василием, то только в шутку. Это был и ее голос и не ее. Он как будто сразу выцвел, лишился своих красок.

Но и настаивать на чем-нибудь не было в обычае у них в доме. Греков еще немного постоял у нее за спиной, глядя на бронзовые стружки рассыпавшихся по ее шее мягких и тонких волос. Она не оборачивалась, и он вышел из ее комнаты, притворив за собой дверь.

На этот раз день закончился в их доме не так, как обычно заканчивался он последнее время. И хотя вся семья рано оказалась в сборе, ни веселой беготни по комнатам не было слышно, ни заразительного «а-ах-ха-ха», услышав которое прохожие на улице замедляли шаги и поворачивали головы к окнам Грекова. Алеша с Таней затеяли было свой ежевечерний маскарад, и Греков даже охотно уселся на уголке дивана, выполняя роль зрителя, но Валентина Ивановна из своей комнаты не вышла, а детям, как видно, больше всего и недоставало ее смеха, и они завяли. Таня, гоняясь за Алешей, вдруг на полдороге круто свернула в сторону и, уткнувшись отцу в колени, разревелась. Плечики и косички ее с белыми бантами вздрагивали, и она долго не могла успокоиться, не отвечая на его настойчивые вопросы: «Что с тобой? Ну что с тобой, Таня?» Так, плачущая, и уснула у него на коленях, и он отнес ее в ее кроватку. Греков хотел было поговорить с Алешей, но и тот сказал, что хочет спать, и от разговора уклонился. И тут же он разделся и лег на свое место на диване в столовой, закрыв глаза и, как подозревал Греков, притворившись спящим. Все разошлись по своим местам.

Дом был построен подковой, и из окна своей комнаты Греков видел в освещенном окне комнаты Валентины Ивановны ее тень, отпечатавшуюся на белом тюле. Над четкой линией лба колыхалось облачко волос, а в складке губ как будто затаилось новое, незнакомое выражение замкнутости. Как обычно, Греков хотел было пройти к ней в комнату, но это незнакомое выражение ее лица и воспоминание о ее последних словах: «Лучше, Василий, нам не говорить об этом»,—его удержали. Еще никогда и ничто неясное и тревожащее их обоих они не хранили каждый в себе, не стараясь выяснить этого сообща, и в их разговорах не существовало тех запретных рифов, которые надо было бы обходить стороной, чтобы не разбить ладью семейной жизни. И тем более не мог понять Греков, почему лучше не говорить об э т о м. Как будто откровенный разговор об э т о м таит для них какую-нибудь угрозу. Это тем более исключено, что ничего же нового и не появилось между ними, а то, что появилось, подброшено им со стороны, и для них не составит труда опять выбросить это вон. Это так просто. Но сделать это можно только сообща, выяснив все до конца, а Валентина Ивановна не хочет об этом говорить.

Еще некоторое время он постоял в своей комнате у окна, глядя на ее четкую тень на противоположном крыле дома, и потом, тихо ступая через темную столовую, где спал на диване Алеша, вышел во двор.

Поселок уже погружался в сон, и лишь кое-где из ветвей старых казачьих садов светились окна, а с танцплощадки в сквере доносились звуки аккордеона, и слышно было, как там шаркают по асфальту ноги. На аккордеоне, конечно, играет Вадим Зверев.

С эстакады наплывал мягкий гул. Там птицей раскрылатилось в ночном небе зарево, а поселок был окутан ночью, только в центре прошитой крест-накрест двумя строчками фонарей.

Проходя через палисадник, он обратил внимание, что за этот день перед их домом как-то сразу расцвели розы того самого редкого сорта, за которым долго охотился Греков. Достоинство их состояло в том, что цвели они перед самой осенью. Три года назад, еще только приехав на стройку, Греков посадил их вокруг дома, как это делал каждый раз, переезжая на новое место. Это была его слабость.

Кусты белых роз выступали из черноты ночи, как алебастровые, а ярко-пунцовые крупные розы казались черными. На один куст красных роз падала из дома полоса света. Ночью розы и обычно пахли острее, а сегодня что-то чересчур резко — может быть, потому, что прошел небольшой дождь.

Выйдя из калитки, он направился от дома не по своему каждодневному пути — к огням, помигивающим на кранах и на мотопоездах,— а в обратную сторону, по улице, прорезывающей поселок с востока на запад. Чем дальше уходила улица от плотины, тем глуше ворочалась за спиной стройка и явственнее дышало в воздухе степью. За все лето Греков не запомнил здесь такой звездной ночи. С тех пор, как началась стройка, те высокие звезды, что всегда загорались здесь над степью, уже успели ужиться с теми, которые люди зажгли на плотине, и если бы те или другие вдруг погасли, эта летняя ночь показалась бы не полной. Но вот еще две звезды — красную и зеленую — увидел над головой Греков. Они двигались, иногда скрываясь за тучу и опять появляясь. Самолет пролетал над стройкой так высоко, что звука его не было слышно, и только сигнальные огни отмечали его путь в небе.

Так, вероятно, он дошел бы и до самой степи по улице, отчеркнутой тенями садов, если бы внимание его не привлекли звуки громкого, оживленного разговора и раскаты смеха.

Они донеслись до него слева, из мерцавших в глубине сада окон большого дома. Греков повернул голову и узнал этот дом, откуда его прежние хозяева съехали на новое место, как только началась стройка. Дом был хороший, с низами. Но особенно хорош был яблоневый сад, большой и старый. Должно быть, не одно поколение людей выросло и успело состариться под этими могучими яблонями, не одно десятилетие с весны до глубокой осени стояли под ними столы и кровати, резвились детишки, зарождалась любовь и сама жизнь, вспыхивало и угасало яркое и короткое человеческое счастье.

Старые яблони, окружая дом, ревниво прятали его от глаз, сомкнув свои ветви. И только процеженный свет просачивался теперь сквозь их листву с звуками голосов и веселого смеха. Но голоса доносились из открытых окон с отчетливой звучностью, и Грекову не нужно было прислушиваться, чтобы убедиться, что один из них — самый веселый — принадлежит Гамзину, а громче всех смеется нынешняя хозяйка этого дома Лилия Андреевна Клепикова. Кто-то третий вторил ей глуховатым смехом.

Греков вспомнил, что сегодня суббота, когда в этом доме обычно собираются гости.

Лилии Андреевне Клепиковой удалось осуществить свою мечту о том, чтобы ее курень сделался о а з и с о м культуры и центром притяжения для всех интересных и значительных людей в этом царстве бетона и металла. Представьте себе, приезжает из столицы, из самого министерства, человек в эту развороченную, полудикую степь и через неделю или две немыслимо тяжкой жизни здесь, после того, как он уже оглох от грохота, ослеп от дыма и смрада и окончательно отупел от бесконечных разговоров о земснарядах, пульповодах, патернах, шандорах и кубометрах, он вдруг набредает на этот очаг мысли и чувства, где он может быть уверенным, что его должным образом поймут и оценят. И все это в колоритном образе казачьего куреня, где подают на стол натуральный казачий борщ и кофе с каймаком, стопленным в чугуне руками самой хозяйки, чья родная бабка по материнской линии была, оказывается, неподдельной казачкой, а дед по отцовской линии — казаком. Об этом недвусмысленно свидетельствует и донская шашка, украшающая большой текинский ковер на самом видном месте в зале, где обычно собирались гости.

Кстати, о шашке. Лилия Андреевна нашла ее в сарае, разбирая хлам, оставшийся там от старых хозяев этого дома. Сперва она хотела выбросить шашку в ту самую кучу старья, за которой должен был приехать самосвал, но потом ее озарила идея. Муж Лилии Андреевны, главный инженер правого берега Кузьма Константинович Клепиков, однажды вечером, как всегда, поздно приехал с работы и, проходя через зал к себе в комнату, минуты две или три остолбенело стоял перед шашкой на текинском ковре, пока наконец не выдавил из себя, обращаясь к Лилии Андреевне:

— А это еще что такое?

Лилия Андреевна улыбнулась его простодушию.

— Это ты потом поймешь. Я тебя уверяю, это будет шедеврально.

— Ты, должно быть, совсем спятила.— И Кузьма Константинович покрутил пальцем у лба.— Где ты ее взяла?

— Это семейная реликвия,— с достоинством отвечала Лилия Андреевна.

Кузьма Константинович выпучил на нее глаза.

— Какая?

Лилия Андреевна пояснила:

— Это шашка моего родного деда.

— Курам на смех! Сейчас же убери ее, пока еще люди не стали указывать на нас пальцами,— потребовал Кузьма Константинович.

Однако, поскольку теперь уже появился на сцену покойный дед Лилии Андреевны и нужно было постоять за его честь, она осталась непреклонной. В конце концов муж махнул рукой. Характера он был хоть и вспыльчивого, но сговорчивого. Шашка осталась висеть на месте, определенном ей достойной внучкой своего доблестного деда.

Гостю, приехавшему из столицы и попавшему в этот курень, конечно, все эти подробности семейной жизни Клепиковых были неизвестны. Казачья шашка и многое другое, что находил он в этом гостеприимном доме, придавали в его глазах куреню Лилии Андреевны неповторимый колорит. Девятнадцатый век уживался здесь с двадцатым в своем чистом виде. А это, в свою очередь, окрашивало в необычные тона атмосферу, царившую под этой крышей в каком-нибудь километре от плотины.

Не забывала Лилия Андреевна пригласить на чашку чая и Грекова, и всякий раз легкая гримаска пробегала по ее личику, когда он отказывался, ссылаясь на недостаток времени. Не очень-то манили к себе Грекова эти званые вечера, которые уже через пять лет после войны начали входить в моду. Если же и случалось ему иногда очутиться на одном из таких приемов, то нередко в самый разгар всеобщего веселья и трапезы за хозяйским столом он вдруг мог поймать себя на мысли, что всего того изобилия, которое будет съедено и выпито здесь только за один вечер, семье среднего колхозника в избытке хватило бы, чтобы расплатиться с налогами за год.

Не привлекало его и встретиться у Лилии Андреевны с некоторыми из тех людей, с которыми он меньше всего хотел встречаться вне деловой обстановки. Например, с Гамзиным, завсегдатаем этого салона. Вот и теперь он своим сочным баритоном рассказывал, должно быть, что-то очень смешное, потому что его слова то и дело покрывались раскатами смеха.

Но сегодня для Грекова было почти все равно, куда пойти и с кем встретиться. Открыв калитку, он прошел под ветвями яблонь и поднялся на крыльцо дома.

Вокруг белоснежного стола под большим абажуром сидели гости. Ветром из сада надувало кремовые портьеры на окнах. Кроме Гамзина, чей голос услышал и узнал Греков еще на улице, и хозяйки дома, ему здесь только и знакома была Цымлова, сероглазое, миловидное существо в пепельных кудряшках. С двумя другими женщинами — с блондинкой в белом платье и с блондинкой в красном платье — он встречался только на улице и на торжественных вечерах в клубе. Кажется, это были жены начальников отделов управления или строительных районов.

Все слушали, что говорил Гамзин. Но сразу же можно было увидеть, что центром вечера сегодня был не он и не кто-либо другой, а этот смуглый человек в черном костюме, с твердыми, будто стесанными скулами, которого уже видел сегодня на плотине Греков. Автономов водил этого человека по стройке, спускаясь с ним в патерну и поднимаясь на пирс рыбоподъемника, чтобы гость имел возможность охватить весь пейзаж стройки. Кто знает, не в этот ли самый момент и посетит его вдохновение и подскажет ему, как в п и с а т ь в этот пейзаж самобытную фигуру главного героя, который, может быть, находился у него под боком. Ибо этот приезжий из столицы человек был писателем.

Греков и узнал его по этим стесанным скулам, несмотря на то, что гость уже успел переодеться из своего дорожного комбинезона в черный костюм, в котором и подобало быть на таком вечере. Должно быть, привез он его с собой в том самом лимузине, чьи лакированные крылья успел разглядеть Греков во дворе под яблоней рядом с крыльями гамзинской «Победы». Этот человек и сидел сейчас в центре стола, между Лилией Андреевной и своим рыжеволосым, громадного роста спутником, и на его долю приходилась львиная часть гостеприимства, излучаемого хозяйкой дома. Не нужно было ни времени, ни труда, чтобы убедиться в этом. Достаточно было только взглянуть, как она смотрит ему в лицо и с его лица переводит значительный взгляд на лица других присутствующих, охорашивая рукой девическую прическу.

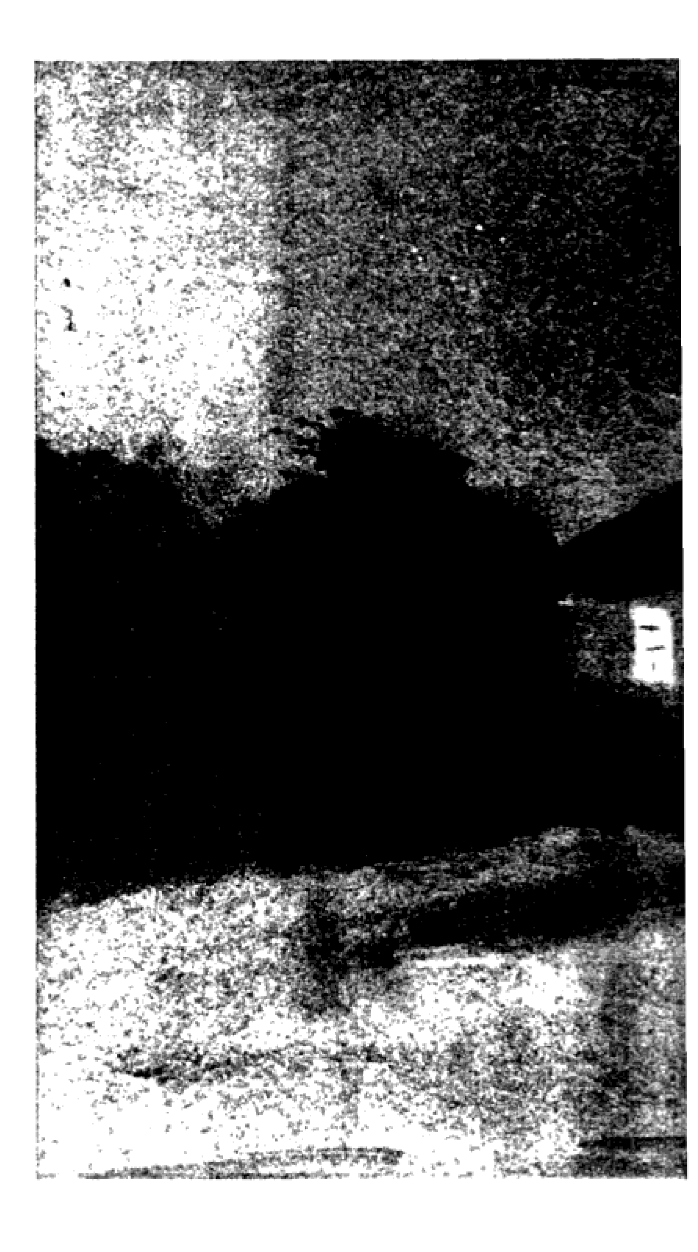
Велика же была радость Лилии Андреевны, когда на пороге ее дома появился и Греков. Литературная знаменитость плюс самое ответственное партийное лицо на стройке — она и сама не могла бы себе пожелать ничего лучшего. Это было событие, сюрприз, и весть о нем завтра же облетит всех начальствующих жен, оспаривающих у Лилии Андреевны лавры самой влиятельной дамы на стройке. Увидев Грекова в дверях, она, несмотря на все свое самообладание, не смогла удержать радостного восклицания и так и бросилась к нему в своем узком платье, семеня мелкими шажками, как стреноженная лошадь.

— Вот это, Василий Гаврилович, мило! А нам, признаться, только вас и не хватало. Вы один или с Валентиной Ивановной? — говорила она, заглядывая ему за спину.

— Один,— ответил Греков.

— Хорош казак, сам, значит, на игрище, а женушку под замок! — попеняла ему Лилия Андреевна и тут же поспешила сменить игривый тон на доверительный и сочувственно серьезный.— Ну-ну, я, конечно, понимаю, что она не может оставить без присмотра сразу двоих детей. У нее теперь удвоились заботы. Вашему Алеше сколько лет?

Она уже знала и то, как зовут его сына. Ничто не могло укрыться от этих глаз, которые сейчас рыскали по лицу Грекова, сочувствуя, догадываясь и все понимая. И, разумеется, только от жены Гамзина она могла узнать

о некоторых подробностях из семейной жизни Грековых, а уже все остальное ей должны были подсказать ее воображение и житейский опыт. Греков давно уже убедился, что у людей неумных и мелких всегда достает какого-то особого, звериного чутья, чтобы безошибочно вонзать другому отравленный шип в самое уязвимое место. Убедился он также и в том, что самое надежное оружие во взаимоотношениях с этими людьми — улыбка. И что бы там ни лежало у него сейчас на сердце, он с веселой улыбкой ответил:

— Да, он ровесник сына Бориса Аркадьевича Гамзина.

Ему доставило удовольствие увидеть на ее лице быструю смену гримасок смущения и разочарования, но тут же она смахнула и то и

другое и стала знакомить Грекова со своим главным гостем. Ни смущаться, ни разочаровываться она долго не умела.

— Степан Петрович Доброхотов! — громко сказала она, представляя Грекову гостя. И, на секунду приблизив к уху Грекова губы, шепотом добавила: — Тот самый.

Об этом она могла бы и не говорить. Об этом уже сказал Грекову желтый кружочек на муаровой ленте пониже правого плеча у этого человека.

Литературная знаменитость, пожимая руку Грекова, слегка приподнялась и опять опустилась в кресло, а ее спутник, подняв от стола курчавую рыжую голову, взглянул на Грекова и опять уткнулся в свою тарелку. Греков сел, и разговор, прерванный его приходом, возобновился.

— А нам-то, Василий Гаврилович, вас и не хватало,— повторила Лилия Андреевна.— Может быть, хоть с вашей партийной помощью нам удастся уговорить Степана Петровича

Доброхотов наклонил голову.

— Но это еще в некотором смысле производственный секрет.

В этом случае Лилия Андреевна позволила себе обидеться на своего выдающегося гостя. Она указала пальцем на пол.

— Из этого дома еще не вышел ни один секрет.

И гость немедленно запросил амнистии:

— Я лишь хотел сказать, что творческие планы могут неожиданно измениться. Жизнь иногда диктует свое.

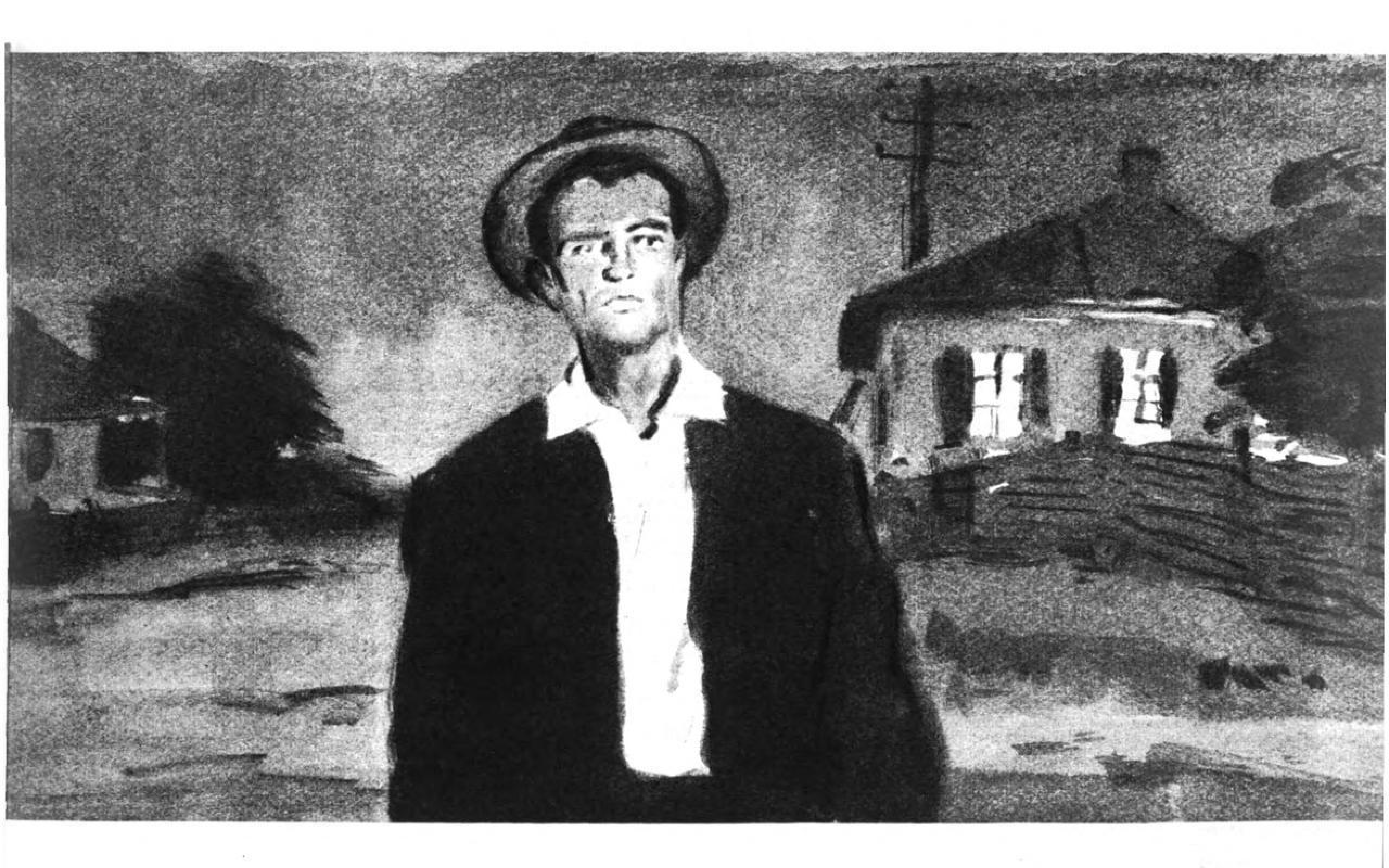
Амнистия была ему немедленно дана в виде пододвинутой ему на тарелочке хозяйкой порции домашнего «наполеона».

— В таком случае,— сказала она,— вы, может быть, не утаите от нас главную тему вашего будущего фильма.

— Я могу лишь сказать, что на послевоенный экран должен наконец прийти настоящий герой. Героическая, сильная личность,— со сдержанной строгостью в голосе ответил Доброхотов.

стящими глазами и, поглядывая по сторонам, приглашала других разделить ее торжество. Все должны были убедиться, что в этот вечер к ней в дом закатилась не просто столичная литературная звезда, а звезда первой величины. И она была знаменита не только удельным, но и физическим весом книги, принесшей ей славу, закрепленную медалью на муаровой ленте. Так как драгоценна была каждая творческая минута этой звезды, она проследовала из столицы на стройку прямо на автомобиле, прокладывающем себе путь сквозь леса и степи трубным звуком, подобным гласу архангелов, летящих в заоблачной выси. Два шофера-молодца сменялись за рулем автомобиля, пока звезда либо дремала, либо обдумывала свой новый сюжет на мягких подушках сиденья. На этот раз ей предстояло внести свой вклад в золотой фонд отечественной кинодраматургии.

— Ну, а если прототипы не исключены, то я все-таки позволю себе набросать один сюжет из жизни,— отважно заявила Лилия Андреевна.

чуточку приоткрыть нам замысел его нового романа. Вы бы нам хоть сказали, Степан Петрович, как будет называться ваш роман.

За Доброхотова ответил его спутник:

— Степан Петрович решил на этот раз выступить не в жанре романа. Жизнь требует новых форм. Степан Петрович пишет киносценарий.

При этом сообщении хозяйка даже захлопала в ладоши.

— Неужели?! Но это как раз то, что сегодня нужно. Теперь все люди страшно заняты, у них нет времени прочитать поэму или роман. Я это по себе знаю, не успеешь оглянуться — и день прошел. И я всегда, Степан Петрович, считала, что у вас ярко выраженная драматургическая жилка.

— У меня, кажется, есть на примете именно такая личность,— вступая в разговор, заметил Гамзин.— Вы, Василий Гаврилович, должны догадываться, о ком я говорю.— И Гамзин коротким движением огладил усы, как это делал Автономов.— Остается только взять и перенести этого героя на экран или в книгу.

— В искусстве так не бывает: взял и перенес,— снисходительно улыбаясь, стал разъяснять ему Доброхотов.— Мы предпочитаем живописать собирательно.

— Да, синтетически,— пояснил его спутник.

— Но, разумеется, и прототипы не исключены,— добавил Доброхотов.

— И даже необходимы,— подтвердил его спутник.

Лилия Андреевна ловила эти слова с бле-

Доброхотов изъявил готовность послушать, что это за сюжет. Лилия Андреевна могла ощутить себя на самом верху того самого счастья, которое дано испытать лишь очень немногим. Наконец-то ее дом превращается в тот самый центр духовной жизни, который отныне будет оказывать влияние и на самую тончайшую сферу культуры — на сферу искусства! А значит, и сама она оказывается в центре духовной жизни, несмотря на то, что живет она не в столице, а в этом глухом поселке. Недаром же она никак не могла простить своим родителям, что они не догадались дать ей имя Муза. Впрочем, не следовало и судить их слишком строго, потому что они все-таки догадались дать ей не менее поэтичное имя — Лилия. Нынче вечером она чувствовала, как

этому имени как нельзя более соответствует ее новое белое платье с воздушным стоячим воротником, из которого ее шея — она это знала — и правда выступает, как бутон из развернутых листьев лилии. И как вопиюще невосприимчив ко всему изящному ее железобетонный супруг, если он, когда Лилия Андреевна в первый раз предстала его очам в этом платье, не нашел ничего лучшего, как изречь, что можно подумать, будто ей не сорок восемь лет, а восемнадцать! Но не он ли говорил ей и то, что все ее званые вечера в курене не больше, не меньше как блажь.

К счастью, есть еще на земле люди, которым доступен и другой образ мыслей. Бетон не запорошил им глаза и уши. И больше всего хотелось бы Лилии Андреевне, чтобы ее супруг послушал теперь, как другие оценивают в ней как раз то, что он называет блажью.

Играя в руке пепельницей, исполненной мастером в виде бронзового казачьего сапожка, и поглядывая исподлобья в сторону Гамзина, она стала излагать свой сюжет:

— Он крановщик, она молодая, прелестная казачка из станицы, а ныне передовой диспетчер на стройке. Он, как говорится, от нее без ума, кажется, и она не совсем к нему равнодушна. Но есть некая тайная причина, которая мешает осуществиться их юному союзу.

Спутник Доброхотова приподнял от стола лицо с лоснящейся впадиной на подбородке, в который только что упиралась ножка индейки, и меланхолически заметил:

— Типичный треугольник. Старо.

— Не совсем,— с ясной улыбкой возразила ему Лилия Андреевна.— Представьте, есть и четвертый угол.

Спутник Доброхотова с недоумением посмотрел на Лилию Андреевну и предпочел больше не отрываться от индейки. Его патрон задумчиво переспросил:

— Вы говорите, казачка?..

— И самая что ни на есть потомственная! — По тону Лилии Андреевны можно было понять, что она готова поклясться в этом на той дедовской шашке, что мерцала на ковре оправой своих ножен.— Но теперь она передовой диспетчер на стройке.— И при этом она снова бросила взгляд на Гамзина. Он скучающе отвернулся, но, как показалось Грекову, по лицу его пробежала тень беспокойства.

— Что ж, в этом есть зерно,— заверил Лилию Андреевну Доброхотов.

Она просияла.

— Я вам уступаю его безвозмездно.

Он наклонил голову, разделенную швом пробора.

— Не премину воспользоваться, но на этот раз...

Его спутник, отрываясь от индейки, пояснил:

— У Степана Петровича свой творческий метод. Он обычно приезжает на объект с готовым сюжетом. Ему лишь необходима бывает фактура.

Доброхотов добавил:

— У нас это называется одним словом: антураж.

В то время, как все в курене Лилии Андреевны в молчании пытались оценить весомую значительность этого слова, а спутник Доброхотова с видом соавтора обводил глазами присутствующих, из дальнего угла комнаты, из того самого кресла, над которым висела казачья шашка, раздался стремительный, как взмах этой шашки, вопрос:

— А как бы вы поступили, если бы жизнь действительно продиктовала вам здесь свою тему?

Спрашивала Галина Алексеевна, жена Цымлова, которая до этого молча сидела, утонув в глубоком кресле, свернувшись, как кошечка, и не принимая участия в общем разговоре.

— В искусстве так не бывает,— доставая концом ножа из горлышка хрустальной баночки хрен, уверенно сказал спутник Доброхотова.

Но патрон впервые за весь вечер взглянул на него суровыми глазами.

— Бывает и так.— И он с поощрительной улыбкой повернулся к Галине Алексеевне. Ее притененная абажуром головка показалась ему хорошенькой, а он был неравнодушен к хорошеньким женщинам.— Вы что-нибудь имеете в виду? Например?

— Например...— Галина Алексеевна колебалась только одно мгновение и решительно встряхнула головой. Ее волосы сверкнули.— Жили-были два сверстника, два соседа и, может быть, даже два маленьких друга. Лазали друг к другу через забор, вместе строили скворечни и гоняли голубей, и матери пекли им пироги в один и тот же день рождения. А потом их разбросала война. И вдруг один из них узнает другого в зоне.

Так это же была история Вадима Зверева и его друга Виталия Молчанова, которую Галина Алексеевна могла узнать от мужа! С интересом Греков ждал, что будет отвечать на ее слова Доброхотов.

По его губам промелькнула улыбка явного снисхождения к наивности этой хорошенькой женщины.

— Вы согласитесь, Галина Алексеевна, что и в творчестве могут быть, так сказать, запретные зоны.

— Нет, с этим я не могу согласиться. Я всегда думала, что писатели — это люди, которые живут сердцем. У них каждый нерв наружу, и то, что для других как с гуся вода, для них как удар тока. И мне всегда казалось, что нельзя расчертить жизнь на запретные и незапретные темы: об этом писать можно, а об этом нельзя. Я, конечно, не писательница (в этом месте Доброхотов улыбнулся), но мне кажется, что писать можно обо всем. Разве можно запретить сердцу любить или ненавидеть?

Доброхотов совсем широко заулыбался, и в лице у него появилось что-то от рубахи-парня.

— Когда-нибудь, Галина Алексеевна, д а, но то, что вы имеете в виду, тема будущего.

Все поддались обаянию его улыбки, а Лилия Андреевна вновь обвела взглядом комнату, приглашая всех окончательно удостовериться, какой у нее сегодня гость. Встречая ее взгляд, Гамзин ободряюще наклонил голову с рыжеватыми усами, подстриженными, как у Автономова. И лишь одной этой маленькой женщине с ярко-синими глазами, казалось, не было никакого дела до того, какой выдающийся человек снизошел сегодня для разговора с нею.

— В таком случае,— сказала она,— я отказываюсь понимать, какой смысл в вашем, как вы говорите, творческом труде. Если этот смысл состоит в том, чтобы уметь сегодня обходить запретные зоны, оставляя их тем, кто отважится заглянуть в них завтра, то для этого, мне кажется, необходим не талант, а обычная ловкость.

«Ай-я-яй, у кошечки, оказывается, острые коготки!» — подумал Греков.

Сверкая своими ярко-синими глазами и откидывая со лба волосы медленным движением руки, Галина Алексеевна ждала ответа. Легкий шок наступил после этих ее слов за столом. Рыжеволосый спутник Доброхотова, занятый уничтожением индейки, хмыкнул и самым натуральным образом подавился. Кость застряла у него в горле, и он, заклохтав, как удавленный, стал усиленно отрыгивать ее. Гамзин со вниманием рассматривал на свет свой бокал, налитый красным виноградным вином. Даже находчивая хозяйка этого салона не сумела сразу о т р е а г и р о в а т ь должным образом, а лишь приоткрыла рот и испуганно взглянула выпученными, базедовыми глазами на почетного гостя.

Впиваясь руками в отполированные поручни кресла, он подался вперед, смуглая кожа вдруг обтянула все выступы его лица. Греков отметил про себя, что оно стало хищным. Маленькая храбрая женщина казалась перед ним обреченной куропаткой, в которую каждую минуту могли вонзиться его стальные когти. Греков уже приготовился прийти к ней на помощь.

Но этого не понадобилось. Из горла Доброхотова, к удивлению всех присутствующих, вырвался не воинственный клекот, а сдавленный хриплый смех, переходящий в глухое, добродушное ворчание. И можно было поклясться, что в его сузившихся глазах метнулась растерянность.

— Вы, должно быть, самая агрессивная женщина здесь на стройке. И, надо сказать, вам это к лицу.

О, это был испытанный боец! В самое горячее время на литературных дискуссиях в Москве он не шатался под обстрелом уничтожающих нападок. И он хорошо знал, когда выгодно нанести удар, а когда лучше и увернуться от удара, спрятавшись за щитом шутки. Лилия Андреевна своими разверстыми ноздрями тотчас же безошибочно уловила с т р у ю и поспешила к нему на помощь.

— О да, я и забыла вам сказать, что Галина Алексеевна у нас хетагуровка [1]. Недаром ее зовут у нас мать-командирша.

— Но, Лилия Андреевна...— сердито сказала Галина Алексеевна.

— Не скромничайте, Галина Алексеевна, мне сам Федор Иванович рассказывал о вашей жизни на погранзаставе. Представьте, что эта очаровательная шатенка участвовала в бою с самураями. И даже бросала гранаты.

Доброхотов, облокачиваясь на спинку кресла, обнажил в улыбке мелкие, крепкие зубы.

— Это очень интересно.

— Как вам, Лилия Андреевна, не стыдно,— покраснев до корней волос, укоризненно говорила Галина Алексеевна.— Вы же знаете, что все это было не так.

Но хозяйка салона уже вошла в роль. Теперь она ублажала гостей Галиной Алексеевной.

— Нет, Галина Алексеевна, излишняя скромность паче гордости. Вы обязательно должны рассказать об этом Степану Петровичу, а там кто знает... Страна должна знать своих героев.

Все занялись тем, что наперебой стали уговаривать Галину Алексеевну. Только что такая храбрая, она теперь затравленно озиралась... В тех уговорах, которые сыпались на нее со всех сторон, она чувствовала какой-то подвох, но что это за подвох, по своему чистосердечию еще не успела догадаться. И вдруг, встречаясь со взглядом Грекова, она догадалась. Ее щеки еще более запылали.

— И все-таки вы так и не ответили на мой вопрос: что должен был подумать тот юноша, который вдруг узнал в колонне уголовных преступников друга своего детства?

— Он должен был в первую очередь подумать, что каждый сполна расплачивается за свои преступления и пороки,— грубо сказал Доброхотов. На какую-то секунду броня его самообладания раскололась, и из щели выглянул совсем другой человек — жесткий и беспощадный. Черты его лица заострились, а глаза сузились и как будто окосели. Но тут же щель и захлопнулась, на губах у Доброхотова опять заиграла улыбка человека, уверенного в каждом своем слове.— И потом все это в конце концов лежит не в русле моей темы. Я надеюсь, что мне позволено будет и впредь придерживаться своей темы.

— У каждого писателя есть своя главная тема,— подтвердил его спутник.

Занятый в основном освоением того, что лежало перед ним на столе, он не потратил времени даром. Нос его заметно побурел, нижняя губа отвисла, а в движениях, когда он откупоривал новую бутылку, появилась даже известная грация. И лишь иногда он позволял себе подключаться к разговору. Но тут же он снова повернулся к столу, уверенный, что у его патрона здесь есть достаточно надежный союзник в лице хозяйки этого дома.

Ей очень хотелось, чтобы в ее к у р е н е сегодня вечером непременно состоялся умный разговор, круги от которого завтра же должны пойти по всему поселку, но в то же время ей не хотелось, чтобы в этом разговоре были ощипаны перья тому, кто был сегодня украшением вечера.

— У Степана Петровича, как он уже сказал, тема героическая,— сказала она и взяла с этажерки толстый том в синей обложке, положенный перед этим вечером сверху на другие книги.— Я, Степан Петрович, дважды читала ваш роман и просто готова была расцеловать вас за вашего Авдея.— В этом месте она смягчила свои слова беспомощной улыбкой.— Это же настоящий богатырь, а все остальные рядом с ним кажутся совсем мелкими.

---

[1] Вслед за Валентиной Хетагуровой тысячи советских девушек уехали на постоянное местожительство на Дальний Восток.

Неизвестно, один ли Греков увидел и понял, почему при этих словах по лицу гостя пробежала тучка, а его адъютант, не забывавший придерживаться краем уха и грани разговора, вдруг опять сдавленно хмыкнул и, чтобы скрыть невольное движение чувства, стал усиленно перепиливать ножом ребро корейки.

Не могло быть похвалы, худшей для писателя Доброхотова, чем эта, полученная им из уст хозяйки салона. Греков тоже читал его роман и тоже нашел, что рядом с фигурой главного героя все остальные люди выглядели мелкими и пошлыми. Но в отличие от Лилии Андреевны он считал, что это являлось не достоинством книги на историко-революционную тему, а ее уязвимым местом. Личность главного героя явно заслонила всех остальных. И еще неизвестно, каким бы образом теперь автору этой книги удалось уклониться от сомнительных лавров, которыми награждала его Лилия Андреевна, если бы ему не пришлось опять повернуться в ту сторону, откуда весь вечер предпринимались на него атаки.

Эта миловидная шатенка с обжигающими глазами никак не оставляла его в покое, упорно возвращая его в русло предыдущего разговора.

— Я с вами согласна, — сказала она, — что порок и преступление должны быть наказаны. Но, по моему мнению, есть еще и порок пороков: равнодушие. Идет человек, видит, что кто-то слева от него увязает в болоте, и закрывает ладонью левый глаз, чтобы не видеть. — Галина Алексеевна прикрыла свой левый глаз маленькой рукой. — Видит, что справа от него кто-то гибнет, и закрывает правый глаз.— Она отняла руку от левого глаза и прикрыла правый. Но другой, незакрытый синий глаз смотрел на Доброхотова сурово. — А увидел, что прямо перед ним на дороге оказался в яме человек, и спешит перешагнуть через яму или же обойти это место, вместо того, чтобы подать ему руку.

Ой да и жена была у Федора Ивановича Цымлова! Теперь Греков воочию мог представить себе, как она могла в одной рубашке выскочить на погранзаставе из окна и бросать гранаты в самураев. Федор Иванович проговорился об этом однажды Грекову за праздничным столом, когда выпил сверх меры и ему захотелось похвалиться своей боевой подругой. Греков помнил, как тогда прицыкнула на него Галина Алексеевна. Теперь она тоже бросила гранату в это болотце, спрятавшееся под колоколом огромного абажура. Такого взрыва здесь еще не слыхали. И ошеломленные завсегдатаи этого болотца притихли, воркованье прекратилось.

Интересно было наблюдать, как все это отразилось на их лицах. На лице у Гамзина появилось скучающее выражение, он нагнул голову, исподтишка окидывая глазами комнату, и можно было поручиться, что взгляд его ищет шляпу. Спутник Доброхотова налил себе полный фужер водки и залпом выпил. Блондинка в белом платье и блондинка в красном платье переглянулись, язвительно улыбаясь. Доброхотов же был явно растерян, и даже желтый кружочек у него на муаровой ленте как будто потускнел.

На помощь ему пришла хозяйка. Как утопающий за соломинку, она решила ухватиться за Грекова.

— А что думает об этом наша партийная совесть? — повернулась она к нему с ослепительной улыбкой.

— По-моему, — ответил Греков, — и нет в природе таких тем, на которые наложено вето. Кто его мог наложить? Литература не Совет Безопасности. Если, конечно, не накладывает этого вето на ту или иную тему чья-то собственная трусость. Но, как известно, от матери-трусости еще никогда не рождались дети-герои.

Он только успел заметить, как на щеках этой маленькой храброй женщины, жены Федора Ивановича Цымлова, двумя яркими пятнами вспыхнул румянец удовольствия, а к смуглому лицу Доброхотова стала приливать серая бледность. И в эту минуту открылась дверь, закрытая на другую полозину дома. На пороге появился муж Лилии Андреевны, инженер Клепиков.

Известно было, что по субботам, когда у Лилии Андреевны собирались гости, ее муж, пренебрегая своими обязанностями хозяина, никогда не появлялся на этой половине дома. Он явно не одобрял этих субботних вечеров своей жены и терпел их лишь постольку, поскольку они бывали всего раз в неделю, а он последнее время часто и по вечерам задерживался на плотине. Но сегодня он против обыкновения остался дома и теперь открыл дверь. Он остановился на пороге в кургузом, коротковатом даже для его роста пиджаке, в сапогах, серых от бетонной пыли, и с большой логарифмической линейкой в руке. Лилия Андреевна так и бросилась к нему. Еще никогда его появление здесь не было столь уместным.

— Кузьма,— воскликнула она, всплескивая отягощенными браслетами руками, — а мы уже заждались тебя!

Оставаясь бесчувственным к этому столь бурному проявлению супружеской радости, он острыми глазками на брезгливо сморщенном лице обводил присутствующих и остановил взгляд на Грекове. Греков ясно увидел в его глазах вопрос и недоумение, лицо Клепикова совсем сморщилось, и он захлопнул дверь перед самым лицом своей супруги.

Греков решил, что и для него, пожалуй, не будет более удобного момента уйти отсюда незамеченным. Благо, сидел он близко к двери, приоткрытой из-за духоты в сад. И, подхватив свою шляпу, он осторожно вышел. Уже переступив порог, он услышал за спиной испуганный возглас Лилии Андреевны:

— Василий Гаврилович, а вы-то куда? Нет, вас мы не отпустим!

Слыша энергичный стук каблучков за своей спиной, Греков, не выдержав, трусливо спрыгнул с крыльца прямо на клумбу и спрятался за угол дома. Каблучки выбежали на крыльцо.

— Василий Гаврилович, где же вы! — Минуту или две она, шурша платьем, постояла на крыльце. — Мужик! Грубый мужик! — услышал он ее искаженный яростью голос, и Лилия Андреевна вернулась в дом. И вот уже, не успев отойти от окна, Греков услышал, как она говорила в доме гостям веселым тоном: — У нашего партийного вождя ревнивая жена. И, кажется, у нее есть для этого свои основания, потому что...

О последних ее словах Греков уже мог только догадываться, быстрыми шагами уходя в темноту от этого ярко освещенного дома.

Но огорчения для Лилии Андреевны в этот вечер еще не кончились. Только что, не догнав Грекова, вернулась она в дом и, чтобы рассеять нехорошее впечатление от его внезапного бегства, стала рассказывать гостям о его семейной жизни, как дверь за ее спиной снова открылась, и на пороге появился казак, бывший хозяин этого куреня. Уже по одному, как окинул он взглядом из оврагов своих глазниц стены комнаты и лица людей, Лилия Андреевна мгновенно поняла, что появление его в этот час не предвещает ничего доброго, и бросилась ему наперерез. Но не успела.

— Там в сарае была моя шашка, — при общей тишине спросил у нее казак. — Вы ее не видали?

Теперь уже Лилия Андреевна ринулась на него, как на амбразуру дота, закрывая его от гостей затянутой в шелк грудью.

— Как вы здесь оказались? — вскрикнула она негодующим голосом. — Никакой шашки здесь нет. Немедленно уходите отсюда!

Но глаза казака уже увидели на ковре то, что ему было нужно. Отстранив Лилию Андреевну рукой, он прошел сквозь строй молчаливо раздвинувшихся перед ним гостей и снял со стены шашку. Темно-зеленый новый шнур он тут же отстегнул от нее, а красный, давно выцветший бант оставил. Тем же путем он прошел через комнату обратно и только уже на пороге оглянулся, отыскал глазами Лилию Андреевну.

— Старая уже, а позарилась на чужое. Зачем она тебе? Ку-рень! — раздельно произнес он.

И дверь за ним закрылась.

Продолжение следует.

Михаил Машкин.
Фото Н. Козловского.

Из путешествий «Огонька»

ВЕРХОВИНО, МАТИ МОЯ

Р. КОРОБОВА

Никогда раньше я не видела этого края, хотя не раз слышала о нем. Пожалуй, впервые почувствовала я его очарование в мелодичной песне «Верховино, мати моя», которую напевали туристы из Киева.

И вот я в Закарпатье. По горным склонам, в живописных долинах раскинулась гуцульская земля, что в народе зовут Верховиной. Вековые леса, знаменитые альпийские луга-полонины, мрамор... Близ Солотвина с давних времен разрабатываются крупнейшие в Европе соляные копи, в долинах Мукачева и Берегова гнутся тяжелые колосья пшеницы, наливаются соком виноградные кисти.

Везде, куда ни глянешь, белеют новые светлые дома. Когда Закарпатье после войны стало со-

ветским, тысячи нищих верховинцев переселились с голых скал в долины. На месте глиняных хат с соломенной крышей и маленьким двориком выросли добротные каменные жилища, крытые черепицей. Строят их сами гуцулы, народ прежде забитый и безграмотный.

Трудно поверить, глядя на этот богатый край, что было время, когда люди покидали здешние места,— голод и нищета гнали их в чужие страны искать лучшей доли. Может быть, там, за океаном, они найдут землю и работу? Пустели верховинские села — отцы и старшие сыновья, перекинув через плечо холщовые сумки со скудным дорожным пайком, брели за кордон. А вслед им голосили жены, матери, полуголодные ребятишки...

Обретенная родина

Человек, по виду нездешний, на чистом украинском языке попросил шофера остановить автобус на краю села. Он долго стоял на дороге, не решаясь идти дальше. Над крышами домов плыл легкий дымок, пахло парным молоком... Глядя на новые дома, на разросшееся село, путник еще сильнее ощутил свое несчастье. Те же горы, та же шумная речка Боржава, но куда девались хаты? Может, он ошибся? В тяжелом раздумье сел человек на обочину, и горькие мужские слезы затуманили глаза: «Так вот какой ты стала, моя Верховина?!»

Мимо проходила черноглазая дивчина с бидоном.

— Это ли Приборжавское? — робко спросил незнакомец.

— Оно самое,—весело ответила девушка и, напевая, пошла быстрее.

В тот же день по всему селу разнеслась новость: «Вернулся Василий Капцуш». Старики, помнившие Василия двадцатилетним хлопцем, заходили к нему побеседовать, расспросить, как ему жилось на чужбине, кого он видел из земляков.

— Жинку там оставил? — тихим голосом спросил кто-то.

— Нет у меня жены,— ответил Капцуш.— И не было... Один я.

Все молчали, не решаясь задавать больше вопросов, будто чувствовали и свою вину в горькой судьбе этого человека. А он продолжал:

— Чтобы жениться, нужна работа, деньги, а я с голоду чуть не помер. Восемь месяцев работу искал в Аргентине,— рассказывает Василий.— Много тогда безработных бродило по стране. Иду на ферму, прошу хоть какой-нибудь работы. Везде отвечают «нет». Просил: «Ну, дайте тогда хоть кусок хлеба». А мне указывали на конуру собаки. Три дня ничего не ел, наконец так обессилел, что свалился около сарая. Думаю, помру, кончатся мытарства. От голода и усталости в ушах звенело, а мне казалось, что это наша Боржава шумит по камням, и виделась мне милая Верховина... Подобрали меня рабочие, возвращавшиеся со стройки, пожалели, накормили. На следующий день пошел дальше.

Рассказчик умолк. Никто не хотел нарушать молчание. О чем думали люди? У некоторых до сегодняшнего дня оставались родственники в Уругвае и Канаде — кто знает, какова их судьба, может быть, хуже той, о которой только что рассказал Василий Капцуш.

— У нас работы много,— первым заговорил Иван Вальо.— Хочешь в поле, хочешь на лесопункт, есть тут рядом известковый завод.— И он указал в сторону лесистых склонов.

...Вот уже четыре года работает Капцуш на известковом заводе. Василий Васильевич обрел на родине и семейное счастье. У него красивая, молодая жена Мария Федоричка, двое детей. Колхоз помог построить дом.

— Выйду на улицу,— улыбается хозяин,— и с этой стороны посмотрю на дом и с другой, не верится, что мой.

Часто в саду Капцуша, под развесистым грецким орехом, собираются друзья, те, что ходили за океан и провели не одну морозную ночь на крышах рабочих поездов в Канаде в поисках хлеба и работы. Сейчас в Приборжавском таких сорок семей. Взрослые трудятся, дети учатся, старые и больные получают пенсии. Соберутся тут бывшие «искатели счастья», перечитают письма земляков — Василия Поповича из Канады, Демияна из Аргентины. Сколько в них тоски и отчаяния! Шлют родичи поклоны, мечтают о скором возвращении и приводят слова песен, которые поют украинцы на чужбине:

Ой, Канадо, Канадочко,
Бодай ти пропала!
Молодость, здоровья
Від мене забрала...

О чем поет трембита

Старый гуцул, который водил нас на полонины, посоветовал обязательно побывать в селе Довге. Спускаясь вниз, в долину, мы услышали странный звук, похожий на зов трубы. С хриплого низкого тона он вдруг возносился до нежной и легкой фиоритуры. Это пела трембита...

Звуки ее привели нас к сельскому клубу. Люди слушали песни. Довге, пожалуй, самое знаменитое село в Закарпатье. Оно славится не виноградниками и не садами. Здесь живет автор песен «Верховино, мати моя», «Вечер над Боржавой» — Михаил Машкин.

В гуцульском городке Хусте все лесорубы поют «Верховину» Машкина. Я спросила, знают ли они автора песни.

— Еще наши деды ее спивали,— ответил один из них.— Народная песня...

Что может быть лучше такого признания! Значит, думы простых людей выражены в песне, если кажется, будто поют ее на гуцульской земле с давних пор. И не только на гуцульской земле. Песни Машкина поют в Венгрии, Чехословакии, Германской Демократической Республике. А здесь, в селе Довге, Машкин руководит лучшим самодеятельным ансамблем песни и пляски — «Боржава».

Проводник указал на невысокого худощавого человека. Он стоял к нам спиной и дирижировал оркестром. Я прошла вперед, чтобы увидеть его лицо. Смотрела на него и перебирала в памяти все, что мне рассказывали о нем в Ужгороде.

Ему было пятнадцать лет, когда началась война. На его глазах горели села Днепропетровщины. На его глазах расстреливали людей. И он в концентрационном лагере Дахау ждал той же участи. Потом его перебросили в другой лагерь смерти — Маутхаузен...

После войны Машкин пошел на солдатскую службу. В часы отдыха играл на аккордеоне, пел в хоре. Ни слов, ни нот запомнить не мог — сказались лагерь, побои. Очарованный закарпатской природой, человек с редким музыкальным вкусом и добрым поэтическим талантом возвращался к жизни. На работе, в поле, в лесу — всюду Машкин слышал песню и понял, каким добрым другом человека проходит она по земле.

Вот она шумит— речка Боржава, а рядом гора, где часто видели поэта с любимой девушкой.

...Он любил дивчину с длинными косами; часами сидели они на склоне и любовались красотой Верховины. Судьба сложилась так, что не могли они быть вместе... Девушка стала женой другого. Затосковал Михаил и еще дольше пропадал в горах. Ходил в дальние гуцульские села, прислушивался на свадьбах к старинным песням и все записывал.

Все большую популярность завоевывал ансамбль «Боржава». Во время Украинской декады литературы и искусства в Москве довжанцы выступали в Кремлевском театре. Успех был большой. Вместо одной песни верховинцы спели пять. Когда закончилась декада, Михаила Машкина удостоили звания заслуженного деятеля искусств УССР.

Перед отъездом мы зашли к поэту и музыканту домой. Он сидел за столом и что-то записывал в блокнот.

— Готовим новую песню,— пояснил он.— Два куплета написал.

— Как она будет называться?

— «Про село, что при Боржаве»,— улыбнулся автор.

Лесоруб из Рахова

Дорога на Раховщину — одна из самых живописных на Верховине. С правой стороны бурлит Тисса. Из окна автобуса четко проглядываются румынские села на другом берегу.

Раховский район — это сердце лесного гуцульского края. Мы приехали сюда, чтобы встретиться с прославленным лесорубом, депутатом Верховного Совета Украины, Иваном Дмитриевичем Гутелюком. Судьба этого человека типична для нового поколения закарпатцев.

Он вырос в горах, в маленькой гуцульской хате. Весной вместе со своими сверстниками бегал на Черную Тиссу смотреть, как сплавляют лес. Как и все лазещинские мальчишки, мечтал стать смелым и сильным, какими были бокораши — сплавщики карпатского леса. Но была у мальчика еще одна мечта, самая большая — учиться. Когда соседский Юрко приезжал из города на каникулы, Ваня поглядывал на него с завистью, убегал далеко в горы и возвращался домой притихшим, угрюмым. Он знал, что родители Юрко продали корову и участок земли, чтобы сын их учился. Ни того, ни другого семья Гутелюка не имела.

Неожиданно умер отец — надорвался на тяжелой работе, хотя был еще молод. Остались младший Василек и убитая горем мать. Все заботы легли на шестнадцатилетнего Ивана. Он кормилец семьи.

Иван Гутелюк пошел по пути тысяч бедных гуцулов — отправился рубить лес. Но никто не хотел брать его в свою артель: у мальчишки, мол, нет ни опыта, ни силы. И пришлось Ивану самому работать — с утра до позднего вечера. А с непривычки отекали руки, болела спина...

Много лет рубил он лес для других, а своя хата вот-вот развалится. Порой Ивану хотелось бежать от проклятой нужды куданибудь далеко-далеко, где кончаются горы. За Карпатами есть другие страны, и, кто знает, может быть, и он найдет там свое счастье? Но поезда пролетали мимо...

На Ивана с надеждой смотрели детские глаза Василька и полные отчаяния глаза матери. В такие минуты ему казалось, что они догадываются, о чем он думает. Парню становилось стыдно, он брал топор и — в горы.

Началась война. Гутелюк ушел добровольцем на фронт, в чешский отряд. Новые друзья уговаривали его остаться после войны в Чехословакии — здесь у него была работа. И когда отгремели пушки, поехал он на Верховину за матерью и братом, но...

Увидел человек родину, увидел ее неповторимую, величавую красоту и понял, что все годы ждал он этого возвращения, ждал встречи с родными полонинами. Взглянул на снежную Говерлу и сказал молчаливым горам, вечнозеленым лесам: «Я вернулся к вам».

А через несколько месяцев Иван написал в Чехословакию короткое письмо: «У нас в Лазещине большие перемены... Мы получили наконец землю, да и по всему Закарпатью такое творится, что в письме не опишешь».

...В горах зазвучала трембита, рассказывая о солнце, пришедшем с востока. Иван Гутелюк попрежнему рубил лес, но теперь из этого леса строили дома бедняки, такие же, как и он. Теперь из этого леса строили первые на гуцульской земле школы, клубы, кинотеатры. Потому и топор в руках не казался таким тяжелым, как прежде.

Бригада Ивана Гутелюка перевыполняла нормы в два-три раза. К нему приходили молодые лесорубы и через год становились рядом со своим учителем. Но настоящая революция наступила в лесу, когда появились электро- и бензопилы.

— Нам просто не верилось,— за день мы давали столько, сколько раньше за месяц,— рассказывает Иван Дмитриевич.

За отличную работу Гутелюка наградили орденом «Знак Почета».

...Гуцульские села засыпают теперь поздно. А раньше не хватало керосина — наступали сумерки и закрывались двери. Сейчас в горах светло, много электрического света. Но один огонек на Лазещине светится особенно долго, и идут на этот огонек люди, идут к лесорубу из Рахова, к посланцу гуцульских сел, к депутату Ивану Гутелюку...

* * *

Такова она сегодня, милая Верховина, край гордый и дикий, где грохочет по камням Боржава — река легенд, где звуками трембиты созывают стада, где на полонинах до глубокой осени шумят высокие травы, а выше, на Говерле, лежат вечные снега...

В. Назина, В. Шаранович (Ленинград).

БЕЛЫЕ НОЧИ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Д. Свешников (Архангельск). ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЬНИЦЫ Ф. И. ЛАНТЕНДАР.
Школа-интернат колхоза им. Выучейского.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Выступает молодежь

С. ДМИТРИЕВ

Мы часто искусственно сужаем свой взгляд на развитие современной литературы, сводя ее к десятку-другому нашумевших произведений. А между тем подлинная литература складывается из труда сотен писателей — старых и молодых, известных и лишь пробующих свои силы на этом поприще. И не всегда то, что имеет шумный успех, на поверку оказывается лучшим.

Февральские номера «толстых» журналов дают хорошую пищу для размышлений, сопоставлений и выводов: здесь опубликованы произведения, которые представят интерес для читателя.

Отличительной чертой нынешней литературы, на наш взгляд, является бурное вхождение в нее молодых творческих сил. Дора Павлова и Василий Росляков, Татьяна Есенина и Василь Быков, Евгений Гуляковский, Игорь Жданов и Леонид Волков дебютировали в январских и февральских книжках журналов «Москва», «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Молодая гвардия».

О прозе молодых много спорят. Вот и во втором номере журнала «Дружба народов» статьей латышского критика К. Краулиня «Раздумья о молодых» открывается дискуссия на эту же тему. К. Краулинь полемизирует с выдвинутой рядом критиков точкой зрения, что молодые писатели, вошедшие за последние годы в литературу, составляют ее новое, так называемое «четвертое поколение». В статье К. Краулиня привлекает серьезный, вдумчивый и благожелательный подход к творчеству молодых писателей, хотя лично я и не могу согласиться с ее основным тезисом. Напрасно некоторые критики видят в словах «молодая проза», «молодая поэзия» попытку столкнуть одно поколение с другим. Очень хорошо и точно сказал об этом К. Федин: «Речь идет не о периодизации истории литературы по возрастным группам писателей. Живая современность нашего дня может быть поэтически изображена старым литератором и может оставить холодным иного молодого. Речь идет о том, что каждое поколение обладает своим учителем или примером, ищет их, разочаровывается, если не находит, вдохновляется, если отыскивает».

О чем же рассказали молодые писатели, произведения которых опубликованы в очередных номерах журналов? Как видят они нашу современность?

Огромна работа, проделанная партией, ее ленинским ЦК в период между XX и XXII съездами КПСС по преодолению последствий культа личности. Большие перемены в жизни народа не прошли мимо литературы, они содействовали более тесному сближению ее с жизнью.

Потому и примечательно появление романа Доры Павловой «Совесть» в журнале «Москва» (№№ 1—2). В маленькой справке, которую журнал по своему обыкновению предпосылает каждому публикуемому в нем произведению, сказано: «Литературной биографии Дора Георгиевна Павлова не имеет. Родилась она в 1925 году, окончила Московское высшее техническое училище имени Баумана, по профессии инженер». Вот и все. Остальное нам предстоит узнать из романа, в котором, видимо, отразился тот непосредственный запас жизненных впечатлений молодой писательницы, какой она приобрела за время своей инженерной практики.

«Совесть» — название обязывающее. Тем более когда речь идет о совести партийной, гражданской. С первых же страниц романа захватывает взволнованное, страстное повествование о людях, которые не хотят мириться с застоем, с косностью в науке, с подхалимством, с порочными методами руководства. С ходу вводя нас в напряженную атмосферу романа, автор знакомит со своими главными героями, с теми, кому в дальнейшем придется возглавить борьбу,— инженерами Василием Мартьяновым и Глебом Зеленкевичем.

Избранные в партбюро института, Мартьянов и Зеленкевич приходят к секретарю райкома Якимову, который хочет лично определить, кого из них рекомендовать в секретари парткома. Сцена эта—одна из лучших в романе: в остром диалоге раскрываются горячий, порывистый Зеленкевич, спокойный, рассудительный Мартьянов и властный, не терпящий возражений Якимов. Выбор секретаря райкома пал на Мартьянова. Якимов не любил людей со своим мнением, и ему показалось, что Мартьянов будет более послушным, нежели Зеленкевич. Однако скоро ему пришлось убедиться, что за внешним добродушием Мартьянова скрывается железная воля и принципиальность.

Мартьянов начал борьбу и с Прошиным и с Якимовым. Мартьянов не одинок — на его стороне все настоящие коммунисты института, потому что на его стороне правда. Роман заканчивается сокрушительным поражением Прошина и Якимова.

К роману Доры Павловой можно было бы предъявить немало претензий, большинство которых вызвано профессиональной неопытностью писательницы. Однако в романе есть главное — дыхание жизни, он написан человеком, который страстно борется за торжество ленинских принципов в общественной жизни. А характеры Мартьянова, Якимова, Прошина, Нади Терешиной, инженера Сартакова и старого рабочего Баутина, темпераментно выписанные «дуэльные» сцены Мартьянова и Якимова дают основание ожидать от писательницы новых интересных произведений.

Боевым духом времени рождена и повесть Юлиана Семенова «...При исполнении служебных обязанностей» («Юность» №№ 1—2). Уже в первых рассказах Ю. Семенова ощущались умение остро и напряженно строить сюжет, любовь к сильным и мужественным характерам. Но порой литературные реминисценции брали в творчестве молодого литератора верх над жизненной первоосновой. Новая повесть Юлиана Семенова свидетельствует об углубленном внимании к основным процессам нашей действительности. Из всего написанного Ю. Семеновым повесть эта наиболее публицистична и наиболее лирична, повесть-раздумье о характере нашего строя, о смысле тех событий, начало которым положил XX съезд Коммунистической партии. Герои повести — старый полярный ас Струмилин и молодой летчик Павел Богачев, отец которого погиб в 1937 году. Этими двумя образами писатель утверждает единство двух поколений — старшего, которое строило Магнитку и Кузнецк, прокладывало Северный морской путь, воевало с фашистами в Испании и на фронтах Великой Отечественной войны, и младшего, что осваивало целину и завоевывает космос.

Богачев — ровесник Гагарина и Титова. И писатель сделал это не случайно. Он хотел показать типического представителя своего поколения, о котором старший его герой, Струмилин, говорит: «Я люблю его потому, что он — смелый, мужественный, честный... Он рано узнал человеческую подлость, но не сломался, остался чистым и верным парнем. Видно, правда, родившаяся у нас, так сильна, что ее никто погубить не сможет».

Важной для понимания идейного конфликта повести является сцена на заполярном аэродроме, когда Павел оказывается втянутым в спор с одним из пассажиров о критике культа Сталина.

«— Мы так расшатаем до конца веру! — продолжал говорить человек в очках...— В кого тогда будут верить те, кому сейчас пятнадцать? Я раньше только одному верил на земле — Сталину!

— Плохо! — сказал Павел.— Очень плохо, если вы верили только одному Сталину! Он не Христос! Иконы создавать — преступление! Мы не верующие! Но мы верим! А между верующими и теми, кто верит,— огромная разница, ясно вам?»

С интересом читается и повесть Игоря Жданова «Взморье» («Молодая гвардия» № 2). Написанная от лица главного героя старшеклассника-нахимовца Володи Зотова, она проникнута мыслями о времени, о дружбе, о воспитании в молодежи качеств настоящего человека.

С давних пор повелось, что в феврале, когда отмечается годовщина Советских Вооруженных Сил, в журналах печатаются материалы о Советской Армии. Наша армия играет особую, ни с чем не сравнимую роль: рожденная в ог-

не революции, созданная Лениным для защиты завоеваний революции, она с первых дней своего существования стала плотью от плоти советского народа. И не случайно, что лучшие произведения нашей литературы созданы о народе на войне, о его битвах с белогвардейщиной и интервентами в гражданскую войну, о суровых испытаниях Великой Отечественной войны. Верна этой традиции и литературная молодежь.

Я с волнением прочитал в февральской книжке «Нового мира» повесть Василия Рослякова «Один из нас» — о юности тех, кому было восемнадцать-девятнадцать летом сорок первого года, когда на нашей земле заполыхала война.

Герои повести — студенты Московского института истории философии и литературы, знаменитого ИФЛИ; в его стенах выросла целая плеяда замечательных поэтов. О своих товарищах по институту и рассказывает В. Росляков, о замечательной советской молодежи конца тридцатых — начала сороковых годов, воспитанной партией. «Лобастые мальчики невиданной в мире революции», они ушли на фронты, чтобы воевать во имя великой идеи.

Они ушли на фронт; многие из них не вернулись, как не вернулись друзья и родные многих из нас. В их память, в память наших друзей, павших в боях, и написана повесть Василия Рослякова.

Я думаю, что автор не случайно обратился к годам своей юности. Кстати, он не представляет в этом смысле единичного явления в литературе: недавно в журнале «Москва» напечатана повесть Виктора Драгунского «Он упал на траву», в издательстве «Советский писатель» вышла книга Ильи Северцева «В лесу прифронтовом». Все три писателя доказывают, что атмосфера культа личности была бессильна отравить тот чистый воздух большевистской идейности, в котором партия воспитывала молодое поколение — поколение Космодемьянской и Кошевого, Чайкиной и Матросова.

Запоминающимся для читателя будет и знакомство с молодым белорусским писателем Василем Быковым, чью повесть «Третья ракета» в переводе М. Горбачева печатает «Дружба народов». Писатель рассказывает об одном драматическом эпизоде войны. В. Быков — писатель, склонный к патетическому видению мира, характеры у него крупные, сильные, и звучание повести, несмотря на трагический исход, оптимистическое.

В «Октябре» напечатана повесть Владимира Дружинина «Звуковка» — о политработниках, занимавшихся в годы войны контрпропагандой среди войск противника. В том же журнале интересна маленькая повесть Сергея Баруздина «Только не завтра» и окончание повести Даниила Краминова «Пасынки Альбиона». На ней хотелось бы остановиться отдельно.

По долгу журналистской работы Краминову пришлось довольно долго жить в Англии. Не раз бывал он там и после войны. Писатель знает быт и нравы страны, жизнь ее народа. Его личные наблюдения и легли в основу повести, герой которой Леонид Егоршин получает назначение на работу в Лондон. Егоршин поселяется в одном из рабочих районов английской столицы, на улочке с курьезным названием «Тупик всех душ». Скоро Егоршин узнал многих обитателей небольшой улицы. Он изучает жизнь страны, в которой ему приходится работать. Многое в ней ему кажется странным, непонятным, а многое просто чуждым, враждебным. Егоршину приходится видеть борьбу английского народа с нарождающимся британским фашизмом. «Истинные бритты», как именуют себя члены Английской национальной партии, пытались навязать свои порядки населению «Тупика всех душ». Однако попытка их окончилась провалом: рабочий Лондон дал отпор фашиствующим молодчикам.

Осенью 1960 года автор этих строк встретился с «истинными бриттами». Это было в Лондоне воскресным сентябрьским утром. На Трафальгар-сквере мы, группа советских журналистов, увидели большую толпу. Из репродукторов, установленных на грузовиках возле колонны Нельсона, неслась обрывистая, экзальтированная речь. На самой колонне было укреплено знамя какой-то неведомой нам партии и плакат с надписью «Пробудись, Британия!». На импровизированной трибуне менялись один за другим ораторы, около нее цепочкой стояли здоровенные парни боксерского вида, мрачно поглядывавшие на всех, кто приближался к трибуне. Мы прислушались к словам оратора и услышали следующее: «Британия должна принадлежать только британцам. Надо выкинуть вон из нашей страны всех этих евреев, французов и негров, которые отнимают работу у англичан, способствуют развитию жилищного кризиса и распространяют красные идеи». Все это показалось нам таким бредом, что мы спросили у одного из англичан: «Что здесь происходит?» «Митинг Английской национальной партии»,— ответил он. «Но ведь это фашистские речи! Как полиция разрешает подобные сборища?» «А у нас демократия. Какая партия хочет, та и выступает здесь. Да и какой от этого вред? Ведь это одни слова». Нам, советским людям, все это казалось невероятно диким — сборище, напоминающее кадры из кинохроники гитлеровских времен, в центре Лондона. Карикатура на демократию — фашисты свободно пропагандируют людоедские теории, а сторонников мира, борцов против ядерного вооружения судит уголовный суд. Так произошло, например, с деятелями «Комитета 100», организаторами демонстрации протеста у базы американских бомбардировщиков в Уазерсфилде. Повесть Даниила Краминова поднимает завесу над деятельностью партии английских «ультра».

Мы рассмотрели лишь некоторые произведения из напечатанных в февральских номерах. С журнальных страниц как бы в разрезе предстает сегодняшний день советской литературы в богатстве и многообразии составляющих ее талантов, в широком развороте жизненных тем. Тот единый концерт, в котором выступают и писатели старшего поколения — Л. Соболев, В. Каверин, С. Залыгин, М. Жестев, В. Тевекелян — и совсем юная поросль литературы, свидетельствует о тесной связи поколений, решающих общую задачу воспитания коммунистического человека.

ПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Игорь РАЧУК

«Кончилась мировая война. Стою с автоматом на пороге новой эпохи и думаю: какую могучую темную силу мы победили, будь она проклята!»

Молодой солдат оглянулся на груды тлеющих руин и, словно пораженный вдруг громадностью пройденного пути, застыл, как памятник.

Это был крепкий и страстный солдат. Голова его была перевязана бинтом. Но он, казалось, не помнил о ране. Небритый, мокрый, покрытый копотью и прахом Берлина, он только что вышел из боя и весь еще курился на солнце у Бранденбургских ворот. Он говорил, улыбаясь и думая вслух: «Передо мной проходят войска — товарищи мои. Я пропускаю их, как командующий, хотя я не генерал, конечно, и не маршал — простой сержант Иван Орлюк, колхозник с Приднепровья, обыкновенный, так сказать, победитель в мировой войне».

Таким он был увиден — советский человек, воин — художником громадным Александром Довженко; и таким был задуман...

Когда на пути замысла художника встала смерть — препятствие, казалось бы, необоримое,— замысел продолжал жить в сердце Юлии Солнцевой, жены Довженко и его верного товарища, соратника, друга... Юлия Солнцева оказалась словно частью души Довженко, живым зарядом его творческой мысли, его руками и мозгом, действующим и ныне так, как это мыслилось, виделось, чувствовалось самим Довженко.

И вот «обыкновенный победитель» фашистской гадины, колхозник Иван Орлюк, ожил на экране. Он говорит с людьми от имени народов, уничтожавших фашизм, от имени солдат, проливших немало вражеской крови и вынесших бремя великого труда. Вот он, человек, рожденный для добра и счастья, с экрана кинофильма, созданного Юлией Солнцевой, представляется своим современникам — друзьям и врагам всего мира, вместе со своей женой, с отцом и матерью, со всем, как говорится, домом: с колодезем, из которого он когда-то пил воду, с садом и огородом, где обрел свои первые мозоли на руках... Словом, со всем своим родом и со всей своей судьбой встает он перед современниками, Иван Орлюк.

Я гляжу то на Ивана Орлюка на экране, то украдкой бросаю взгляд на своего соседа и знакомца генерал-полковника Василия Степановича Попова... Вместе с ним мы опять смотрим беспримерный фильм о народном героизме, а потом снова перечитываем литературный сценарий Довженко.

Василий Степанович Попов — один из тех людей, которым пришлось вынести на себе всю тяжесть войны. Вместе со своими товарищами по оружию он принял на себя самые первые удары гитлеровских бронированных полчищ в районе Бреста и с невероятным напряжением сдерживал их на полях Белоруссии. Чуть позднее, осенью сорок первого года, генерал командовал героической обороной Тулы. Немцы окружили старый русский город, но взять его так и не смогли... Наступавшие орды Гудериана перемалывались войсками Попова на подступах к Москве. А потом его солдаты совершили со всей Советской Армией множество подвигов на пути к логову Гитлера, к окончательному разгрому врага...

— Иван Орлюк — классический образ советского воина-освободителя,— заметил генерал, когда мы прервали на миг чтение кинопоэмы Довженко.— Знаете ли, он чем-то напоминает мне замечательную скульптуру Вучетича в берлинском Трептов-парке. Помните, Воин-освободитель? У Солнцевой и Довженко при таком же огромном масштабе творчества — то же озарение, тот же дух, то же великолепное, правдивое ощущение душевной, нравственной человеческой природы солдата Великой Отечественной войны.

Помолчав, Василий Степанович продолжил:

— Сейчас у людей опять вспыхнул интерес к эпохе военных лет — эпохе многотрудной и по-своему прекрасной, ибо в ней выявились такие исполинские силы народного духа, о которых до того и подозревать было невозможно. Но, к сожалению, во многих произведениях отображаются лишь отдельные факты, порой даже фактики борьбы двух миров. И потому, конечно, понять все значение этой борьбы по многим произве-

дениям просто невозможно — так они мелки, поверхностны... А ведь какое же это огромное счастье для всех участников исторического события — при жизни своей увидеть на экране произведение о себе! Произведение исполинского размаха мысли. Увидеть самих себя и подвиг своих действительно пламенных лет!..

То, что высказал талантливый воин и полководец о фильме «Повесть пламенных лет», удивительно глубоко отвечает мыслям очень многих читателей сценария Довженко и зрителей фильма Солнцевой, выдвинутого на соискание Ленинской премии. Показать отдельные приметы своего времени удавалось многим художникам. Но вот показать **портрет времени** — создать обобщенный образ эпохи — смогли в художественном творчестве лишь очень немногие наши современники.

Довженко был одним из таких титанов кинематографа, который мыслил художественными категориями, недоступными рядовому, пусть даже самому знающему мастеру киноискусства. Довженко, так же как Эйзенштейн и Пудовкин — его сподвижники в «могучей кучке» корифеев советского кино,— обладал удивительно емким, революционным мышлением в художественном творчестве. Именно отсюда идут подлинная масштабность и глубокая философская обобщенность лучших произведений Довженко.

Юлия Солнцева проявила выдающиеся режиссерские качества, создавая фильм по сценарию Довженко. И здесь, конечно, дело уже не только в том, что Солнцева решила завершить прекрасный замысел Довженко. Дело в том, что, создавая киноэпопею «Повесть пламенных лет», Юлия Солнцева обнаружила и самое себя для всей мировой кинематографии как огромный художник. Она предстала как режиссер сильный, уверенный, в совершенстве владеющий всеми элементами современного киноискусства... Трудно не заметить, что искусство обогатилось эпически мыслящей художественной личностью, способной к самостоятельным творческим подвигам.

Ибо не чем иным, как подвигом художника, и является киноэпопея «Повесть пламенных лет»!

В этом фильме режиссерское мастерство Солнцевой на высоте сценарного мастерства Довженко. В нем — громадность пути народа. **Громадность пути художника...**

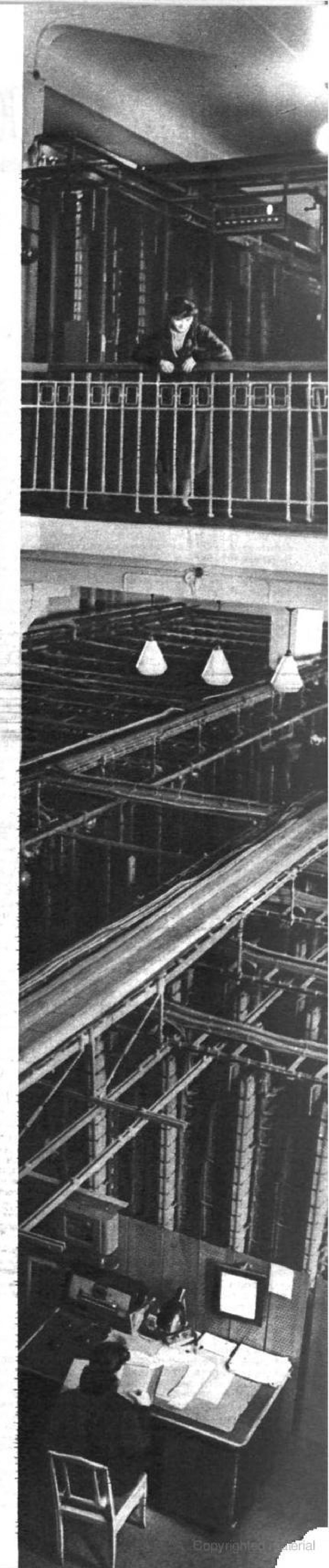
Может быть, именно сегодня техника кино впервые за всю его историю позволила воссоздать на экране с художественной достоверностью произведение подлинно эпического склада. Широкоформатное панорамное кино необычайно раздвинуло рамки нашего художественного видения, ранее ограниченного пределом обычного экрана. Самая пространственность событий — как элемент художественного воздействия на зрителя — до сих пор оставалась вне возможностей, вне досягаемости кино вплоть до последнего времени. Точнее, до фильма, созданного Солнцевой.

И кажется знаменательным, что, выступая как художник-новатор при рождении и утверждении широкоформатного панорамного кинематографа, Юлия Солнцева дает новую жизнь могучим поэтическим образам Довженко...

«09». Справку дает комсорг С. Рыжкова.

ФАБРИКА РАЗГОВОРОВ

Н. ПОМИНОВ,
начальник управления Московской городской телефонной сети

Известны ли вам фабрики, оборудование которых запускает любой гражданин по своему усмотрению в любое время дня и ночи, находясь от них на почтительном расстоянии? Вероятно, известны: это «фабрики разговоров» — автоматические телефонные станции. Круглый год без минутной остановки работают они по первому требованию человека. Действительно, очень просто запустить оборудование АТС: достаточно снять телефонную трубку аппарата, как ряд реле и приборов приходит в движение, а при наборе номера диском приборы АТС описывают круговые и радиальные движения, подъемы по вертикали и поисковый ход по горизонтали, пока не установят необходимый контакт. Иначе говоря, при наборе номера вы с помощью диска управляете оборудованием АТС.

Представьте на минуту, что телефонных станций в Москве нет. Сколько посыльных, курьеров потребовалось бы, чтобы поддержать деловую, общественную и личную связь в столице! А ведь так и было восемьдесят лет назад, ибо первая городская телефонная станция в Москве открылась 1 июля 1882 года. Она была смонтирована фирмой «Белл» в доме № 6 на Кузнецком мосту. За эти восемь десятилетий городская телефонная сеть прошла путь от трехсотномерной станции (в день открытия работали двадцать шесть телефонов) до быстродействующих АТС отечественного производства, в которые включены сотни тысяч аппаратов.

Работники связи с благодарностью вспоминают имена многих русских ученых и специалистов. В 1885 году П. М. Голубицкий изобрел систему централизованного электропитания телефонных аппаратов, а через два года изобретатель К. А. Мосцицкий разработал одну из первых в мире автоматических телефонных станций. С. М. Апостолов в 1895 году предложил АТС на десять тысяч номеров на специальных искателях, предрешивших основные конструктивные элементы современных АТС. Еще год — и М. Ф. Фрейденберг значительно усовершенствовал схему АТС.

Работать в то время на телефонных станциях было очень тяжело: в залах стоял большой шум. В журнале «Электричество» за 1891 год сообщалось: «Несмотря на большую нужду, редко кто из них (телефонисток) был в состоянии долго выносить эту тяжелую работу. Нервные припадки нередко заставляли бедную работницу отказываться от места». Телефонистки принимались незамужние, и им запрещалось выходить замуж, «дабы лишние думы и заботы не приводили к лишним ошибкам при соединениях». А те, кто нарушал это правило, увольнялись. В таких условиях работали до революции в Москве три тысячи шестьсот телефонисток.

В Милютинском переулке (ныне ул. Мархлевского) прохожие обычно обращали внимание на группу высоких девушек, направлявшихся на работу. Это были телефонистки, специально подбиравшиеся по росту: ведь они должны были свободно соединять любой из 60 тысяч номеров, а панели с гнездами были достаточно высокими.

Так было. А сейчас?

Передо мной письмо японской телефонистки Айко Иеты из префектуры Аити. Она пишет: «Окончив начальную школу, я поступила на телефонную станцию и вот уже около шестнадцати лет работаю телефонисткой... Всегда я знала одно: мы бедны, и семье нужны деньги. А уж о хорошем питании и говорить нечего. Каждый день горстка риса с бататами или немного овощей. Бывало, от пустоты в желудке даже голос пропадал, и меня не слышали абоненты. Такая жизнь продолжалась много лет. И сейчас мы живем нелегко. Но самое главное, что нас тревожит,— это угроза быть вышвырнутыми за ворота. Вы спросите: почему? Из-за рационализации. В Нагое, например, недавно было получено американское оборудование «Кросбар» и проведена радикальная механизация. Все там боятся увольнений. Некоторые даже не выдержали, покончили жизнь самоубийством. У двадцатилетних исчезают смех, шутки. Очень больно писать об этом, но у многих растет чувство обреченности».

А вот как в Москве происходила замена ручных телефонных станций автоматическими. Задолго до замены оборудования были организованы группы по переквалификации телефонисток на монтеров и механиков, которые должны были обслуживать АТС. Были открыты новая междугородная станция и ряд малых телефонных подстанций, куда было переведено много телефонисток. В результате не был уволен ни один работник ручной станции, а заработок переквалифицированных телефонисток увеличивался втрое. На снимке вы видите двухъярусный зал АТС, где ранее размещалось оборудование ручной телефонной станции.

Нагрузка на современных телефонных станциях не равномерна по часам суток. Днем она бывает максимальной несколько часов, а ночью снижается до минимума. Это время и используется для массовых профилактических проверок оборудования АТС. Есть такая трудная специальность — спайщик. Она требует от работника большой квалификации и внимания. Нередко спайщику приходится работать в колодцах под землей, чтобы соединить дальние районы столицы.

Пятьсот пятьдесят пять бригад на телефонных узлах столицы соревнуются за звание «лучшая бригада», сто семьдесят бригад удостоены этого звания. Стать ударниками коммунистического труда стремится справочно-информационная служба «09».

И все же, прочитав эту статью, иной читатель вправе спросить: выросла в Москве телефонная сеть, но когда же у меня поставят телефон? Скажем прямо: для москвичей это больной вопрос. Говоря языком связистов, имеется большой разрыв между телефонной емкостью и запросами населения.

Совсем недавно принято решение увеличить емкость московских АТС в 1962—1965 годах на двести восемьдесят тысяч номеров, причем в 1962 году смонтировать сорок тысяч номеров (это вдвое больше, чем в 1961 году). Так разрешится больной вопрос для тысяч москвичей.

У нас серьезный счет к Главмосстрою. Он неудовлетворительными темпами ведет строительство зданий для АТС. Сроки окончания строительства зданий неоднократно срывались. Кроме того, развитие телефонной связи в столице ведут несколько организаций: Мостелефонстрой, Главмосстрой, Управление капитального ремонта Мосгорисполкома и другие. Настало время, когда строительство связи должно быть сосредоточено в одних руках.

ВПЕРЕДИ КЮРАСАО

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

1952 год. Стокгольм. Президент ФИДЕ Ф. Рогард торжественно объявляет итоги межзонального турнира. Первое место с рекордным результатом 16,5 очка из 20 возможных — Александр Котов, 2—3-е места — Т. Петросян и М. Тайманов, 4-е место — Е. Геллер, 5-е место — Ю. Авербах. Все Советский Союз!

Шахматный мир успел привыкнуть к тому факту, что там, где советские шахматисты, там победа, но все же он изумлен. Какой сокрушительный итог! На всех континентах мечтают о том, чтобы играть в шахматы так, как играют советские шахматисты. Об этом десять лет тому назад мечтал и нью-йоркский мальчик Бобби. Ему девять лет, и его мама постоянно выслушивает жалобы педагогов: Бобби плохо учится, Бобби на уроках читает шахматные книги на русском языке.

Бобби Фишер действительно изучал книги М. Ботвинника, В. Смыслова; и вот спустя всего четыре года Бобби Фишер, тринадцатилетний школьник, стал чемпионом США. Потрясающий успех! И для того, чтобы никто не имел повода заявить, что это случайность, Фишер еще три раза выигрывал первенство, причем всегда без поражений. И вот 1962 год. Стокгольм. Президент ФИДЕ Ф. Рогард торжественно объявляет итоги межзонального турнира. Первое место с рекордным результатом 17,5 очка из 22 возможных — Бобби Фишер, и победителю аплодирует присутствующий в Стокгольме А. Котов.

Межзональный турнир — важная ступенька к шахматному трону. Известно, что два победителя межзональных турниров — Д. Бронштейн в 1948 году и М. Таль в 1958 году — «добрались» до М. Ботвинника. Однако А. Котову этого сделать не удалось. Как же обстоит дело с Робертом Фишером? Означает ли его блестящая победа в Стокгольме, что он уже может писать предисловие к своей книге о матче с М. Ботвинником? Мечтать о таком предисловии Бобби, конечно, может, но его труды могут пропасть даром, ибо подобную книгу намерены выпустить еще пять авторов: Т. Петросян, В. Корчной, Е. Геллер, П. Керес и М. Таль!

Но шутки шутками, а об успехе Бобби Фишера следует сказать несколько серьезных слов. Чемпион мира М. Ботвинник прекрасно и объективно умеет оценивать не только позиции в своих собственных партиях, но и творческие возможности своих соперников. М. Ботвинник давно уже отметил появление на горизонте Роберта Фишера и предсказал, что юный американец заставит потесниться советских шахматистов. И вот теперь всем ясно, что у советских гроссмейстеров появился серьезный соперник.

Надо ли бить в набат? И да и нет. Нет, потому что советские шахматисты в Стокгольме выполнили стоящую перед ними задачу: трое из них попали в турнир претендентов. Да, потому что Боб Фишер оказался неуязвим. Накануне турнира претендентов нет смысла смазывать факты. Хорошо известно, что в 1961 году в Бледе Фишер победил советский квартет — Таль, Керес, Геллер, Петросян — со счетом 3,5 : 0,5. Советские любители шахмат ожидали, что в Стокгольме с Фишером «рассчитаются». Но увы! Фишер снова победил наших шахматистов — 2,5 : 1,5. Над этой новой «задолженностью» следует задуматься нашим претендентам.

Бобби как шахматист давным-давно уже не Бобби! В лице юного чемпиона США наши гроссмейстеры получили действительно опасного соперника — шахматиста, обладающего большими знаниями, выработавшего в себе универсальный стиль игры. Очень трудно придется Фишеру на Антильских островах. Победить нашу пятерку он, видимо, не сможет, но Фишер вырос из шахматных пеленок, и даже М. Талю не приходится больше рассчитывать на то, что он так же, как в Югославии в 1959 году, выиграет у Фишера со счетом 4 : 0.

Тот, кто участвовал в отборочных соревнованиях, хорошо знает, что в спортивной борьбе всегда имеется элемент счастья и случайность подчас решает все. Разве не случайность, что явный аутсайдер выбивает из конкурса фаворита?

До сих пор, вероятно, Д. Бронштейн не может забыть, как в 1958 году он в Портороже в последнем туре проиграл филиппинцу Кардосо и в результате не попал в турнир претендентов. В Стокгольме также были свои кардосы. Куэллар на старте нанес чувствительные удары по Е. Геллеру и В. Корчному. Е. Геллер после этого приложил немало сил, чтобы догнать Фишера, но Т. Петросян с самого начала избрал иную тактику. Он не гнался за Фишером. «Мне нужна лишь путевка в Кюрасао, а там видно будет!» — так рассуждал Петросян. Упрекать его за эту тактику не следует.

В. Корчной на сей раз здорово нервничал, но все кончилось благополучно — обстоятельство, которое примирило с ним его болельщиков, — ибо акции Корчного в предстоящем турнире претендентов расцениваются весьма высоко.

Мастер Л. Штейн, несомненно, должен быть доволен итогами Стокгольма. Но гроссмейстер Штейн явно огорчен. Играя в Стокгольме в новом почетном звании только одну партию, Штейн в важнейшей встрече с Ф. Олафссоном на нервной почве «зевнул» ферзя. Обидно.

Итак, в восьмиместном купе на Антильские острова занимают места: М. Таль, П. Керес, Р. Фишер, Т. Петросян, Е. Геллер, М. Филип, В. Корчной. За восьмую плацкарту еще борются С. Глигорич и П. Бенко, но к тому моменту, когда писались эти строки, югославский гроссмейстер уже успел проиграть три партии. Новый гроссмейстер Л. Штейн «зацепился» лишь в качестве запасного. Путь на Антилы ему будет открыт лишь в том случае, если кто-нибудь из советских участников заболеет. Но уверяю вас, что этого не случится!

Вместе с М. Ботвинником я прилетел в Стокгольм из Гастингса. Президент ФИДЕ Ф. Рогард был занят подготовкой к межзональному турниру. Президент заинтересовался индийским мастером М. Аароном. Мы ему рассказали, что в Гастингсе под Новый год Аарон видел впервые в своей жизни снег и... выиграл единственную партию в турнире. «О, если его вдохновляет снег, то в Стокгольме у Аарона хорошие шансы на первое место!» — пошутил один из собеседников. Нам кажется, что президенту ФИДЕ следовало бы задуматься о некоторых уточнениях системы розыгрыша первенства мира. Система эта хорошая, справедливая, объективная. Но все же есть вещи, которые непонятны любителям шахмат. Мы никак не собираемся утверждать, что участие М. Аарона или М. Куэллара не нужно: ведь благодаря им шахматы в Индии и Колумбии расцветают. Но необходимо найти способ, чтобы не ограничивать участия самых сильных шахматистов. Так, М. Ботвинник считает, что экс-чемпионы мира должны допускаться на межзональный турнир персонально. В этом есть своя логика. Нам кажется, что если в ФИДЕ как следует подумают, то можно найти такой способ проведения межзонального турнира, при котором в нем имел бы возможность играть максимум представителей разных стран, но при участии действительно сильнейших. Если такие крупные шахматисты, как В. Смыслов и Б. Спасский, пострадали оттого, что в СССР слишком много сильных шахматистов, то это абсурд...

Но все эти вопросы имеют значение для следующего шахматного цикла, а сегодня мы просто должны поздравить наших шахматистов с окончанием труднейшего испытания, со счастливым попаданием в заветную восьмерку и с новым гроссмейстером!

Молодая слаломистка Галя Сидорова в Бакуриани стала мастером спорта.

Свердловск. Эстонские гонщики отлично провели эстафету.

Лия Ляпунова из Кирова завоевала золотую медаль в беге на три тысячи метров.

ЗОЛОТ

А. ГРИГОРЬЕВ

Вот стоят они рядышком на пьедестале почета, «золотые сестры» — Лида Скобликова и Лия Ляпунова. У Лиды мировая известность, звание заслуженного мастера спорта СССР, десятки золотых медалей, завоеванных на различных первенствах страны, мира и олимпийских играх. У Лии — первый алый свитер чемпиона, первая золотая медаль. Тесновато двум на «золотом» пьедестале. Серебряный — справа — пустует, а на бронзовом улыбается Инга Воронина. Трехкратный чемпион мира, она вышла победителем на трех предыдущих дистанциях, прибавила к своим многочисленным титулам еще и звание трижды чемпионки Советского Союза и Спартакиады. Но в беге на три тысячи метров вынуждена была уступить первенство. Если судить по веселому лицу Инги, это ее не особенно огорчало.

Болельщики привыкли к победам Ворониной. Хорошо знали возможности Скобликовой. Но выдающийся успех неизвестной девушки из Кирова вызвал бурю восторгов.

Лии Ляпуновой недавно исполнилось 20 лет. В 1960 году окончила ремесленное училище. Сейчас учится в девятом классе вечерней школы... На коньки встала в 14 лет. Посещала детскую спортивную школу. Участвовала в первой Спартакиаде народов РСФСР. Тогда оказалась где-то далеко, чуть ли не на шестидесятом месте... Чемпион по конькам «Трудовых резервов». Тренирует ее Мария Алексеевна Постникова.

Я слушаю сбивчивый рассказ, и передо мной возникают картины первой и второй зимних Спартакиад России, которые проходили в такие же мартовские дни в том

Бакуриани. Коба Цакадзе — чемпион Спартакиады народов СССР по прыжкам.

Фото А. Бородулина, А. Бочинина.

ЫЕ РЕЗЕРВЫ

же Свердловске. Вспоминается первая встреча с Лидой Скобликовой в 1958 году, тогда также мало кому известной восемнадцатилетней челябинской спортсменкой, ее первая медаль, ее радостное лицо, тогда она также впервые в жизни встала на пьедестал почета слева от чемпионки мира Инги Ворониной. Вспоминается и сенсационный успех тогда молодого конькобежца Виктора Косичкина, неожиданно для всех выигравшего 5-километровую дистанцию у чемпиона мира Олега Гончаренко, выдающийся результат 15-километровой лыжной гонки томского перворазрядника Ивана Утробина, опередившего тогда 50 мастеров спорта.

Много новых замечательных мастеров помогли выявить зимние Спартакиады. Однако проходили они тогда в пределах Российской Федерации. Первая зимняя Спартакиада народов СССР привлекла невиданное количество участников — 10 миллионов человек. Около полутора тысяч победителей в течение недели вели напряженную борьбу за первенство на ледяных дорожках свердловских стадионов, на лыжне Уктус, на живописных склонах горы Кохта в Бакуриани.

Свердловск и Бакуриани! В эти дни телефоны и телеграф связывали эти две столицы зимней Спартакиады со всей страной. Болельщики то и дело толпятся у щитов, где вывешиваются «последние известия». Сегодня радостный день у команды Грузии. Коба Цакадзе и Ибрагим Джангобеков, выступая в родном Бакуриани, выиграли первенство Спартакиады. Коба — по прыжкам с трамплина, а Ибрагим — по слалому. Бакуриани — это поселок горнолыжников. Из Бакуриани в Свердловск приехали Эда и Вера Гавва, а их братья, Михаил и Павел, выступали на бакурианском трамплине.

Характерно, что с подобной «семейственностью» мы встречались не только в сборной команде Грузии. В эстонской команде лыжников нас познакомили с супругами Сентой и Хельмутом Мейер, братьями Освальдом и Хейно Мыттус, Юрием и Антсом Эннас... Кстати, команда Эстонии зарекомендовала себя на редкость сплоченной и дружной и в эстафете 4×10 километров неожиданно для всех заняла третье призовое место.

Много хороших неожиданностей принесли финальные игры в Свердловске. Радуют, конечно, замечательные успехи прославленных чемпионов — Виктора Косичкина, Инги Ворониной, Евгения Гришина, установивших ряд новых всесоюзных рекордов на ледяных дорожках, победы Ивана Утробина, Геннадия Ваганова, новые достижения лыжной королевы Алевтины Колчиной...

Но еще больше радуют успехи молодежи. Буквально на «пятки» лучшему спринтеру мира Евгению Гришину наступал двадцатилетний свердловчанин Борис Гуляев. Он завоевал серебряную медаль и показал время, поставившее его на четвертое место в списке лучших спринтеров мира.

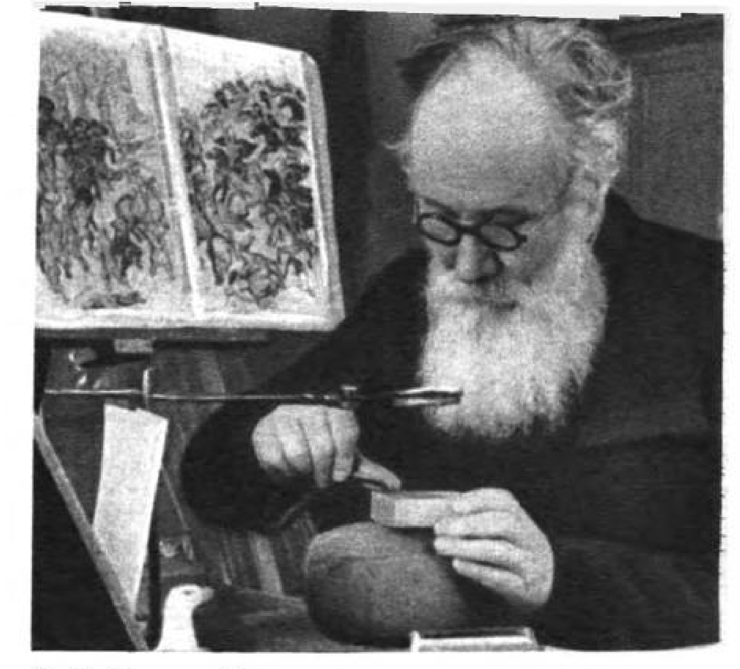
Вторым местом пришлось довольствоваться двухкратному чемпиону мира по современному лыжному двоеборью В. Меланину. В Свердловск он приехал, победив на международных соревнованиях в Финляндии. А вот чемпионом Спартакиады неожиданно стал молодой мастер спорта Н. Мещеряков. В стрельбе у него двадцать попаданий из 20 возможных и отличное время на лыжне.

В сильный снегопад и метель проходила гонка на 15 километров. Потеснили многих известных в стране мастеров и заслужили бронзу на этой дистанции двое неприметных до сих пор гонщиков, В. Кирьянов и В. Красавин,— представители Вооруженных Сил.

Их сотни, новых замечательных спортсменов, открытых Спартакиадой. Это золотые резервы нашего спорта.

Прозрения художника

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР

В. А. Фаворский

Свершен большой труд. Дивные образы «Слова о полку Игореве» под рукой кудесника-гравера ожили во плоти.

...Черные тучи закрыли небо. Тучей по степи ходит воинственное половецкое племя... Будто о кровавой сече войска Игоря с кочевниками вспоминает один из переживших время мужественных ратников; будто не сторонним наблюдателем был он в бою. Здесь живая кровь говорит. Тяжелехонек выпал день для русского воинства, но не посрамили они родной земли, насмерть стояли дружины. Все в них — сила, отвага и дружество. Вдохновенен в бою буй тур Всеволод. Небо в молниях. Стрелы кружатся. Игорь смотрит вперед и... не видит просвета в подступающих ратях врагов. Победа отвернулась. Но не дрогнул и бровью не повел Новгород-Северский князь Игорь...

Кто же не знает — они были такими. И битва гремела вот так. Но мне виден за большой простотою и ясностью великий труд, совершенное мастерство. Посмотрите на воинов русских. Что ни лицо, что ни взмах меча, то характер. И хоть чертами все разнятся, а близкие. И упрямы — стоят как влитые.

Но ведь и то сказать: битва — кровь и убийство; красивого мало. А у Фаворского — строгая красота. И он прав. Каждый стих «Слова» — это совершенство, это высота поднебесная, это непостижимая гармония. Значит, и перед глазами читателя должна предстать совершенная картина. Как же художник добивается такого чуда? Он действует по-своему, только ему ведомым способом. И не все тут решает безукоризненное знание — дело куда серьезней. Сердцем и разумом мастер приблизился к тому былинному времени и услышал в самом себе чудный голос автора «Слова». А дорога к таким прозрениям лежит через труд и знание; бескрайний труд, энциклопедические знания.

Что делает «Слово» бессмертным?

— Нетленная поэтическая ткань древней поэмы, — ответите вы.

Чего же добивается Фаворский, иллюстрируя «Слово о полку Игореве»?.. Он обращает поэтическую сущность «Слова» в полные величавой красоты зримые образы. Герои поэмы живут, действуют среди природы, их жизнь находит отклик и в ней. Так у автора «Слова», так и у Фаворского.

Всю свою работу Фаворский ведет к тому, чтобы природа оказалась всесторонне обрисованным, полноправным действующим лицом. Как чудесно выражены близость человека к природе, поклонение ее силам в сцене «Плач Ярославны»! Покоряет затихшее безбрежье далей: к ним обращено слово человека. Поэтичный речитатив Ярославны находит полнозвучный отклик в заречных кущах, в водах Днепра, в сиянии солнца.

Полечу я кукушкой по Дунаю,
Омочу бобровый рукав
в реке Каяле,
Утру князю раны
На могучем его теле.

Нет, природа в иллюстрациях Фаворского не безучастна к судьбе русских людей. Светлая песнь радости звучит в лугах, полях и лесах родной земли, по которым поспешает из плена Игорь. Радуются люди, праздничным светом залита земля. И как глубоко,

Услуга за услугу

Э. ПАРХОМОВСКИЙ

Фельетон

Рисунки Ю. Черепанова.

Возвращаюсь на днях с работы. У станции метро слышу:

— Новые виды обслуживания в Москве! Экономьте время!

Старичок, выкрикивающий эти слова, размахивает красочной брошюркой.

— К вам на дом придет парикмахер! Он сделает вам перманент! Облегчайте себе жизнь!

Я подумал, что перманент мне ни к чему, но облегчить жизнь все-таки не мешает. Уплатил старичку шестьдесят копеек и взял брошюрку. Она пахла свежей краской и неиспользованными возможностями. Отличный запах!

На первой странице было написано:

«В наш быт прочно вошло слово «сервис» — обслуживание. С каждым днем растет спрос советских людей на хорошо сшитую одежду, на удобные и практичные предметы обихода, красивые и изящные вещи. Обширная и растущая сеть торговых и бытовых предприятий призвана удовлетворить эти требования населения.

Но, как ни странно, далеко не многие москвичи знают, что для приобретения самого необходимого не обязательно ходить в магазины, а иногда стоять в очереди. Оказывается, многое из того, что нам нужно, могут доставить на дом. Это и есть сервис!»

На душе у меня стало светло, как в телестудии. Сфера обслуживания поворачивалась ко мне своей ослепительной стороной. Она таила массу приятных сюрпризов...

Сюрпризы не заставили себя ждать.

Первым делом мы с женой решили облегчить себе жизнь в деле уборки квартиры. До сих пор мы занимались этим по воскресеньям. Вместо того чтобы читать книги, посещать музеи и выставки и вообще культурно расти. Теперь все будет по-иному.

Набираем номер Г 7-15-71, указанный в рекламной брошюрке, в разделе «Уборка квартир, мытье и натирка полов». На сердце поют соловьи. Но через минуту соловьи уже раскаиваются в своем легковерии. Приятный голос в трубке сообщает:

— Уборку квартир мы, к сожалению, не производим. Уборщиц нет. Полы тоже не моем. Если хотите, сделайте все это сами, а потом мы пришлем к вам полотера.

— Спасибо, — говорим, — не стоит беспокоиться, мы уж как-нибудь сами.

Перспективу культурного роста заволакивает снежной метелью. Засучив рукава, беремся за уборку. В конце концов мы могли бы и не убирать. Пыль не дым, глаза не ест. Но вечером к нам должны прийти гости — ужасные чистюли. Таким только попадись на язык...

— Послушай,— говорит жена.— Чистота чистотой, а угостить их тоже чем-нибудь надо.

— Надо,— соглашаюсь я,— а то после разговоров не оберешься...

— Так вот, ты пока мой пол на кухне и все такое прочее, а я схожу в магазин и что-нибудь куплю.

— Зачем? — говорю. — Лучше ты мой пол в кухне и все такое прочее, а я позвоню по телефону в гастроном номер два, закажу все, что надо, и нам доставят домой. Ведь ты же знаешь, что теперь для приобретения самого необходимого не обязательно ходить в магазины, а иногда стоять в очереди. Когда ты наконец привыкнешь к сервису?

Набираем номер Г 1-75-72, указанный в рекламной брошюрке. На этот раз соловьи торжествуют.

убедительно эта мысль выражена! Нам дороги бородатые предки, с достоинством посылающие привет князю. А чудные ребятишки, взапуски бегущие встретить недавних пленников! Только художник, испытавший себя, знает, насколько трудно передать такую сцену убедительно и благородно — так легко впасть в умильность, слащавость; чрезвычайно сложно найти гармонически звучащий композиционный ансамбль. У Фаворского же все в меру, все на месте, все подчинено идее и вместе с тем все живо, непосредственно, пластично. Хочется сказать о гравюрах Владимира Андреевича Фаворского словами Пушкина: «Какая глубина! Какая смелость и какая стройность!..»

Глубина! Вот слово Пушкина о солнечном гении Моцарта. Большую ответственность чувствую я за такую похвалу художнику. Ну что ж, пусть и будет ответственность! Когда видишь, что есть за что отвечать, сердце переполняется гордостью за человека, за его труд. Тогда и ответственность не в тягость...

Фаворский не год и не два работает над бессмертными образами пушкинских произведений. Это очень трудно! Это верх почета — говорить образами искусства о солнце русской культуры, о Пушкине. Но, пожалуй, без особой натяжки можно считать шедевры пушкинского пера наиболее близкими по духу, по творческим устремлениям таланту В. А. Фаворского.

Язык драматических произведений Пушкина строг и ясен. Той же монументальной силой и классической ясностью привлекает все, к чему обращался Фаворский за свой долгий художнический путь.

«Всякий... предмет выбирай, соответственный силе; долго рассматривай, пробуй, как ношу, поднимут ли плечи. Если кто выбрал предмет по себе, ни порядок, ни ясность не оставят его: выражение будет свободно». Эти слова Горация прекрасно соотносятся с творчеством Владимира Андреевича Фаворского. Годы, а то и десятки лет он рассматривает, пробует, решает, «поднимут ли плечи». Начало работы над «Словом» уходит к истокам 30-х годов. Пушкин остается с Фаворским на протяжении всей жизни.

Вот сцена из «Скупого рыцаря». Апофеоз Барона. Раскрыты сундуки. Зажжены свечи. Барон упивается созерцанием богатств. Это так верно, так по Пушкину прочтено, что остается про себя заметить: «Да, он именно таков — мрачный рыцарь золотого тельца».

Артист, исполняющий монолог Барона, загримирован по Фаворскому; позы, жесты актера взяты с той же прекрасной гравюры.

— Ну и что же? — спросите вы.

А то, что в итоге родился сильный сценический образ. Текст Пушкина и гравюра Фаворского живут рядом, помогая увидеть Барона воочию.

Не могу утверждать категорически, что Фаворский, дескать, наилучшим образом проиллюстрировал Пушкина. Гений Пушкина неисчерпаем. Это неиссякаемый источник для трудов живописцев и скульпторов, графиков и монументалистов. Не спорю, и «Скупой рыцарь», и «Моцарт и Сальери», и тем более «Борис Годунов» дают драматический материал такого духовного напряжения, что нетрудно предсказать появление многих живописных и графических произведений с высоким накалом чувств. Это будут самостоятельные работы, для коих пушкинский стих лишь вдохновенный пример... Особенность и бесконечное достоинство гравюр Фаворского в том, что они органично слиты с книгой, с текстом.

Говорят, образам Фаворского не хватает поражающей взор броскости: увидел издалека и заспешил к ним. А нужна ли такая броскость для книжной иллюстрации? Я уверен, что нет. Точность и глубина мысли — вот первейшее качество книжной гравюры. Когда человек берет в руки книгу, достойную внимания, он приуготовлен к активной работе мысли. Уже внешнее оформление, форзац, шмуцтитул, весь титульный разворот настраивают его на определенный лад. У Фаворского миниатюры, поставленные в изголовье книги, как правило, вскрывают и дух и смысл повествования, являясь заветным золотым ключом. Иллюстрации в тексте имеют у него глубинный характер. Как правило, избирается узловая точка повествования — вершина, с которой открываются дали, начала и концы пути.

Зарождение смуты, слова юродивого в «Борисе Годунове» — точка высшего напряжения драмы. Фаворский со свойственной ему сдержанностью и внутренним благородством показывает одиночество Бориса. Здесь нет и в помине экспрессивной выразительности. Но, вглядываясь в Бориса, мы осознаем его трагедию; далеко не простодушные лики царских советников зримо обрисовывают черты времени; ничто так не может приблизить художника к эпохе смутного времени, как внимание к злокачественной сути боярского окружения престола. Это окружение и показал Фаворский с присущим ему лаконизмом, умением обобщать.

Народ на графическом полотне Фаворского прислушивается. Народ многолик, противоречив, сложен и простодушен. Все это сказано с неторопливой основательностью. Автор исполняет свою гравюру, как еще одно сказание о времени, хорошо знакомом, но до сих пор не обрисованном. Над гравюрой этой, вглядываясь в лица, неторопливо раздумывая, любуясь неподражаемым совершенством исполнения, просидишь добрый час, не замечая времени. Не раз уже по памяти вспомнишь пушкинские строки. Не раз перечтешь любимые места. Вот что хорошо! Ведь Пушкин, как никто, требует углубленного чтения...

Фаворский не приноравливается к эпохам, не подчеркивает черт времени особо колоритными деталями житейского обихода. Он идет от знания. В его гравюрах детали точны, выразительны и скромны. Время безошибочно определено характерами людей, их деяниями. Вот «Пир во время чумы». Обстановка обрисована предельно лаконично: «Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин».

Фаворский, оставаясь в рамках пушкинского определения места действия, духовным наполнением скупой по деталям гравюры передает настроение пирующих, необычный характер сцены, печальное и вместе с тем дерзкое, чумное время.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...

Так же экономно воплощена сцена встречи Моцарта и Сальери в трактире «Золотого льва». Ничего лишнего. Ничего, что мешало бы выявлению психологического контраста. Светлый гений Моцарта и темная завистливость Сальери. Будущее человечества и злой демон мрачного прошлого.

«Гений и злодейство две вещи несовместные», — так думал гуманист Пушкин. В этом же видит главное Фаворский. Эту мысль он отчеканивает в полных исторической правды образах.

Со времен Дюрера искусство гравюры не знало подобного мастера с подобным масштабом дарования. Труд Фаворского делает честь советскому искусству.

Приятный голос в трубке отвечает:

— Ваш заказ принят и будет доставлен.

— Большое спасибо! — растроганно говорю я. — А нельзя ли узнать, в какое время?

— Пожалуйста... Между двумя и семью, только никуда не уходите.

— Ладно, — отвечаю, — будем ждать. Будем сидеть не двигаясь. Расправим усталые плечи и замрем в ожидании. Пять часов так пять. Надо же облегчать себе жизнь и экономить время!

Гости явились в восемь. За полчаса до их прихода я снова позвонил в «Гастроном» и ледяным голосом спросил:

— Почему не доставлен заказ номер двести восемьдесят пять?

— Ах, это вы!.. — ответили в трубке. — А в какой квартире вы живете?

— В девяносто пятой.

— А у нас почему-то записано: в сорок пятой. А там принять отказались. Говорят, не заказывали... Нет, сейчас уже доставить не можем. Ваш заказ аннулирован. Завтра, пожалуйста. Между двумя и семью.

— Спасибо, — ответил я и бросил трубку.

Продуктовые магазины в нашем районе закрываются по воскресеньям в семь часов вечера. Это очень удобно. Если в пять минут восьмого к вам нагрянули незваные гости, можно сослаться на эту причину и угостить их только чаем.

Наши гости были зваными. Поэтому, когда мы предложили им чай с сухариками, они возмутились. Не имея возможности налечь на закуску, они налегли на спинки наших стульев, которые были известны своей хрупкостью. Раздался легкий треск. Три планки оказались на полу. Гости попрощались и с чувством исполненного долга ушли домой.

Поломанные стулья вызвали досаду. Единственное, что утешало, — это мысль о сервисе, который прочно вошел в наш быт.

Утром я заглянул в рекламный справочник и позвонил в мастерскую по ремонту жесткой и мягкой мебели Ленинского района. Телефон Г 6-75-44. Мне ответили: звоните Г 5-47-54. Позвонил. Какой-то мужчина спросил, в чем дело. Я сказал, что хотелось бы, воспользовавшись сервисом, склеить стулья.

— Мы пользуемся для этого обыкновенным клеем, — ответил мужчина. — Если вас это устраивает, могу прийти в шесть часов вечера и определить объем работы. А потом пришлю мастера.

— Очень хорошо, — ответил я. — Приходите.

То, что этот человек не знал слова «сервис», меня нисколько не огорчило. В конце концов разве в словах дело?

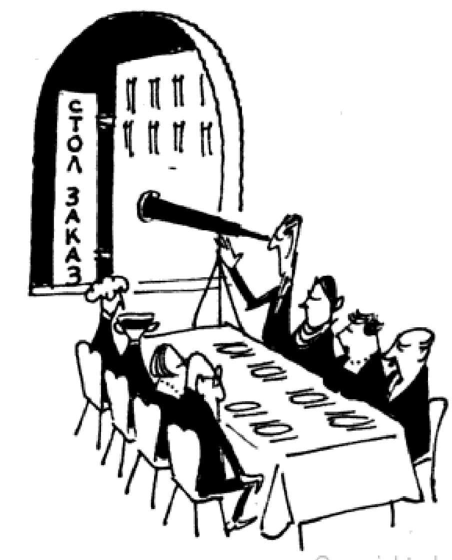
В этот день я торопился попасть домой точно к шести часам. Для этого мне пришлось взять такси. Однако мужчина не пришел ни в шесть, ни в семь, ни в восемь... Так продолжалось три дня. На четвертый я снова позвонил в мастерскую.

Милый женский голос ответил:

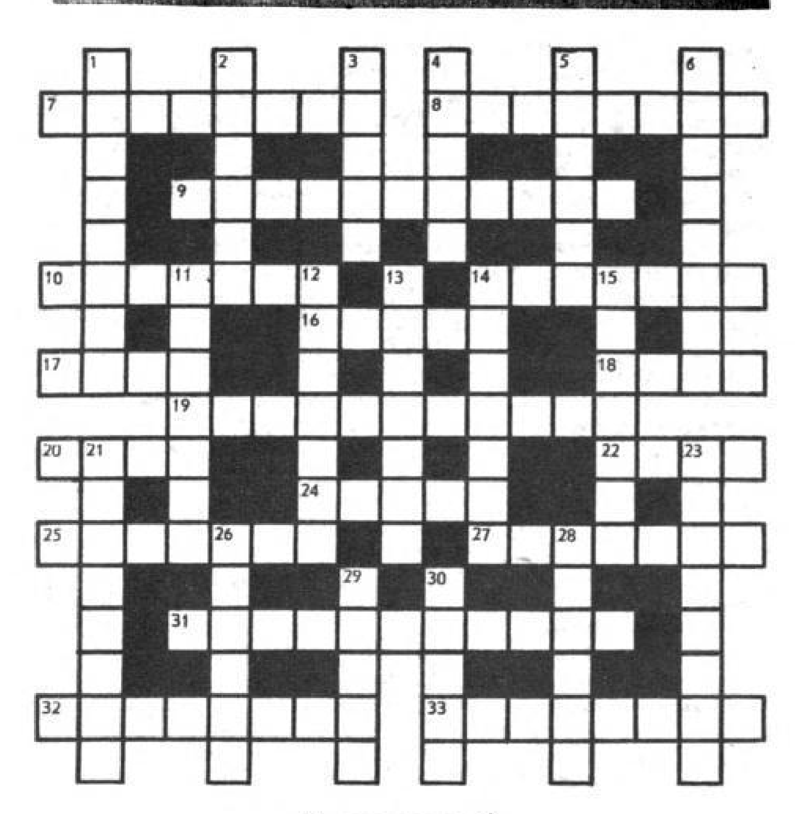
— Какой там еще мужчина! Мало ли кто у нас тут мог взять трубку... И вообще на шесть часов мы не могли принять заказ. У нас рабочий день до пяти. Что, и у вас до пяти? Ну, нас это не касается. Отпроситесь с работы и ждите. Или, наконец, возьмите отпуск за свой счет на один день. Но, между прочим, до сих пор никто по телефону с такими просьбами не обращался...

Мне стало стыдно, но потом я понял, что эта милая девушка просто не купила еще рекламного справочника «Обслуживание москвичей на дому» и не догадывается, что слово «сервис» уже прочно вошло в наш быт.

Теперь я в свободное время перелистываю свое приобретение. Запах свежей краски оно уже потеряло, но аромат неиспользованных возможностей сохранил свою первозданную прелесть. Я методично набираю номера телефонов, указанные в справочнике, и, услышав ответ, вежливо здороваюсь и советую приобрести и поскорей ознакомиться с этой прекрасно изданной и оформленной с большим вкусом брошюрой. Как говорится, услуга за услугу.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Судно. 8. Советский цирковой артист. 9. Прибор для измерения углов. 10. Город в Италии. 14. Украинский музыкальный инструмент. 16. Персонаж пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость». 17. Оценка. 18. Вид спорта. 19. Устроитель, инициатор. 20. Продолжительность деятельности, работы. 22. Роман Э. Войнич. 24. Часть охотничьего припаса. 25. Древнегреческий математик. 27. Река в Бразилии, приток Амазонки. 31. Счетный отдел предприятия, учреждения. 32. Автономная советская республика. 33. Зимний сорт яблок.

По вертикали:

1. Ночной жук. 2. Ученая степень. 3. Письменное приветствие. 4. Основное население одной из автономных республик. 5. Каменноугольный период. 6. Инструмент каменщика. 11. Бумажная или картонная покрышка книги. 12. Вечнозеленый кустарник. 13. Русский художник. 14. Вулканическая горная порода. 15. Отзывчивость, дружеское расположение. 21. Вязаная ткань. 23. Искусственное увлажнение почвы. 26. Северная морская птица. 28. Многогранник. 29. Специальность рабочего. 30. Цилиндрический стержень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Бразилия. 9. Капрон. 10. Тротил. 11. Черепица. 12. Сейф. 13. Обер. 14. Шланг. 16. Балкон. 18. Байка. 19. Штангенциркуль. 22. «Маска». 24. Радуга. 27. Алмаз. 31. Адур. 32. План. 33. Трафарет. 34. Бревно. 35. Игарка. 36. Акустика.

По вертикали:

1. Балерина. 2. Фламинго. 3. Бунчук. 4. Атташе. 5. Капелла. 6. Графин. 7. Пороша. 8. Линейка. 15. Графа. 16. Бугор. 17. Нерпа. 18. Блуза. 20. Пандури. 21. Палатка. 23. Корова. 25. Аквариум. 26. Гидролиз. 28. Лаплас. 29. Витоша. 30. Путина.

Первая страница обложки — Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки — Подмосковная река Волгуша.

Фото В. Гукова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00439. Подписано к печати 14/III 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 192. Заказ № 603.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Почему мы так говорим

ОТКУПОРИТЬ

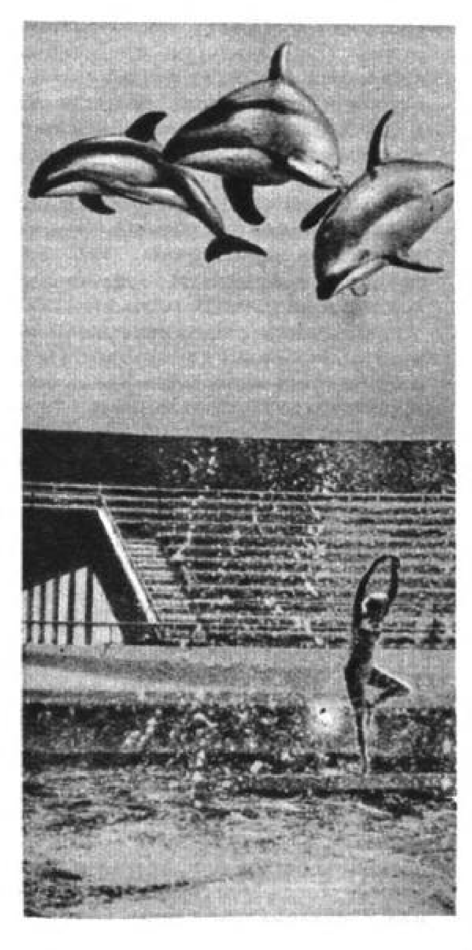
В петровскую эпоху в русский язык хлынули многие сотни иноземных слов. Подчас они оставались малопонятными. Даже Петр иногда восставал против злоупотребления ими: «...в реляциях твоих употребляешь ты зело многие... иностранные слова, за которыми самого дела выразуметь невозможно».

Многие слова этих лет, имевшие давние русские синонимы, не прижились и потом исчезли (конкет — завоевание, менаж — бережливость, виктория — победа), но большая часть, связанная с административными реформами, воинским делом, математикой, медициной, наукой, искусством, новыми вещами и новыми понятиями, осталась. Считается, что около четверти иноязычных слов в нашем языке было заимствовано при Петре.

Голландские слова, проникшие в это время в русский язык, относились главным образом к мореходству: руль, фарватер, киль, верфь, каюта, трап, рейд, люк и другие. Вместе со словами, непосредственно связанными с морским делом, вошли и слова, не относящиеся прямо к мореходству, как, например, «брюки» (часть матросской одежды) или «купор», образованное из голландского слова, означавшего «бочар», хотя у нас уже были «бочар» и слово «бондарь», заимствованное русским языком из украинского. Слово «купор» упоминается в петровское время в морском уставе, есть оно и в словаре В. И. Даля. В петербургском порту были особые купорные артели, имевшие исключительное право на упаковку (закупоривание) и распаковку (откупоривание) товаров, перевозимых в бочках и ящиках, а также на починку такой упаковки. Купорных артелей у нас уже нет, но остались слова «откупорить» и «закупорить».

И. УРАЗОВ

Танцующие дельфины

Дельфины принадлежат, по мнению ученых, к числу самых разумных животных на Земле. Они отличаются великолепной памятью, необычайно веселым нравом и обладают вдобавок замечательным музыкальным слухом.

Американский натуралист д-р Джон Лилли, который много лет занимается дрессировкой дельфинов, утверждает, например, что дельфины умеют петь хором, следуя движениям рук дирижера, подражать голосу и смеху человека.

Музыкальность дельфинов решила использовать американская танцовщица Джульет Прауз. Она подготовила необычный номер, где в роли ее партнеров выступают дельфины, живущие в гигантском аквариуме «Маринленд» в Калифорнии.

По словам Джульет Прауз, дельфины оказались великолепными танцорами. Они моментально поняли, какие па требуют от них, и выполняли свои прыжки в соответствующем ритме и темпе.

ПОСЛОВИЦА НЕСУДИМА

Исполнилось сто лет со времени выхода в свет замечательного труда В. И. Даля «Пословицы русского народа».

Даль исколесил юг и север нашей страны, много ездил по Уралу, Поволжью, Подмосковью, участвовал в военных походах и морских плаваниях, вел свои записи у солдатских костров и в походных лазаретах, на крестьянских сходках, в избах и лачугах. Записи служили Далю иллюстративным материалом для подготовки главного труда всей его жизни — «Толкового словаря живого великорусского языка».

Немало трудностей вставало на пути ученого. Первый сборник сказок, собранных в турецком и польском походах, повлек за собой донос Булгарина и кратковременный арест Даля.

Когда он в 1853 году представил свой сборник пословиц в Академию наук, протоиерей Кочетов и затем цензор мракобес Шидловский категорически воспрепятствовали изданию, требуя изъятия всех пословиц, направленных против духовенства, дворянства и т. д.

Даль отказался выполнить эти требования, и девять лет сборник пролежал под спудом. Лишь после крестьянской реформы и некоторого ослабления цензурного гнета, в 1862 году, он был напечатан с эпиграфом: «Пословица несудима».

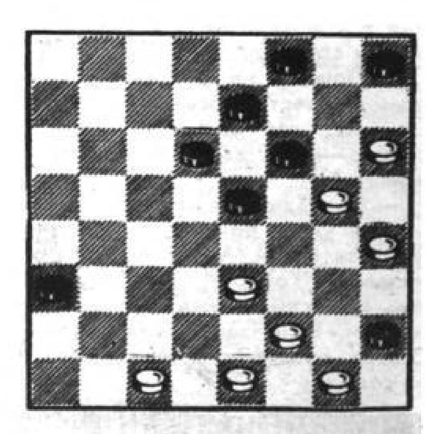
Р. ШТИЛЬМАРК

Шашки

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Гроссмейстер И. Куперман (Киев) известен не только как трехкратный чемпион мира и СССР по стоклеточным (международным) шашкам, но и как четырехкратный чемпион страны по русским шашкам. Он является автором учебников и монографий, а также оригинальных концовок и этюдов.

Предлагаем вниманию читателей одну из концовок И. Купермана.

Белые начинают и выигрывают.

В. ФАВОРСКИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Гравюра на дереве

Из работ, представленных на соискание Ленинской премии.

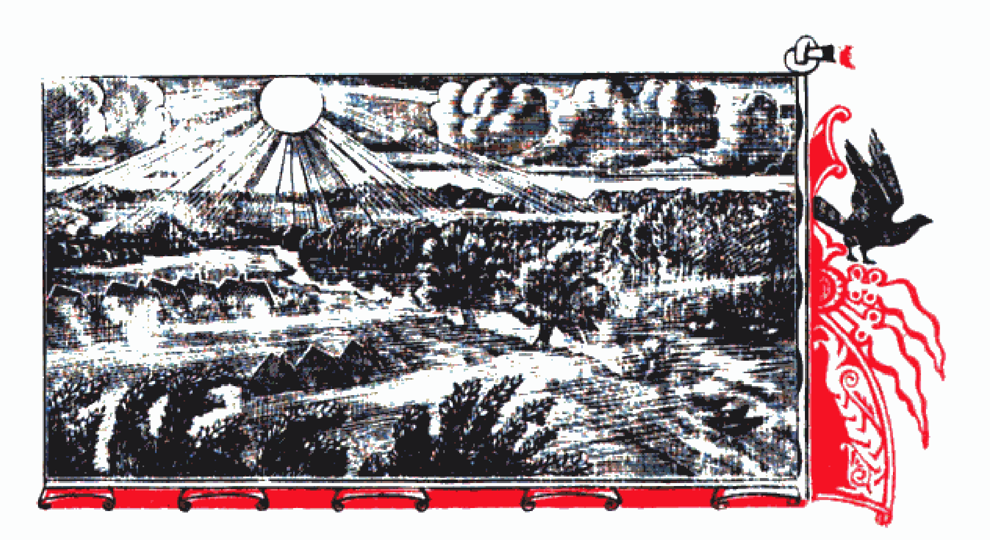

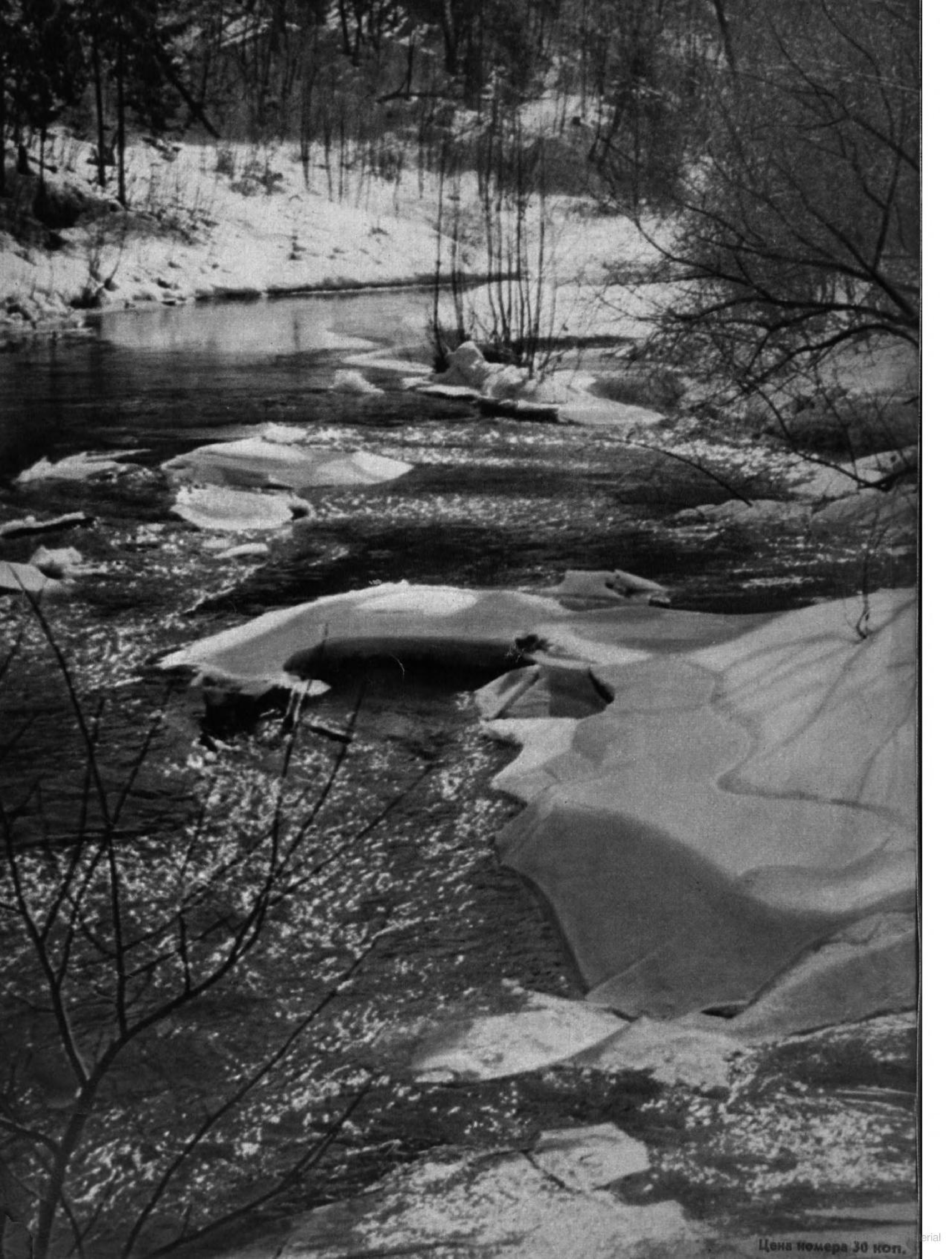

Цена номера 30 коп.